Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования

**«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Липецкий филиал

МИР И РОССИЯ
В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

МАТЕРИАЛЫ XXII ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЧНОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Том 5

Секция 4

Юридическая наука как элемент модернизации современного общества

Подсекция 2. Уголовное право и процесс

24 апреля 2025 г. (г. Липецк)

Воронеж • 2025

УДК 34:343(06)
ББК 67+67.408я431
М63

Рецензент:
Шурупова Ольга Сергеевна, профессор кафедры английского языка ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, д-р филол. наук, доцент

Мир и Россия в условиях новой реальности: материалы XXII Всероссийской очной студенческой научно-практической конференции (Липецк, 24 апреля 2025 г.): в 6-ти т. Т. 5. Секция 4. Юридическая наука как элемент модернизации современного общества. Подсекция 2. Уголовное право и процесс / под общ. ред. В.М. Шагуновой. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2025. – 248 с.

Материалы сборника научных трудов участников XXII Всероссийской научно-практической конференции «Мир и Россия в условиях новой реальности», состоявшейся 24 апреля 2025 г. в г. Липецк, посвящены рассмотрению проблем, особенностей и тенденций трансформаций в развитии различных сфер экономики и общества. В сборнике представлены исследования студентов и магистрантов из России.

Сборник предназначен для широкого круга читателей: ученых, специалистов-практиков, аспирантов, студентов.

Опубликованные материалы представлены в авторской редакции.

УДК 34:343(06)
ББК 67+67.408я431

© Коллектив авторов, 2025
© Липецкий филиал РАНХиГС, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Абумов И. А.
Криминологическая характеристика лиц, совершающих преступления по мотиву ревности 7
Алборов Д. В.
Уголовно-правовые проблемы и перспективы искусственного интеллекта 20
Алмамедова Д. М.
Пути совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации, предусматривающего ответственность за побои 27
Амоев Р. К., Некрасов И. Ю.
Эксцесс исполнителя в законодательстве РФ 30
Аракелян М.А.
Цифровизация и ее влияние на современную преступность 33
Башлаев И. А.
Понятие и признаки пособничества как формы соучастия....38
Белоус П.А.
К вопросу о защите прав добросовестных приобретателей....42
Богдасарова Д. С., Аджиаметова М. Н.
Использование искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве: перспективы и риски для справедливости и законности....45
Бузычкина А.А.
Правовой аспект понятия «геноцид» тогда и сейчас....49
Васильева А.В.
Киберпреступность и защита данных: сравнительный анализ мер противодействия в РФ и КНР в условиях цифровой трансформации 53
Веретягин А.С., Шурухчеев Р.Ю.
Уголовно-правовой анализ статьи 186 Уголовного кодекса Российской Федерации: подделка денег или ценных бумаг....57
Викулина Т. В.
Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, как обстоятельство, исключающее преступность деяния....60
Воронина Е. А.
Роль педагога и психолога в уголовном судопроизводстве с участием несовершеннолетних 63
Гальцова С. А.
Уголовная ответственность за причинение смерти по неосторожности 67
Гейдаров Т. Р.
Криминальное банкротство: сущность, формы и современное состояние в России 70

Гладких Е.А.
Современные подходы к расследованию преступлений в сфере незаконного оборота сильнодействующих или ядовитых веществ 73
Гостеева М. А.
Дискуссионные вопросы определения объективных признаков легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем 77
Грибеникова И. А.
Участие прокурора в собирании доказательств в досудебных стадиях уголовного судопроизводства 82
Губа В. В.
Экономические преступления в условиях цифровизации 85
Дьяков Н. С.
Личная безопасность в интернете 89
Ершова К. А.
Виктимология жестокого обращения с детьми 92
Жукова А. А.
Историко-правовая характеристика появления уголовной отвественности за организацию притонов для потребления наркотических средств 97
Зубкова К. М.
Общая криминологическая характеристика мошенничества, связанного с оказанием услуг оккультного и психологического характера 102
Зуенко Д.М.
Особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних 111
Каратунова Д.А., Опрышко М.А.
Родитель как специальный субъект преступления 115
Ковалева И.С.
Факультативные признаки объективной стороны преступления как обязательные признаки определенных составов 117
Коновалова А. Р.
Проблемы квалификации преступлений против порядка подчинённости и уставных взаимоотношений 123
Косолапов А.И.
Квалификация преступлений: понятие, значение и роль в уголовном праве 125
Косых В. А.
Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ 129
Кривошеина Н. С.
Уголовная ответственность за причинение ущерба путем обмана или злоупотребления доверием 135

Куценко В.С., Пушечкин Г. К.
Клевета в сети Интернет: уголовно-правовые аспекты и вопросы ответственности 138
Макарова М. Е.
Уголовно-правовые основы противодействия преступлениям против правосудия, совершаемые должностными лицами на этапе предварительного расследования 143
Малашенкова П. Р., Мамхегов М. А.
Врачебная ошибка в контексте ятрогенных преступлений 149
Медянский В. А.
Специфика и роль оперативно-розыскной деятельности в функционировании системы правоохранительных органов и расследовании преступлений 151
Моисеева А.Е.
История становления уголовной ответственности за преступления, ставящие в опасность жизнь и здоровье человека 153
Муровлянников К. П.
Особенности противодействия страховому мошенничеству в Липецком регионе: теоретические и практические аспекты 158
Нэпсова А. А.
Возрастные, психологические и социальные особенности несовершеннолетнего как субъекта уголовного права 161
Опарина С.А.
Генезис развития уголовной ответственности за организацию и вовлечения и занятия проституцией 167
Павленко С. Ю.
Уголовно-правовая характеристика нарушения медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей в сфере оказания медицинской помощи 171
Парахин Д. Р.
Правовой статус частных военных и охранных компаний и критерии их легитимности 175
Пасечник К. В.
Теоретическое основание разграничения эксперта и специалиста в уголовном процессе 181
Первушина С. Н.
Влияние особого порядка разбирательства на эффективность судебной системы 187
Поплевин И.В.
Проблемные аспекты процессуальной самостоятельности следователя 192
Попов С. С.
Вопросы квалификации нецелевого расходования бюджетных средств 197
Прохорова А.С.
Анализ жертв киберпреступлений: кто подвержен риску 200

Пряников И.Д.
Исторический аспект развития применения электронного мониторинга поднадзорных лиц в России.....204
Рева К. Д.
Формирование личности в условиях новой реальности: цели, ценности, методы.....207
Савкуев Б.Б.
Влияние уголовной политики на уголовное право.....210
Семенова Л.В.
Квалифицирующий признак убийства: хулиганские побуждения.....213
Старцев Р.В.
Правовые и организационные проблемы контроля поведения лиц, отбывающих наказание.....217
Филиппова Д. А.
Общая характеристика преступлений, совершаемых против несовершеннолетних посредством использования сети Интернет.....219
Ченцова Е. Е., Хеж С. Э.
Особенности подростковой преступности в современной России.....224
Черёмухина Д.Д.
Проблема предупреждения преступлений, связанных с торговлей человеческими органами.....226
Чернов А.А.
Направления совершенствования правовых и иных мер противодействия преступлениям против транспортной безопасности.....230
Черноморец В. Е.
Уголовная ответственность за насильственные преступления против основ конституционного строя и безопасности государства.....235
Шардыкина С. А.
Развитие уголовного судопроизводства в отношении несовершенолетних.....239
Шубина Д.В.
Участие защитника в уголовном процессе: история и современность.....243

Абумов И. А., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Соловьева В.В., д-р ист.наук, профессор

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО МОТИВУ РЕВНОСТИ

Аннотация

В статье рассматривается криминологическая характеристика преступлений, совершенных по мотиву ревности

Ключевые слова: криминологическая характеристика преступлений, совершенных по мотиву ревности

Ревность является одним из наиболее распространенных эмоциональных состояний, которое может приводить к совершению преступлений различной тяжести – от угроз и насилия до убийств. Криминологи выделяют ряд характерных черт и особенностей личности преступников, совершивших преступление по мотивам ревности:

1. Психологическими особенностями личности преступников, совершивших преступление по мотивам ревности являются:

Эмоциональная нестабильность – одна из наиболее характерных черт личности преступников, совершающих деяния именно на почве ревности. Люди подобного типа сталкиваются с серьезными проблемами управления собственными чувствами и переживаниями, особенно остро реагируя на ситуации, когда возникает ощущение реальной или мнимой угрозы их личным отношениям либо самооценке. Подобные обстоятельства провоцируют мощные эмоциональные всплески, такие как внезапные приступы злобы, необузданной ярости и агрессивного поведения, которое становится трудно контролировать даже самим субъектам. Важно отметить следующие аспекты этой проблемы: резкость изменений эмоций (человек, охваченный сильной ревностью, способен практически мгновенно переходить от относительно уравновешенного состояния до крайней степени раздражения и гнева, часто проявляя агрессию по отношению к окружающим людям), нарушение адекватного восприятия действительности (в состоянии острой ревности человек нередко теряет способность объективно оценивать реальность, его восприятие событий и действий других людей сильно искажается. Субъект склонен видеть угрозу там, где её фактически нет, интерпретируя нейтральные поступки партнёра или третьих лиц как доказательство неверности или предательства).

Эти особенности поведения создают значительную опасность как для самого субъекта, так и для окружающих его людей, поскольку человек действует импульсивно, не задумываясь о последствиях своих поступков.

Именно поэтому важным аспектом работы сотрудников правоохранительных органов и психологов является раннее распознавание признаков эмоциональной нестабильности у лиц, находящихся в конфликте на почве ревности. Своевременная диагностика такого состояния позволяет своевременно вмешаться и принять меры профилактики, направленные на предотвращение возможных насильственных преступлений и трагедий.

Укажем также на существенную взаимосвязь между низкой самооценкой и чувством ревности. Люди, страдающие от неуверенности в себе, часто сталкиваются с серьезными внутренними сомнениями относительно своей личной привлекательности, значимости и способностей привлекать и сохранять интерес своего партнера. Их восприятие себя формируется негативным образом – они считают себя недостаточно привлекательными, умными, успешными или интересными, чтобы удержать рядом достойную пару. В результате такие индивиды испытывают хроническое ощущение угрозы своему месту в отношениях, постоянно подозревая, что партнёр предпочтёт кого-то другого, кто будет лучше выглядеть, успешнее или интереснее.

Именно низкая самооценка является ключевым фактором, способствующим развитию патологической формы ревности, поскольку она становится основой постоянного страха потерять любимого человека.

Кроме этого, стоит выделить дополнительные важные нюансы данной проблемы: страх потери контроля (люди с низкой самооценкой склонны испытывать сильный страх перед утратой контроля над происходящим вокруг них. Им кажется, что если ситуация выйдет из-под их влияния, это приведёт к неизбежному разрыву отношений. Этот иррациональный страх заставляет их чувствовать тревогу практически постоянно, создавая атмосферу напряжения и подозрительности), иллюзия собственной ущербности (постоянное чувство собственной неполноценности способствует формированию убежденности в том, что другие окружающие будут предпочитать партнёра с лучшими качествами и характеристиками. Это убеждение создаёт основу для формирования множества неоправданных подозрений и необоснованных претензий к любимому человеку).

Все эти факторы усложняют отношения еще больше, так как человек с низкой самооценкой стремится компенсировать недостаток уверенности путём усиленного контроля действий партнёра и введения жёстких ограничений на его поведение. Однако подобные методы

лишь усугубляют проблему, вызывая раздражение и недовольство второй стороны, что ведет к конфликтам и разладу.

Таким образом, осознание прямой зависимости между уровнем самооценки и выраженностью проявлений ревности помогает глубже понимать причины такого деструктивного поведения и принимать своевременные шаги для профилактики серьёзных конфликтов и эмоциональных потрясений.

Завышенные ожидания играют значительную роль в формировании чувства ревности, которое иногда выливается в агрессию и даже насилие. Это связано с распространённой тенденцией идеализировать отношения, создавать образ идеальной любви – полную гармонию, абсолютное взаимопонимание и вечную привязанность друг к другу. В таком восприятии партнёр должен стать центром жизни, обеспечивая бесконечную эмоциональную поддержку и внимание, исключая возможность каких-либо недостатков или перемен.

Однако реальная жизнь редко соответствует таким высоким стандартам. Когда один из партнёров сталкивается с несоответствием действительности своим ожиданиям (например, супруг уделяет недостаточно внимания, общается с противоположным полом вне семейного круга), возникает резкий психологический дискомфорт. Разрыв между фантазией и фактической ситуацией переживается крайне тяжело, часто сопровождается ощущением разочарования, тревоги и уязвлённости.

Это состояние усугубляется ещё и страхом потери любимого человека, который усиливает чувство собственной неполноценности и желание контролировать ситуацию любой ценой. Именно здесь начинается развитие патологической ревности: подозрительность становится постоянным спутником, доверие рушится, пара испытывает постоянный стресс и напряжение. Постоянная неудовлетворенность усиливается сомнениями, неуверенностью и навязчивым желанием следить за каждым шагом партнёра, контролируя каждый аспект его жизни.

Таким образом, когда разрыв между желаемым образом идеальных взаимоотношений и суровыми реалиями повседневной жизни достигает критического уровня, возникают сильные эмоции раздражения, злости и агрессии. Эти переживания могут приводить к различным формам насилия над партнёром, вплоть до тяжёлых преступлений. Поэтому важно осознавать разрушительную силу чрезмерных требований и научиться строить реалистичные взгляды на человеческие отношения, чтобы избежать негативных последствий и сохранить мир в семье.

Одна из ключевых особенностей людей, склонных совершать преступления на почве ревности – патологическое стремление контролировать своего партнёра. Этот болезненный контроль часто является следствием глубоко укоренившегося чувства неуверенности и страха

потерять близость и власть в отношениях. Контролирующее поведение проявляется во множестве форм и способов, среди которых наиболее распространёнными являются следующие проявления: постоянное отслеживание личной жизни (это включает проверку мобильного телефона, социальных сетей, электронной почты и личных переписок партнёра. Такая практика нередко сопровождается регулярной ревизией всех полученных и отправленных сообщений, телефонных звонков и даже фотографий), ограничение социальной активности (партнёр ревнивца сталкивается с жесткими ограничениями свободы выбора друзей, коллег и знакомых. Круг общения сужается до минимума, зачастую оставляя лишь тех людей, кого одобряет сам ревнивец), частые внезапные проверки местоположения (партнеру приходится постоянно отчитываться перед ревнивцем о своем местонахождении, маршрутах передвижения и подробностях деятельности вне дома. Часто такие требования сопровождаются внезапными звонками, проверочными сообщениями и даже неожиданными визитами), методы скрытого наблюдения и слежки (некоторые ревнивцы идут ещё дальше, устанавливая скрытые камеры видеонаблюдения, программы-шпионы на телефоны и компьютеры, поручают знакомым следить за действиями своей второй половины либо прибегают к услугам частных детективов). Эти тенденции объясняются рядом глубинных психологических факторов: 1. Боязнь утраты влияния. Люди, подверженные патологической ревности, испытывают страх потерять контроль над ситуацией. Они панически боятся стать неважными или ненужными своему партнеру и всеми силами пытаются удержать своё доминирующее положение. В основе такого поведения лежит низкая самооценка и хроническое чувство уязвимости; 2. Эгоистичное желание владеть любимым человеком целиком. Чувство собственности становится одной из главных движущих сил чрезмерного контроля. Патологически ревнующие воспринимают партнёра исключительно как свою собственность, которой нельзя позволять проявлять самостоятельность и независимость. Любая демонстрация автономности расценивается ими как угроза собственному благополучию и стабильности отношений; 3. Глубокая недоверчивость. Ревнивцы страдают от хронического недостатка доверия к любимому человеку. Их уверенность в верности и преданности партнёрши (партнера) крайне низка, поэтому они регулярно устраивают проверки, стремясь поймать её (его) на лжи или обмане. Такое поведение обусловлено отсутствием эмоциональной близости и взаимопонимания между партнерами.

Подобное поведение оказывает разрушающее воздействие на отношения, порождая атмосферу постоянного подозрения, тревоги и нервозности. Ситуация усугубляется постоянной необходимостью

оправдываться и доказывать собственную лояльность, что создаёт колоссальное напряжение и ведет к возникновению серьёзных конфликтов вплоть до физического насилия [3, с. 189].

2. К социальным факторам личности преступников, совершивших преступление по мотивам ревности следует отнести:

Семейное окружение. Наличие конфликтных отношений в семье, пережитое ранее психологическое или физическое насилие формируют паттерн агрессивного поведения. Лица, склонные совершать противоправные деяния на почве ревности, нередко имеют в своем прошлом опыт тяжелых травм, связанных с внутрисемейной агрессией, эмоциональным давлением либо прямым физическим насилием.

Причинами формирования стереотипа агрессивного поведения ревнивца являются: а) модель семейного воспитания. Ребенок, выросший в условиях постоянной напряженности между родителями (ссоры, конфликты, грубость), воспринимает подобное взаимодействие как единственно возможную нормальную реакцию на возникающие трудности и недопонимания. Во взрослом возрасте такая форма общения воспроизводится автоматически, особенно когда возникают кризисные моменты в личной жизни человека – отсюда высокая вероятность проявления агрессии и чрезмерная ревность к партнеру; б) феномен психологической травмы. Насильственный опыт в детстве оставляет глубокие следы в сознании личности, формирует своеобразный защитный механизм от возможной боли или повторного переживания негативных эмоций. Такие люди воспринимают любые знаки внимания со стороны партнера другим людям исключительно как угрозу собственному благополучию, ощущают постоянную тревогу и страх потерять контроль над ситуацией. Их агрессия направлена именно на подавление этой угрозы, предотвращение возможного возвращения болезненных переживаний прошлого; в) механизм совладания с проблемами (копинг-поведение). В результате негативного жизненного опыта некоторые индивиды начинают воспринимать собственную агрессию как наиболее эффективное средство решения возникших трудностей в межличностных отношениях. Если в детском и подростковом периоде подобные поведенческие реакции подкреплялись внешними обстоятельствами (например, поощрением родителей, поддержкой окружения), они закрепляются как автоматическая реакция на малейшие провокации или неопределенность в отношениях.

Следовательно, корни повышенной склонности к насильственным действиям на фоне ревности кроются в детских впечатлениях, травмах, полученных ранее, и сформировавшихся способах справляться с жизненными трудностями. Понимание данного механизма крайне важно для разработки эффективных методов профилактики преступности,

проведения грамотной работы с лицами, находящимися в местах лишения свободы, и снижения риска рецидива среди уже судимых лиц.

Социально-экономический статус. Низкий уровень образования, безработица, алкоголизм также способствуют формированию криминальных наклонностей. Социальное положение человека и его экономическое состояние оказывают значительное воздействие на склонность к совершению преступлений, мотивированных ревностью. Чтобы лучше разобраться в данной взаимосвязи, давайте детально проанализируем основные аспекты влияния социального статуса и экономической ситуации на вероятность совершения преступных деяний на основе чувства ревности.

Люди с невысоким уровнем образования зачастую испытывают трудности в осознании и анализе происходящих вокруг событий, поиске конструктивных путей разрешения конфликтных ситуаций. Отсутствие необходимых знаний и интеллектуальных инструментов мешает принимать взвешенные решения и находить разумные выходы из сложных обстоятельств. Такие личности чаще подвержены стереотипному мышлению и предвзятым выводам относительно намерений своего партнера, быстро переходя от подозрений к необоснованным обвинениям и агрессии. Человек с низкой степенью образованности сталкивается с кризисной ситуацией (например, ссора или недопонимание), воспринимает её чрезмерно эмоционально и принимает решение действовать силой – применить физическое насилие или другие противоправные меры [1, с. 18].

Безработные граждане находятся в состоянии постоянного стресса, вызванного отсутствием регулярного дохода и чувством собственной неполноценности. Это создает условия для возникновения депрессивных состояний, тревожности и общего неудовлетворения жизнью. Потеря самоуважения и ощущение одиночества усиливают негативные эмоции, такие как страх потерять партнёра, ревность и желание контролировать ситуацию любыми способами. Особенно опасна ситуация, когда длительный период безработицы сопровождается длительной финансовой зависимостью одного из партнеров, создающей почву для манипуляций и подавления свободы другого члена семьи. Такая обстановка значительно повышает риск появления насильственных действий, основанных на ревности.

Алкогольная зависимость представляет собой один из ключевых факторов риска проявления преступлений на почве ревности. Регулярное употребление спиртных напитков существенно ослабляет самоконтроль и искажает восприятие действительности. Под воздействием алкоголя происходит потеря способности трезво оценить обстановку и принять верное решение, возникает повышенная раздражительность и

агрессия даже в обычных бытовых ситуациях. Кроме того, алкоголь становится средством ухода от личных проблем и психологического дискомфорта, создавая иллюзию расслабленности и отвлечения внимания. Однако такое поведение лишь временно маскирует внутренние конфликты, одновременно способствуя развитию глубоких негативных эмоций и деструктивного поведения.

Возраст и пол. Чаще всего подобные преступления совершают мужчины среднего возраста, хотя женщины тоже способны проявлять агрессию на почве ревности. Преступления, совершенные на основе чувства ревности, чаще всего фиксируются среди людей зрелого возраста – преимущественно от 30 до 45 лет. Эта группа населения особенно подвержена таким поступкам ввиду следующих факторов: в указанный возрастной промежуток человек уже имеет устойчивые семейные отношения, создает семью либо находится в активном поиске партнера для построения серьезных отношений; параллельно возникают многочисленные жизненные сложности и стрессы, такие как кризисы в браке (снижение взаимной удовлетворенности партнером), экономические затруднения, рождение детей и появление новых обязанностей, вызывающих конфликты и напряжение между партнерами; подобные обстоятельства делают человека эмоционально нестабильным, повышают риск развития тревожности, подозрительности и обостряют чувство собственничества и страха потери любимого человека; поэтому именно лица среднего возраста оказываются наиболее подвержены влиянию негативных чувств, одним из которых является патологическая ревность [2, с. 234].

Таким образом, возраст выступает значимым фактором в понимании природы преступлений, связанных с ревностью, поскольку в среднем возрасте происходит максимальное накопление обстоятельств, провоцирующих негативные эмоции.

По статистике подавляющее большинство преступлений, вызванных чувством ревности, совершают мужчины, однако важно учитывать и возможность проявления агрессии женщинами в схожих ситуациях. Например, мужская ревность. Мужчина традиционно воспринимается обществом как доминирующий партнер, который стремится контролировать ситуацию и держать объект своей любви под контролем. Чувство собственности, конкуренция и страх утраты контроля над ситуацией усиливаются, когда мужчина ощущает угрозу своему положению. Патологическая ревность проявляется чаще у мужчин, склонных к нарциссизму, повышенной самооценке и стремлению к власти.

Женская ревность. Женщина также способна испытывать глубокую ревность и действовать агрессивно, хотя подобные поступки встречаются реже. Тем не менее некоторые исследования показывают,

что женская ревность часто сопровождается импульсивностью и неконтролируемостью поведения, что может привести к серьезным последствиям вплоть до убийств. Такие преступления отличаются особой жестокостью и психологическими травмами для жертв, что ставит женщин-преступниц в особую зону внимания правоохранительных органов и общества.

Таким образом, понимание особенностей преступных деяний, совершаемых по причине ревности, включает комплексный подход, учитывающий одновременно возраст и пол злоумышленника. Анализ указанных аспектов позволяет эффективнее разработать профилактику преступлений данной категории и создать механизмы предупреждения криминальных ситуаций, возникающих на фоне патологической ревности.

3. Особенностями мотивации преступника-ревнивца можно считать следующие:

Патологическое чувство собственности. У людей, испытывающих болезненные приступы ревности, эмоциональная связь с партнером зачастую приобретает гипертрофированную форму, превращаясь в чрезмерную собственническую привязанность. Их стремление удержать партнера любой ценой объясняется наличием двух основных факторов:

- навязчивая зависимость. Ревнивец воспринимает своего возлюбленного (возлюбленную) не просто как близкого человека, а фактически как часть собственного личностного пространства и источника счастья. В таком случае разрыв отношений ассоциируется с потерей смысла жизни, идентичности и даже собственного «я». Психологически человек переживает подобное состояние как серьезную угрозу своей целостности и комфорту. *«Потеря объекта любви становится подобием утраты части собственной личности», –* подчеркивается в психологическом анализе преступлений на почве патологической ревности.

- Контроль. Отсутствие способности расстаться с объектом зависимости формирует навязчивое желание держать ситуацию под полным контролем. Это выражается в стремлении подавлять свободу выбора партнера, ограничивать круг общения, лишать возможности принятия самостоятельных решений. Подобное поведение носит принудительный характер и нередко сопровождается нарушением личных границ другого человека, приводя к развитию синдрома контроля и власти над жертвой. В результате такие отношения приобретают манипулятивный характер, где партнер превращается скорее в объект обладания, нежели субъекта автономной воли.

Оба указанных фактора формируют основу насильственного поведения. Насилие здесь выступает инструментом защиты уже сложив-

шихся, пусть и токсичных, отношений, несмотря на нежелание жертвы продолжать такую связь. Типичные проявления этой психопатологии заключаются в следующих действиях:

- постоянные проверки местонахождения и активности партнера («Где ты? С кем общаешься?»);
- ограничение передвижений и круга общения («Не ходи туда! Не дружи с ними!»);
- физическая агрессия («Тебе нельзя уходить от меня!»);
- шантаж угрозами насилия («Я покончу собой/с тобой, если уйдешь»).

Таким образом, патологическое чувство собственности создает серьезные препятствия в формировании здоровых взаимоотношений между людьми, порождая разрушительные модели поведения, способные привести к серьезным правонарушениям и преступлениям против личности.

Желание наказать обидчика. Ощущение несправедливости вызывает желание восстановить баланс путем наказания предполагаемого соперника. Одной из ключевых составляющих мотивационной структуры преступника-ревнивца выступает глубоко заложенное ощущение несправедливости. Это чувство возникает вследствие реальных либо вымышленных событий, происходящих вокруг действий потенциального конкурента (соперника). Основные элементы этой специфической мотивации выглядят следующим образом: обострённое восприятие справедливости (жертва ревнивца ощущает любое проявление общения своего партнера с внешним миром – особенно выходящее за рамки привычного семейного круга – как вопиющее нарушение устоявшихся этических норм и морально-нравственных принципов. Подобное поведение воспринимают крайне негативно, зачастую интерпретируя как предательство); стремление восстановить утраченную справедливость (ревность порождает мысль о том, что другой человек вторгся в личное пространство жертвы, посягнув на её имущество или близкое окружение. Именно отсюда появляется желание устранить чужака любой ценой, включая насилие над ним. Такая реакция обусловлена стремлением компенсировать получившийся ущерб, вернуть себе статус-кво и обеспечить собственное эмоциональное равновесие через наказание противника).

Таким образом, действие желания наказать соперника приобретает характер важнейшего элемента, направленного на восстановление внутреннего психологического комфорта и внешнего социального порядка. Отличительной чертой поступков такого типа являются особая жестокость и спонтанная агрессивность. Ведь подобные действия чаще всего продиктованы инстинктивной потребностью избавиться от пре-

пятствий, препятствующих сохранению близости и гармоничности отношений с объектом страсти.

Психологический механизм самозащиты. Человек оправдывает собственное поведение необходимостью защиты собственного достоинства и чести. Многие преступники, совершающие уголовные деяния на почве ревности, мотивированы глубоким внутренним убеждением, согласно которому их действия обусловлены необходимостью защищать собственное достоинство и честь. Этот психологический феномен служит своеобразной защитой сознания от восприятия собственной вины и личной ответственности за совершённое преступление.

Агрессивное поведение лиц, действующих под влиянием ревности (так называемых ревнивцев), корнями уходит глубоко внутрь личности – оно обусловлено сильным стремлением сохранить чувство личного пространства и уважение к себе самому. Лежащие в основе такого поведения механизмы складываются из нескольких ключевых аспектов:

- подавление чувства унижения (ревность нередко возникает вследствие ощущения потери контроля над ситуацией, утраты взаимности чувств, страха оказаться обманутым. Для предотвращения мучительного переживания собственной уязвимости и слабости эти эмоции маскируются агрессией против объекта подозрений (партнёра, соперника). Таким образом, обвиняемый фактически отрицает свою вину и связанный с ней внутренний позор, прикрываясь обвинениями другого лица («он/она нарушил(а) обещание», «подвёл(а) доверие»). Это подавление позволяет избежать глубокого эмоционального конфликта внутри себя, возникающего между самооценкой и фактическими обстоятельствами, которые свидетельствуют о собственных недостатках;

- рационализация агрессивных действий. Совершая насильственное деяние, такие лица часто стремятся оправдать свои действия через призму восстановления справедливости и порядка вещей. Агрессия представляется необходимой мерой для исправления нарушенного баланса, когда личные интересы оказываются попранными или несправедливо ущемлёнными. Преступник воспринимает своё действие не как результат импульсивного гнева или необоснованной жестокости, а скорее как реакцию на объективную угрозу собственному достоинству и благополучию близких людей. Он оправдывает свои поступки перед самим собой и окружающими, утверждая, что действовал исходя из высших моральных принципов и заботы о сохранении чести своей семьи или репутации своего окружения. Например, лицо, убившее предполагаемого любовника жены/мужа, может говорить о своём поступке следующим образом: «Я был вынужден совершить этот акт во имя сохранения семейного престижа и поддержания моего личного достоин-

ства». Такой подход освобождает виновного от тяжёлого бремени осознания личной вины и превращает его собственные проступки в благородный жест.

Данный механизм наглядно иллюстрирует, каким образом глубокие внутренние конфликты и болезненные переживания способны искажать действительность и формировать ложные представления о причинах преступлений. Знание этих особенностей человеческой психики важно для понимания мотивации преступников и разработки эффективных методов профилактики подобных криминальных проявлений.

Основные виды преступлений по мотиву ревности:

- Угрозы, преследования и жестокие психологические манипуляции («сталкерство») относятся к числу наиболее распространенных правонарушений, совершенных из чувства ревности. Сталкерство – это специфическая форма противоправного поведения, характеризующаяся навязчивым стремлением постоянно контактировать с человеком против его воли. Преследователь целенаправленно нарушает личное пространство своей жертвы путем регулярных звонков, сообщений через мессенджеры и соцсети, нежелательных личных встреч, писем и других способов общения. Преступник совершает такие действия осознанно и методично, стремясь оказать давление на свою цель, вызвать страх, дискомфорт и вынудить человека совершить какие-либо поступки согласно желаниям преступника. Часто подобные акты сопровождаются вербальными угрозами, проявлением агрессии и применением сложных манипуляций, чтобы управлять чувствами и поведением жертвы. Наиболее типичные признаки преследующего поведения включают следующие ситуации: постоянные попытки связаться (жертва получает многочисленные телефонные звонки, СМС-сообщения, электронные письма и уведомления в социальных сетях, несмотря на просьбы прекратить контакты), неожиданные появления поблизости (сталкеры часто внезапно появляются рядом с домом, работой или местом учебы жертвы, создавая атмосферу тревоги и неуверенности), нарушение профессиональной деятельности (преследователи стремятся негативно повлиять на карьеру и репутацию пострадавшей стороны, мешая работе, распространяя ложную информацию или инициируя конфликты с коллегами и руководством), разрушение социальных связей (злоумышленники намеренно портят отношения жертвы с семьей, близкими людьми и друзьями, вызывая недоверие, разлад и отчуждение), психологическое насилие (используются приемы запугивания, шантажа, распространения слухов и клеветы, направленные на подчинение и подавление воли жертвы), физическое воздействие (иногда дело доходит до физического насилия над объектом преследования, что делает ситуацию еще опасней и повышает риск

нанесения тяжких телесных повреждений), мониторинг активности (сталкеры пытаются отслеживать перемещения объекта, устанавливать слежку, проникать в личную жизнь и следить за передвижениями онлайн и офлайн).

Таким образом, основной целью сталкерства является полное нарушение привычного уклада жизни человека, стремление заставить его вернуться обратно в зависимость от преследователя или исполнить требования последнего.

Преступления, совершенные под влиянием чувства ревности, включают целый ряд тяжких деяний против личности, среди которых выделяются физические насилия (избиения), сексуальные насилия (изнасилования) и особо тяжкие случаи убийств.

Преступления данной категории характеризуются высоким уровнем физической агрессии и жестокости. Под воздействием сильной эмоциональной ревности нападающий чаще всего прибегает к внезапному нападению, используя грубое физическое воздействие. Характер повреждений свидетельствует о высокой интенсивности и целенаправленности ударов, приводящих к серьезным последствиям для здоровья потерпевших.

Мотивация нападающего здесь часто заключается в демонстрации силы, попытке восстановить утраченный контроль над ситуацией, восстановлении своего авторитета перед жертвой и попыткой сломить её волю через насилие. В итоге результатом становятся тяжёлые телесные повреждения различной степени тяжести вплоть до инвалидности и даже смерти.

Сексуальное насилие, связанное с чувством ревности, также имеет глубокие психологические корни и мотивационные предпосылки. Преступник совершает преступление не ради удовлетворения физиологических потребностей, а преимущественно для подтверждения собственного права владения жертвой, утверждения собственной власти и господства. Часто жертва рассматривается насильником лишь как объект, принадлежащий исключительно ему самому, и именно такое восприятие формирует почву для самого акта насилия.

Здесь мотивы могут варьироваться от желания доказать собственную значимость, попытки самоутверждения путём унижения другого человека до проявления садистских наклонностей, когда чувство ревности превращается в инструмент сознательного контроля над человеком.

Наиболее серьёзные последствия ревности проявляются тогда, когда она перерастает в крайне агрессивные формы поведения, такие как убийство. Эти преступные деяния могут совершаться либо спонтанно, в состоянии сильного эмоционального возбуждения (аффекта), либо заранее продуманно и подготовленно. Причины совершения подобного рода

преступлений разнообразны: глубокая ревность может вызвать чувство глубокого отчаяния, ненависти, желание отомстить или избавиться от ситуации, кажущейся неразрешимой иным способом.

Часто жертвами таких преступлений становятся близкие родственники или партнёры обвиняемых лиц, что значительно осложняет расследование и процесс судебного разбирательства. Следствие сталкивается с необходимостью тщательного анализа межличностных отношений между участниками дела, выяснения всех обстоятельств происшествия, установления психического состояния подозреваемого и мотивов его действий.

Таким образом, криминологическая характеристика лиц, совершающих преступления по мотивам ревности, включает сочетание личностных качеств, социальных факторов и специфической мотивации, способствующих развитию агрессии и жестокого поведения.

Каждое преступление, которое совершено вследствие чувства ревности, характеризуется особой специфичностью, требует индивидуального подхода к расследованию и квалификации правонарушения. Эффективность борьбы с такими преступлениями зависит от целого ряда факторов: повышения уровня информированности общества о природе такого вида правонарушений, эффективной работы правоохранительных органов, психологической поддержки жертв и свидетелей преступлений, улучшения профилактической работы и профилактики повторного совершения аналогичных противоправных действий.

Список цитируемой литературы:

1. Сергеева, А. А. Ревность и месть как сопутствующие элементы мотивации убийства, совершенного в состоянии аффекта [Текст] / А. А. Сергеева // Вопросы безопасности. – 2022. – № 2. – С. 15-23.

2. Титовец, А. Э. Вопросы квалификации преступлений, совершаемых по мотиву ревности [Текст] / А. Э. Титовец // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2020. – № 3 (96). – С. 229–236.

3. Титовец, А. Э. Причины и условия преступлений, совершаемых по мотиву ревности [Текст] / А. Э. Титовец // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2022. – № 2 (101). – С. 185–194.

Алборов Д. В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Украинчик А.В., канд. юрид. наук, доцент

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация

В статье рассматривается влияние ИИ на уголовное право. Анализируются проблемы квалификации преступлений, совершаемых с использованием ИИ, вопросы ответственности и существующие пробелы в законодательстве. Выдвигаются перспективы совершенствования правового регулирования и этические аспекты применения ИИ в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: искусственный интеллект, уголовное право, квалификация преступлений, цифровизация, судопроизводство, юридическая ответственность, киберпреступность.

В современных условиях глобальной цифровизации общества искусственный интеллект (ИИ) все глубже интегрируется в различные сферы жизнедеятельности, включая юриспруденцию. Уголовно-правовые аспекты применения ИИ представляют собой одну из наиболее актуальных и сложных проблем современности, требующих пристального внимания и глубокого теоретического анализа. Развитие ИИ-технологий открывает новые возможности для совершения противоправных деяний, что ставит под сомнение устоявшиеся уголовно-правовые концепции и требует переосмысления традиционных подходов к регулированию.

В частности, применение ИИ в преступной деятельности, например, при осуществлении кибератак, совершении мошеннических действий или даже в насильственных преступлениях с использованием беспилотных транспортных средств, порождает значительные трудности в определении элементов состава преступления и установлении лиц, подлежащих уголовной ответственности. Действующее уголовное законодательство Российской Федерации не содержит прямых указаний относительно применения ИИ в преступных целях, что обусловливает наличие существенных пробелов в правовом регулировании.

Сложность рассматриваемой проблемы обусловлена также тем, что ИИ может выступать как инструментом совершения преступления, так и потенциальным субъектом, способным к автономным действиям, что вызывает вопросы о распределении ответственности между разра-

ботчиком программного обеспечения, пользователем системы и самим ИИ. Вместе с тем, необходимо учитывать, что ИИ может быть эффективно использован для совершенствования уголовного судопроизводства, например, при анализе доказательств, оптимизации следственных действий и повышении точности прогнозирования преступности.

В эпоху технологического прогресса, характеризующегося экспоненциальным ростом вычислительных мощностей и алгоритмической изощрённостью, сфера криминальной деятельности претерпевает радикальную трансформацию. Использование искусственного интеллекта (ИИ) в незаконных целях становится все более актуальной и сложной проблемой для современной юриспруденции, требующей переосмысления традиционных подходов к определению вины и ответственности. ИИ предоставляет злоумышленникам инструментарий, позволяющий совершать правонарушения, ранее недоступные в силу технологических ограничений или требующие несоизмеримо больших усилий. Данная трансформация диктует необходимость классификации преступлений, совершаемых с использованием ИИ, с целью выявления специфических юридических проблем и разработки адекватных мер противодействия.

Традиционные методы классификации преступлений, основанные на анализе объекта, субъекта, объективной и субъективной сторон деяния, оказываются недостаточными для охвата всего спектра криминальных проявлений, связанных с использованием ИИ. В связи с этим, представляется целесообразным выделить несколько ключевых категорий преступлений, совершаемых с использованием ИИ, каждая из которых характеризуется уникальными особенностями и создает специфические юридические трудности:

1. Кибернетические атаки и несанкционированные вторжения: Данная категория включает в себя разработку и использование вредоносного ПО, основанного на алгоритмах машинного обучения, для обхода систем защиты и получения несанкционированного доступа к критически важной инфраструктуре. Такие атаки способны привести к масштабным сбоям в работе ключевых служб, утечкам конфиденциальных данных и дестабилизации общественной жизни.

2. Мошенничество и фишинговые атаки: Использование технологий глубокого обучения для создания убедительных поддельных профилей, сайтов и иных ресурсов позволяет злоумышленникам эффективно обманывать граждан, вынуждая их раскрывать личную информацию или совершать денежные переводы. Высокая степень реалистичности таких подделок затрудняет их выявление и требует разработки новых методов аутентификации и проверки подлинности информации.

3. Преступления, совершаемые с использованием автономных систем: Развитие беспилотных транспортных средств и иных автономных систем открывает новые возможности для совершения преступлений в физическом мире. Возможность программирования таких систем для выполнения конкретных задач, в том числе противоправных, создает серьезные угрозы для общественной безопасности, требующие разработки эффективных мер контроля и регулирования.

Однако, наиболее сложной проблемой является юридическая оценка деяний, совершенных с использованием ИИ. Традиционные методы установления вины, основанные на анализе умысла и причинно-следственной связи, зачастую оказываются неприменимыми к случаям, когда ИИ действует автономно или выполняет запрограммированные задачи без осознания противоправности своих действий. Это вызывает необходимость в разработке новых юридических норм и концепций, позволяющих определить ответственное лицо за действия ИИ: разработчика, пользователя или, возможно, сам искусственный интеллект. [1, с. 13]

Проблематика квалификации преступлений, совершаемых с применением технологий искусственного интеллекта (ИИ), представляет собой одну из наиболее сложных задач, стоящих перед современной уголовно-правовой доктриной. Традиционные подходы к установлению элементов состава преступления, разработанные в эпоху, предшествующую распространению автономных интеллектуальных систем, оказываются в значительной степени неприменимыми к деяниям, реализуемым посредством ИИ. Это обуславливает настоятельную потребность в адаптации существующего законодательства и формировании принципиально новых подходов к определению вины и ответственности в условиях технологической трансформации общества. [2, с. 20]

Ключевым вызовом является отсутствие четких и однозначных критериев для установления преступного характера действий, совершаемых с использованием ИИ. В отличие от традиционных инструментов совершения преступлений, ИИ открывает возможности для реализации деяний, которые ранее были невозможны или требовали несоизмеримо больших затрат. Это не только осложняет применение существующих правовых рамок, но и ставит под сомнение саму возможность адекватной квалификации подобных действий. Так, например, в случае применения ИИ для организации кибернетических атак или осуществления сложных мошеннических схем, возникает существенная неопределенность в отношении определения ответственного лица – разработчика алгоритма, конечного пользователя системы или, в перспективе, самой автономной системы ИИ.

Особую дискуссию вызывает вопрос о возможности признания ИИ субъектом преступления. В подавляющем большинстве современных юрисдикций ИИ рассматривается исключительно как инструмент совершения противоправного деяния, лишенный самостоятельной правосубъектности. Однако, учитывая прогрессирующую автономию ИИ и его способность принимать решения, в значительной степени независимо от прямого участия человека, данный вопрос требует углубленного теоретического и практического осмысления. Подобное признание повлечет за собой необходимость фундаментального пересмотра ключевых принципов уголовного права, включая переосмысление категорий вины, умысла и ответственности, что представляется сложной, но неизбежной задачей в условиях дальнейшего развития технологий ИИ.

Выявление предмета преступного посягательства также представляет собой нетривиальную задачу. В случаях, когда ИИ используется в преступных целях, под угрозой оказываются не только традиционные объекты уголовно-правовой охраны, такие как материальные ценности или здоровье людей, но и новые, ранее не существовавшие, формы собственности и правовых благ, включая информационные ресурсы, цифровое имущество и нематериальные активы. Это вызывает необходимость переосмысления понятия предмета преступления и формирования адекватных правовых механизмов для защиты цифровых прав и законных интересов граждан и организаций. [3, с. 790]

Проблемы квалификации преступлений, совершаемых с применением ИИ, имеют ярко выраженное международное измерение. Существующие различия в национальных подходах к определению состава преступления и установлению ответственности создают серьезные препятствия для эффективного международного сотрудничества в борьбе с транснациональной преступностью, использующей ИИ. В связи с этим назрела острая необходимость в разработке унифицированных международных стандартов и заключении многосторонних соглашений, обеспечивающих согласованность в вопросах квалификации, расследования и преследования подобных правонарушений.

Решение обозначенных проблем требует системного подхода, включающего разработку специализированных нормативных правовых актов и внесение соответствующих изменений в действующее уголовное законодательство. Необходимо сформировать четкую и понятную правовую основу, учитывающую специфику функционирования ИИ и обеспечивающую эффективное преследование лиц, использующих его в преступных целях. Это может включать в себя введение новых составов преступлений, непосредственно связанных с использованием ИИ (например, создание и распространение вредоносных алго-

ритмов), а также уточнение существующих дефиниций субъекта и объекта преступления применительно к преступлениям, совершаемым с использованием интеллектуальных систем.

В условиях стремительного развития технологий и усложнения алгоритмов искусственный интеллект (ИИ) становится неотъемлемым элементом различных сфер деятельности, порождая при этом новые правовые вызовы. Специализированное законодательство, регулирующее применение ИИ, находится в стадии формирования, что создает неопределенность в вопросах ответственности за действия, совершенные с его использованием.

Ключевая проблема заключается в разграничении ответственности между разработчиками, пользователями и владельцами ИИ-систем. При причинении ущерба возникает спор о том, кто должен отвечать – создатель, владелец или, гипотетически, сам ИИ. Эта проблема требует детального анализа с учетом конкретики дел и особенностей национальных правовых систем, поскольку однозначного решения пока не существует.

В современных правовых системах искусственный интеллект (ИИ) рассматривается преимущественно как инструмент, а не самостоятельный субъект права. Однако с ростом автономии ИИ и его способностью принимать решения без прямого контроля человека эта традиционная концепция становится проблематичной, требуя переосмысления правового статуса ИИ и его места в юридических отношениях.

Особую сложность вызывает регулирование интеллектуальной собственности на контент, созданный ИИ, поскольку действующее законодательство не определяет четко владельца авторских прав на такие произведения, что требует разработки новых правовых механизмов защиты цифровых прав.

Особое место в научной среде также отводится обсуждениям о идее придания ИИ особого юридического статуса, аналогичного статусу юридического лица, что позволило бы возлагать на него ответственность и решать вопросы вины и возмещения ущерба. Однако подобный подход влечёт значительные изменения в правовой системе и требует глубокого анализа рисков и последствий.

Важным направлением деятельности является повышение безопасности систем ИИ путем увеличения их прозрачности и объяснимости. Обеспечение возможности контроля за действиями ИИ и понимания логики его решений позволит предотвратить непредвиденные последствия и повысить доверие к этим технологиям. Однако, такая политика может потребовать компромиссов в эффективности и гибкости технологий, а также создать угрозу нарушения интеллектуальных прав разработчиков и коммерческой тайны компаний-

правообладателей. Поиск баланса между обеспечением безопасности и защитой инноваций является сложной, но необходимой задачей для правового регулирования ИИ.

Искусственный интеллект (ИИ) становится ключевым инструментом трансформации уголовного судопроизводства, способствуя повышению эффективности, объективности и оперативности правосудия на всех этапах процесса – от сбора и анализа доказательств до прогнозирования судебных решений [2]. Интеллектуальные системы обеспечивают глубокий анализ больших массивов информации, выявляя скрытые связи и исключая недостоверные данные, что существенно улучшает качество доказательственной базы, включая обработку видео-, аудио- и цифровых материалов, а также генетических данных.

Применение ИИ в прогнозировании криминальной активности и профилировании преступников позволяет выявлять тенденции и риски, оптимизируя работу правоохранительных органов и профилактические меры. Однако подобные технологии требуют строгого контроля, чтобы избежать дискриминации и нарушения презумпции невиновности [4, с. 58]. Автоматизация рутинных процедур – подготовка документов, регистрация дел, уведомления – снижает человеческий фактор и повышает прозрачность судопроизводства.

В прогностической юриспруденции ИИ анализирует прецеденты и факторы, влияющие на судебные решения, способствуя обоснованности и качеству правоприменения. Вместе с тем, активное внедрение ИИ требует тщательного рассмотрения этических и правовых аспектов, включая защиту прав граждан и предотвращение злоупотреблений, что обусловливает необходимость разработки принципов и нормативов его использования в уголовном процессе. Таким образом, ИИ выступает не заменой, а вспомогательным инструментом, направленным на совершенствование уголовного правосудия.

В заключение следует отметить, что внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в уголовное судопроизводство открывает значительные перспективы для оптимизации процессуальной деятельности и повышения объективности правосудия. Интеграция интеллектуальных систем в процессы сбора и анализа доказательств, прогнозирования судебных решений и автоматизации делопроизводства способна существенно повысить эффективность судебных процедур, сократить сроки рассмотрения дел и снизить вероятность ошибок, обусловленных человеческим фактором.

Вместе с тем, необходимо осознавать, что полная замена человека ИИ в уголовном судопроизводстве на данном этапе развития технологий представляется не только полностью невозможной, но и вовсе нецелесообразной и несет в себе немалые риски. ИИ, несмотря на свои

аналитические возможности, лишен таких фундаментальных качеств, как чувство справедливости, эмпатия и социальная ответственность, которые необходимы для принятия взвешенных и гуманных решений, учитывающих все обстоятельства дела и индивидуальные особенности личности.

Внедрение ИИ в сферу уголовного правосудия требует разработки специализированного законодательства, регламентирующего его использование и обеспечивающего соблюдение прав и законных интересов всех участников процесса. Необходимо установить четкие этические и правовые принципы, гарантирующие прозрачность и обоснованность решений, принимаемых с использованием ИИ, а также предотвращающие дискриминацию, нарушение принципа презумпции невиновности и иные формы ущемления конституционных прав граждан.

Таким образом, ИИ может и должен стать ценным инструментом повышения эффективности уголовного судопроизводства, однако его внедрение должно осуществляться с особой осторожностью и в строгом соответствии с принципами законности, справедливости и гуманизма. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на поиск оптимального баланса между использованием возможностей ИИ и обеспечением надежной защиты прав и свобод человека в уголовном процессе. Только такой подход позволит в полной мере реализовать потенциал ИИ для достижения целей правосудия в эпоху цифровой трансформации общества.

Список цитируемой литературы:

1. Авдеев, В. А. Искусственный интеллект в уголовном праве: проблемы и перспективы / В. А. Авдеев // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2018. – С. 11-15.

2. Искусственный интеллект в уголовном процессе: вызовы и возможности / А. В. Кудрявцева. – Текст : непосредственный // Российское правосудие. – 2023. – № 3. – С. 18-25.

3. Бастрыкин, А. И. Искусственный интеллект: новые вызовы для криминалистики / А. И. Бастрыкин // Вестник Санкт-Петербургского университета, Право. – 2021. – Т. 12. Вып. 4. – С. 787-804.

4. Дмитриев В.В., Филимонов В.Д. Искусственный интеллект и уголовное право: проблемы и перспективы // Юридическая наука. 2019. № 2. С. 56-61.

Алмамедова Д. М., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Микаутадзе С. Р., канд. юрид. наук, доцент

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОБОИ

Аннотация

В статье рассмотрены ключевые аспекты, связанные с совершенствованием уголовного законодательства Российской Федерации, предусматривающего уголовную ответственность за совершения побоев.

Ключевые слова: побои, физическая боль, вред здоровью, тяжесть вреда здоровью, декриминализация побоев, квалификация побоев, правовая культура.

Сформировавшееся уголовное законодательство РФ, непосредственно касающееся побоев как уголовного преступления, постоянно совершенствуется. При этом нельзя не выделить необходимость уточнения многих аспектов уголовно-правовых норм, прямо связанных с этим видом преступления, в том числе и санкций за его совершение на законодательном уровне.

Важно особенно оговориться, что состав такого уголовного преступления как побои, определяемый статьей 116 УК РФ, требует уточнения, представленного в законодательстве [1]. Речь идет относительно того, что на законодательном уровне видится необходимым уточнить следующее положение. Многократность ударов не должно выступать в качестве квалифицирующего признака уголовного преступления побои. Все это должно получить отражение в рамках изложения статьи 116 УК РФ, что в дальнейшем не будет вызывать проблемы относительно появления различных вариантов толкования этого преступления, попыток избежать ответственности со стороны лица, совершившего побои.

В действительности, нанесение даже одного удара физически сильного человека, подготовленного в спортивном отношении, равным образом обладающего специальными знаниями может принести гораздо больше негативных последствий для нормального функционирования организма человека, выражающегося в физической боли, равным образом ухудшения здоровья, в сравнении с несколькими ударами, которое многими юристами квалифицируется именно как побои.

При осуществлении побоев по отношению к потерпевшему важно выделить не только понятие причинения физической боли, что получает

отражение в современном российском законодательстве, но и анатомическая целостность внешних и внутренних органов потерпевшего, равным образом тканей и кожного покрова (кровоподтеки, ссадины, царапины). Все эти особенности такого уголовного преступления как побои должны быть изложены на законодательном уровне. Речь идет относительно внесения изменений в статью 116 УК РФ. Все это позволит точнее квалифицировать такое уголовное преступление как побои [2, С. 141-152].

Видится необходимым и целесообразным на законодательном уровне выделить дополнительную тяжесть нанесения вреда, вызванного совершения такого преступления как побои. Важно также сказать относительно отсутствия потери трудоспособности в результате нанесения лицу побоев. Но при этом необходимо уточнить, что законодатель должен принципиально указать, что в результате побоев осуществляется следующая совокупность негативных последствий: ухудшения здоровья, физической боли, а также переживаний психологического характера и свойства.

Это уточнение позволит успешно разрешить следующую проблему применительно к изложению диспозиции правовой нормы, представленной в статье 116 УК РФ. Она прямо связана с изложением данных правовых норм в специальной главе, посвященной уголовной ответственности за преступления, направленные против жизни и здоровья человека и гражданина.

На фоне декриминализации побоев, произошедшей ранее в российском законодательстве, видится необходимым внести уточнение следующего характера, касающегося субъекта совершения побоев. Речь идет относительно родителей, совершающих побои в отношении своего малолетнего ребенка, равным образом его присутствии. Все это позволит на законодательном уровне повлиять на снижение числа случаев домашнего насилия, тем самым дополнительно вполне успешно защитить права малолетних граждан, повысив уровень правовой культуры среди населения в целом.

Сюда же можно отнести то принципиальное положение, что такое уголовное преступление как побои выступает в качестве нарушения возможного развития нормального течения и развития жизни. В этом отношении можно утвердительно говорить, что дети, которые подверглись жесткому обращению в семье, выражавшееся в качестве побоев, в действительности, сами повторяют свою судьбу, осуществляя побои, а также домашнее насилие различного характера и свойства. Это дополнение, внесенное в УК РФ, выступает в качестве реального контраргумента процессу декриминализации побоев, представленное в российском законодательстве. В результате можно говорить, что на законодательном уровне необходимо обязательно уточнить, что в статью 116 УК РФ должен быть внесен этот специальный субъект побоев.

На фоне увеличения числа преступлений, выражающихся в форме побоев, среди подростков, не достигших 16-летнего возраста, связанных с выражением своего физического или морального превосходства в коллективе сверстников или детей младших по своему возрасту, видится необходимым и целесообразным отразить в законодательстве применительно к определенной группе лиц, которые выступают в качестве различного рода рецидивистов. Все это можно объяснить достаточно высокой степенью общественной опасности побоев, прежде всего в детском и подростковом возрасте [3, с. 58].

В качестве определенной альтернативы видится необходимым установить возраст ответственности лиц, которые совершают побои, с 14-летнего возраста при определенных условиях, характеризующих субъективную и объективную сторону этого преступления и в особых, самых исключительных случаях при рассмотрении абсолютно всех аспектов происходящих событий, постоянно повторяющихся рецидивах, которые выражаются в форме побоев.

Применительно к квалификации такого уголовного преступления как побои важно выделить и отразить в законодательстве следующие ключевые аспекты. Речь идет относительного того, что в статье 116 УК РФ должны быть внесены дополнения относительно уголовного преследования по отношению к совершению побоев группой лиц, либо группой лиц по предварительному сговору. Видится необходимым ужесточить уголовную ответственность за совершение побоев группой лиц или группой лиц по предварительному сговору с целью прояснения такого мотива побоев как их совершения из хулиганских побуждений, недостаточно точно раскрытом в законодательстве.

Равным образом можно говорить относительно повышения уровня правовой культуры, основанной на ужесточении правовых государственных санкций по отношению к лицу, совершающему побои. В случае, когда осуществляется нанесение побоев лицом три или гораздо больше раз, но при этом негативные последствия побоев прошли или самоустранились. Равным образом психологическое состояние потерпевшего успешно восстановилось, видится необходимым внести изменения в законодательство, связанное с уточнением механизма квалификации этого преступления, за совершение которого требуется осуществить наказание трижды.

На фоне предложенных вариантов изменений, непосредственно связанных с уголовно-правовыми нормами, регламентирующими побои как уголовное преступление, важно внести изменения следующего характера применительно к наступлению юридической ответственности за совершение побоев.

Видится необходимым внести следующие уточнение в статью 116 УК РФ. От уголовной ответственности за совершение такого уголовного преступление как побои освобождается лицо, совершающее побои в состоянии аффекта или сильного душевного волнения, вызванного действиями противоправного или аморального характера, которое проявлялось со стороны потерпевшего, равным образом бездействия со стороны потерпевшего.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : [ред. от 21 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – Текст : непосредственный.

2. Квалификация побоев как насилия, не опасного для жизни и здоровья / О. В. Артюшина. – Текст : непосредственный // Правоприменение. – 2024. – № 4. – С. 141-152.

3. Проблемы квалификации причинения вреда в условиях необходимой обороны / В. В. Юдина. – Текст : непосредственный // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. – 2020. – № 12(51). – 101 с.

Амоев Р. К., Некрасов И. Ю., студенты
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
аграрный университет имени И.Т. Трубилина»
г. Краснодар
Научный руководитель – Лукки Е.В., канд. юр. наук, доцент

ЭКСЦЕСС ИСПОЛНИТЕЛЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РФ

Аннотация

В статье рассматривается правовое явление эксцесса исполнителя в законодательстве Российской Федерации, представляющее собой выход за пределы предоставленных полномочий или инструкций при выполнении задачи. Анализируются гражданско-правовые и уголовно-правовые аспекты данного явления, его последствия и роль в системе российского права. Особое внимание уделяется вопросам ответственности за эксцесс, влиянию субъективных факторов на его квалификацию, а также необходимости баланса между дисциплиной и инициативой в действиях исполнителя. Исследование подчеркивает значимость совершенствования нормативно-правовой базы для обеспечения справедливого и эффективного регулирования данной категории правоотношений.

Ключевые слова: эксцесс, соучастие, преступление, уголовное право, категории.

В современном правовом поле Российской Федерации существует множество юридических категорий, которые требуют тщательного анализа и осмысления. Одной из таких категорий является эксцесс исполнителя – явление, которое охватывает как гражданско-правовые, так и уголовно-правовые аспекты [1, с. 245]. Эксцесс исполнителя представляет собой выход за пределы предоставленных полномочий или инструкций, данных лицу для выполнения определённой задачи. В данной статье предпринимается попытка рассмотреть данное явление с точки зрения его правовой природы, последствий и роли в системе российского законодательства.

На первый взгляд, эксцесс исполнителя может быть воспринят как простое нарушение инструкции или превышение служебных полномочий. Однако более глубокий анализ показывает, что это явление имеет гораздо более сложную структуру и зависит от множества факторов, таких как характер поручения, степень автономии исполнителя, а также намерения и мотивации действующего лица. В гражданском праве эксцесс исполнителя может проявляться в виде действий, которые хотя и направлены на достижение поставленной цели, но осуществляются способами, не предусмотренными договором или доверенностью. Такие действия могут повлечь за собой ответственность, если они причинили убытки принципалу или третьим лицам.

Особый интерес представляет регулирование эксцесса исполнителя в уголовном праве [2, с. 175]. Важно отметить, что ключевым элементом состава преступления выступает именно “явный” выход за пределы оговоренного преступления, что подразумевает очевидность неправомерности действий со стороны исполнителя.

Однако правоприменительная практика демонстрирует, что разграничение между допустимым и недопустимым поведением исполнителя не всегда является однозначным. Например, в случаях, когда исполнитель действует в условиях неопределённости или при отсутствии чётких инструкций, его поведение может быть интерпретировано как обоснованное инициативное действие, а не эксцесс. Это создаёт определённые сложности для судебных органов, которым необходимо учитывать контекст ситуации, а также субъективные факторы, такие как профессионализм и опыт исполнителя.

Важным аспектом анализа эксцесса исполнителя является вопрос о последствиях его действий. Если в результате эксцесса возникают негативные последствия, такие как причинение вреда имуществу, здоровью или жизни, то ответственность за них лежит на самом исполнителе. Од-

нако если действия исполнителя, несмотря на их формальное отклонение от инструкций, привели к положительным результатам, например, спасению жизни или предотвращению значительного ущерба, то такие случаи могут быть квалифицированы как состояние крайней необходимости или необходимая оборона. В таких ситуациях ответственность за эксцесс может быть смягчена или полностью исключена.

Необходимо подчеркнуть, что эффективное регулирование эксцесса исполнителя требует учёта баланса между дисциплиной и инициативой. С одной стороны, строгое следование инструкциям и полномочиям способствует обеспечению порядка и предсказуемости в правовых отношениях. С другой стороны, чрезмерное ограничение свободы действий исполнителя может привести к снижению эффективности управления и принятия решений, особенно в условиях быстроменяющейся среды [3, с. 100]. Поэтому законодательство должно предоставлять механизмы, позволяющие оценивать действия исполнителя с учётом всех обстоятельств дела, включая его добросовестность и целесообразность действий.

Таким образом, эксцесс исполнителя представляет собой сложное правовое явление, которое требует комплексного подхода к его исследованию и регулированию. Его анализ позволяет глубже понять взаимодействие различных отраслей права, а также роль человеческого фактора в правоприменении.

Совершенствование правовых норм, касающихся эксцесса исполнителя, должно быть направлено на создание гибких механизмов, учитывающих как необходимость защиты прав и интересов участников правоотношений, так и потребность в адаптивном управлении в современных условиях. Только такой подход позволит обеспечить справедливое и эффективное применение закона в данной сфере.

Эксцесс исполнителя остаётся актуальной проблемой в правовой науке и практике. Его изучение позволяет выявить противоречия между буквой закона и реальными условиями его применения. Для дальнейшего развития законодательства в этой области требуется проведение дополнительных исследований, направленных на выявление наиболее эффективных методов регулирования данного явления. Особое внимание следует уделить разработке критериев оценки действий исполнителя, которые позволят достичь баланса между дисциплиной и инициативой, а также минимизировать негативные последствия эксцесса.

Список цитируемой литературы:

1. Азарова, Е. П. Эксцесс исполнителя и его виды в аспекте дискуссионных вопросов / Е. П. Азарова. – *Текст : непосредственный* // Журнал «Молодой учёный». – 2024. – №4 (503). – С. 244–246.

2. Владимиров, Е. Д. К вопросу о квалификации преступления при эксцессе исполнителя / Е. Д. Владимиров. – *Текст : непосредственный* // Вестник науки. – 2023. – №1 (58). – С. 174–178.

4. Черненко, Т. Г. Проблемные вопросы квалификации действий соучастников при эксцессе исполнителя / Т. Г. Черненко. – *Текст : непосредственный* // Вестник Томского государственного университета, Право. – 2022. – №44. – С. 93-104.

Аракелян М.А., студентка
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
аграрный университет имени И.Т. Трубилина»
г. Краснодар
Научный руководитель – Лукки Е.В., канд. юр. наук, доцент

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННУЮ ПРЕСТУПНОСТЬ

Аннотация

В данной работе рассматривается влияние информационных технологий на современную преступность. Отмечены изменения методов и способов совершения преступлений в связи с использованием элементов цифровизации. Рассмотрена статистика развития киберпреступлений в России и их влияние на общий уровень преступности в государстве, а также особенности личности как преступника, так и жертвы подобных преступлений. В научной статье приведены сложности, с которыми могут столкнуться правоохранительные органы в процессе расследования современных преступлений.

Ключевые слова: цифровизация, преступность, киберпреступления, информационно-телекоммуникационные технологии.

Современное общество характеризуется своей изменчивостью и динамичностью, что связано со стремительным развитием информационных технологий. Данные достижения цифровизации оказывают значительное влияние на все сферы общественной жизни, которые, в свою очередь, охраняются уголовным законодательством Российской Федерации. При этом, внедрение современных новшеств может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на различные институты в сфере уголовного права. Это связано с тем, что информационные технологии открывают огромное количество возможностей как для правоохранительных органов в рамках их деятельности, в частности расследования и предупреждения преступности, так и для

преступников, использующих современные достижения в целях совершения как «традиционных» преступлений, так и «киберпреступлений» или «современных», которые, в свою очередь, обрели значительное развитие и влияние в настоящее время.

Для более точного рассмотрения указанного вопроса необходимо обратиться к ряду статистических данных, на основе которых можно сделать вывод о реально существующей обстановке, которая касается как преступлений в сфере IT-технологий, так и преступности в целом. Согласно статистике, опубликованной ТАСС на основании данных из материалов, предоставленных МВД России, можно сделать некоторые выводы, касающиеся роста преступности с использованием информационных технологий и их соотношения с общим числом совершенных преступлений за 2024 год. Так, преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в прошлом году составили 40% от общего числа зарегистрированных в России преступлений, что является максимумом от общего числа преступлений с 2020 года [2]. Однако стоить отметить, что возможное число совершенных подобным образом преступлений гораздо выше, поскольку часть из них все же остается латентной.

При этом, значительный рост преступлений, в частности, в сфере IT-технологий можно отметить не только на федеральном уровне, но и на региональном. В качестве примера можно привести статистические данные, отражающие динамику роста преступлений с использованием информационных технологий на территории Краснодарского края, которые также основаны на данных, переданных ГУ МВД России по Краснодарскому краю. Так, в 2024 году на Кубани было совершено 19 тысяч киберпреступлений, что на 4,6% больше, чем в предыдущем году, треть из них (31%) относятся к категории тяжких, а в 9,4% случаев потерпевшие потеряли более миллиона рублей [1].

Важно отметить, что такие преступления имеют множество тонкостей, которые затрудняют процесс доказывания их совершения в суде, что подтверждает приведенный из практики факт возврата только лишь 124 млн рублей от общего ущерба, принесенного в связи с совершением современных преступлений, за 2024 год в размере 5,7 млрд рублей в Краснодарском крае. Безусловно, это свидетельствует о глобальном влиянии преступлений не только на сохранность денежных средств граждан, но и на экономику страны в целом. Особенное значение этому было уделено в следствие внедрения информационных технологий практически во все экономические процессы, протекающие между гражданами и на государственном уровне. Соответственно, это повлекло за собой перевод огромного количества денежных средств на безналичный расчет, что открыло перед преступниками новые воз-

можности в совершении краж этих средств у граждан в связи с их неосведомленностью о новых способах мошенничества, которые возникли в современном обществе. При этом, сейчас активно используется в противоправных целях такой инструмент, как криптовалюта, с помощью которой можно произвести сокрытие незаконно полученных денежных средств, влекущее за собой уклонения от уплаты налогов в государственный бюджет страны.

Так, одними из самых распространенных преступлений, совершаемых с использованием достижений цифровизации, стали кражи денежных средств с банковских карт, различные способы мошенничества и утечка персональных данных путем взлома различных серверов, содержащих указанные материалы. Цифровая трансформация преступности демонстрирует нам, что происходят изменения не только в способах совершения преступления, но и в других аспектах [3, с. 101]. Например, это связано со сложностями в определении субъекта совершения преступления, поскольку в таких случаях, как правило, повышается возможность анонимности и скрытности преступников, а также упрощения их взаимодействия между собой в случае рассмотрения института соучастия и его изменений в связи с этим. При этом важное значение в современных способах совершения преступлений имеет территориальная независимость субъекта преступления от посягаемого объекта, поскольку у преступника открываются возможности действовать из любой точки мира, поддерживая связь с жертвой. Подобные киберугрозы, поступающие с различных мест, характеризуется тем, что они не имеют как таковых территориальных границ, из-за чего могут получить свое дальнейшее распространение и расширение до международных масштабов, для разрешения которых потребуется совместная работа и сотрудничество сразу нескольких государств для минимизации и предупреждения подобных преступных посягательств.

Безусловно, в данном случае важно уделить внимание особенностям личности как преступника, так и жертвы, поскольку каждый из них обладает некими особенностями, связанными с достижениями цифровизации общества за последние десятилетия. Так, потенциальный преступник, желающий воспользоваться современными технологиями в своей запрещенной уголовным законодательством деятельности, наделен рядом уникальных характеристик, отличающих его от «традиционного» преступника. Он должен обладать профессиональными навыками по использованию сети «Интернет» и компьютерных технологий для их применения во время совершения преступлений. При этом, совершаемые действия, как правило, носят анонимный характер, что значительно затрудняет не только их выявление, но и местонахождение самого преступника, который может использовать различные способы сокрытия

своего территориального расположения, чего можно достичь, воспользовавшись в рамках совершения посягательства, например, VPN, с помощью которого преступник фактически сбивает и запутывает правоохранительные органы, действуя максимально скрытно. Также преступники обладают возможностями манипулирования путем использования ряда психологических приемов, способствующих возникновению страха и отсутствию контроля у жертвы.

Жертва же в таких случаях часто характеризуется своей уязвимостью и наивностью, что, в том числе, связано с недостаточной осведомленностью о возможных преступных посягательствах, существующих в современном обществе, в частности, в сети «Интернет» и различных мессенджерах. Преступник, безусловно, пользуется этими характеристиками и использует их против самой жертвы, приведя ее в состояние паники и полного недопонимания происходящей ситуации. Используя различные психологические приемы, делинквент создает вокруг свое жертвы атмосферу страха, срочности и тревоги, из-за чего она теряет контроль над своими действиями и становится легко управляемой и доступной для получения различного рода информации. Иногда преступники используют определенные схемы общения с использованием некой манипуляции потенциальной жертвы, специально выстраивая доверительные и безопасные связи для того, чтобы расположить человека и установить некий контроль над его действиями.

Наиболее подверженными категориями граждан становятся незащищенные слои населения, а именно люди старшего возраста, которые недостаточно осведомлены о возможных преступлениях, жертвами которых они могут стать. Это связано с низким уровнем знаний о современных технологиях и возможных рисках, которые могут их настигнуть. Часто преступники во время разговора представляются сотрудниками различных государственных органов и организаций, банков, а также друзьями и даже родственниками, после чего выстраивают стрессовую ситуацию, в которой якобы оказался пожилой человек для погружения его в панику и недостаточную осмысленность своих действий. Как правило, преступники требуют перевода денежных средств на «безопасный» счет или на оказание помощи своему родственнику, оказавшемуся в беде; также немаловажными являются ситуации, где к пожилым людям поступают просьбы о передаче различной конфиденциальной информации.

Немало важным в современном обществе является проведение профилактических мероприятий, посвященных данной тематике. В настоящее время более активно в средствах массовой информации доводится до сведения граждан о необходимости соблюдать правила конфиденциальности при общении с лицами, осуществляющими противоправные действия [2, с. 508]. Однако необходимо понимать, что это не

единственно возможная мера предупреждения преступлений в сфере IT-технологий, поскольку для решения этой проблемы необходим масштабный и комплексный подход со стороны разных структур, которые будут взаимодействовать между собой для более качественного результата. Следует отметить, что информационные технологии могу иметь и положительный окрас в сфере уголовного права, помогая сотрудникам правоохранительных органов в расследовании дела, добыче необходимого материала и его дальнейшего анализа. Безусловно, для более слаженной работы такой крупной системы ее сотрудники должны аналогично адаптироваться к современным реалиям и предлагаемым инструментам, а также обладать профессиональными навыками в этой сфере, чтоб использовать все существующие методы и способы в своей работе.

Одним из новых достижений цифровизации является искусственный интеллект (далее – ИИ), который в данное время является достаточно дискуссионной темой в рамках вопроса о необходимости его работы в сфере юриспруденции. Существует огромное количество мнений по этому поводу, однако все же стоит отметить, что применение ИИ возможно для анализа содержания различных нормативных актов, процессуальных документов или судебной практики, их систематизации и сравнения для дальнейшего применения к конкретной жизненной ситуации.

Также важно внедрение элементов автоматизации расследования дела, сбора и анализа данных с помощью специально созданных программ, позволяющих собирать информацию с разных источников и группировать по различным основаниям, в том числе использование программ, способных замечать и предотвращать подозрительные активности в сети для недопущения их преобразования в хакерские атаки и другие преступления. Помимо этого, на данный момент важное значение имеет постепенный переход на электронный документооборот.

Таким образом, цифровизация оказывает огромное влияние на современную преступность. Важно правильно пользоваться современными средствами и способами в своей деятельности для достижения качественного результата и сплочения российского права с ежедневно разрабатываемыми технологиями. Необходимо стремиться к созданию быстрой и гибкой системы реагирования государства на совершение преступлений и адаптации действующего законодательства. Только комплексный подход участников разных сфер, а в некоторых случаях и разных государств, позволит создать наиболее безопасный, эффективный и надежный механизм защиты граждан от преступных посягательств с использованием информационных технологий.

Список цитируемой литературы:

1. В России в 2024 году IT-преступления достигли пика за последние пять лет : [сайт]. – 2025. – URL: https://tass.ru/proisshestviya/22978955 (дата обращения: 08.04.2025). – Текст : электронный.

2. Джиоев, Р. А. К вопросу о трансформации преступности в рамках цифровизации современного общества / Р. А. Джиоев // Уголовная политика и правоприменительная практика : Сборник научных статей по результатам работы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 01 ноября 2024 г. – Санкт-Петербург : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2025. – С. 507-512.

3. Усиков, Д. В. Проблема цифровизации современной преступности и противостояние этому явлению / Д. В. Усиков // Судебные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика : Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 11 июля 2024 г. – Москва : Московская академия следственного комитета, 2024. – С. 97-104.

Башлаев И. А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Климов А.С., канд. юрид. наук, доцент

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ПОСОБНИЧЕСТВА КАК ФОРМЫ СОУЧАСТИЯ

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты квалификации преступлений, совершенных в соучастии. Анализируются правила квалификации действий соучастников в соответствии с уголовным законодательством, а также судебная практика. Особое внимание уделяется дифференциации ответственности исполнителей, организаторов, подстрекателей и пособников.

Ключевые слова: соучастие; форма соучастия; пособничество; пособник; квалификация преступлений; исполнитель; организатор; подстрекатель; уголовная ответственность.

Институт соучастия в уголовном праве является одним из наиболее сложных в части квалификации преступлений. Совершение преступления несколькими лицами требует тщательного анализа роли каждого участника, что влияет на правильность применения уголовно-правовых норм.

В свою очередь это обуславливает необходимость рассмотрения основных правил, используемых для квалификации преступлений, совершенных в соучастии, с учетом положений Уголовного кодекса РФ и доктринальных подходов.

В соответствии со ст. 32 УК РФ, «соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления» [1]. Данное понятие позволяет выделить его существенные признаки, к которым относят:

1. Количественный критерий, то участие не менее двух лиц, обладающих признаками субъекта преступления (речь идет о вменяемости, достижение возраста уголовной ответственности).

2. Качественный критерий, а именно непосредственная совместность действий, направленных на достижение общего преступного результата, то есть совершение преступления.

3. Субъективная сторона, выражающаяся в наличии умысла у всех соучастников. При том, что умысел может быть как прямым, когда лица заранее согласны содействовать и осознают, к чему приведут их действия, так и косвенным, когда виновные допускают возможность совершения преступления и сознательно его поддерживают [4, с. 140].

В теории уголовного права выделяют две традиционные формы соучастия: простое и сложное. Простое соучастие также носит тривиальное название «соисполнительство»; при данной форме все виновные выполняют объективную сторону преступления. Сложное же соучастие помимо исполнителя, подключает к совершению преступления организатора, подстрекателя и/или пособника.

Говоря о правилах квалификации преступлений, совершенных в соучастии, речь в первую очередь идет о выяснении роли каждого виновного лица.

Так, исполнитель (или соисполнитель) непосредственно совершает преступление либо использует для этого других лиц, которые не подлежат уголовной ответственности. Его действия будут квалифицироваться по статье Особенной части УК РФ без ссылки на ст. 33. Примером можно привести ситуацию, при которой два лица совместно совершают кражу: действия будут квалифицироваться по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ (кража группой лиц по предварительному сговору).

Организатором «признается лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением, а равно лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими» [1]. Действия организатора при условии отсутствия признака соисполнительства подлежат квалификации по соответствующей статье Особенной части УК РФ со ссылкой на ч. 3 ст. 33 УК РФ. В качестве примера можно привести си-

туацию, при которой есть лицо, организовавшее убийство, но не участвовавшее в его непосредственном исполнении.

В соответствие с УК РФ «подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом» [1]. Действия такого соучастника квалифицируются по статье Особенной части со ссылкой на ч. 4 ст. 33. Примером служит ситуация, в которой лицо уговорило другое совершить грабеж.

Пособничество принято считать одной из ключевых форм соучастия по причине его отличия определенными уголовно-правовыми и фактическими признаками несмотря на более низкую степень вовлеченности и инициативности в сравнении с иными формами соучастия. Действия пособника принято считать содействием (физическим, интеллектуальным или обещанием скрыть) совершению преступления. Его действия подлежат квалификации по статье Особенной части со ссылкой на ч. 5 ст. 33. К примеру, если лицо, предоставило оружие для убийства, оно подлежит привлечению по ч. 5 ст. 33 и ст. 105 УК РФ [2, с. 99].

Интересным для исследования является т.н. эксцесс исполнителя. «Эксцессом исполнителя признается совершение исполнителем преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников» [1]. В таком случае ответственность за выходящие за рамки сговора действия несет только сам исполнитель, а остальные участники привлекаются лишь за то преступление, которое они замышляли. Иными словами, «за эксцесс исполнителя другие соучастники преступления уголовной ответственности не подлежат» [1].

Признаки эксцесса традиционно называют: наличие первоначального соглашения о преступлении; совершение исполнителем действий, выходящих за пределы этого соглашения; отсутствие у других соучастников умысла на совершение нового преступления. Эксцесс также принято классифицировать на количественный и качественный.

При количественном эксцессе исполнитель совершает то же преступление, но с отягчающими обстоятельствами, которые не обсуждались с соучастниками [3, с. 239]. Речь о таком виде эксцесса идет, к примеру, в случае, когда группа лиц договорилась о краже, но один из участников применил насилие, неопасное для жизни (то есть произошла переквалификация в грабеж.

Из вышеприведенного можно выделить следующие правила квалификации при эксцессе исполнителя.

Во-первых, исполнитель несет ответственность за фактически совершенное им преступление (в т.ч. квалифицирующие признаки).

Во-вторых, остальные соучастники отвечают только за то преступление, которое охватывалось их первоначальным умыслом.

В-третьих, ссылка на ст. 33 УК РФ применима лишь в случае, если соучастники не являлись соисполнителями.

И, наконец, если новый состав преступления не связан с первоначальным, соучастники вообще не несут за него ответственность.

Так, эксцесс исполнителя представляет себя важный институт уголовного права, обеспечивающий дифференциацию ответственности. Его правильная квалификация требует установления непосредственного факта выхода исполнителя за пределы общего умысла, вида эксцесса и отсутствия у других соучастников осведомленности о новых действиях.

Соблюдение рассмотренных ранее правил позволяет справедливо распределить ответственность и избежать необоснованного привлечения к уголовной ответственности невиновных лиц.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что квалификация преступлений, совершенных в соучастии, требует учета роли каждого участника и правильного применения уголовного закона. Соблюдение этих правил способствует обеспечению справедливой дифференциации уголовной ответственности, а также соответствует принципам законности и справедливости.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : [ред. от 21 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – Текст : непосредственный.

2. Корзун, И. Г. Пособник и подстрекатель как вид соучастников преступления, предусмотренный законодателем. Часть 1 статьи 33 УК РФ / И. Г. Корзун // Государственная служба и кадры. – 2020. – № 4. – С. 98-101.

3. Малявко, Н. В. Эксцесс исполнителя преступления / Н. В. Малявко. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 14 (356). – С. 237-241.

4. Морозов, С. Л. Понятие и основные признаки соучастия в преступлении / С. Л. Морозов. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – № 43 (438). – С. 139-142.

Белоус П.А., студент
Крымского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
г. Симферополь
Научный руководитель – Потапова Л.В., канд. истор. наук, доц.

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ДОБРОСОВЕСТНЫХ ПРИОБРЕТАТЕЛЕЙ

Аннотация

В статье рассмотрены основные проблемные вопросы, связанные с возможностью изъятия недвижимого имущества у добросовестных приобретателей недвижимого имущества в случае предъявления виндикационного иска собственником. Автор раскрывает правовой статус добросовестного приобретателя в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Ключевые слова: добросовестный приобретатель, формы защиты прав; недвижимое имущество; право собственности, единый государственный реестр недвижимости.

Правовая конструкция добросовестного приобретения направлена на достижение баланса между интересами законного собственника и третьего лица, которое, полагаясь на мнимую легитимность отчуждателя, приобрело имущество. В тех случаях, когда имущество выбыло из владения собственника помимо его воли – например, вследствие кражи, мошенничества или утраты, – последний вправе требовать его возврата даже у добросовестного приобретателя в судебном порядке. В целях обеспечения дополнительной защиты прав добросовестного владельца Гражданский кодекс РФ содержит положения, закрепляющие возможность возмещения ему расходов, понесённых в связи с владением имуществом.

Так, в соответствии со ст. 303 ГК РФ [1], собственник, которому возвращается имущество, обязан компенсировать добросовестному владельцу произведённые им необходимые затраты с момента, когда ему начинают принадлежать доходы от указанного имущества. Более того, если приобретатель осуществил улучшения имущества, и такие улучшения могут быть отделены без повреждения основной вещи, он вправе сохранить их за собой. Таким образом, отечественное гражданское законодательство демонстрирует последовательное стремление к защите интересов добросовестных приобретателей, обеспечивая правовую стабильность и предсказуемость гражданского оборота. Тем не менее, механизм защиты добросовестного приобретения продолжает

развиваться, что свидетельствует о его актуальности в правоприменительной практике.

Федорова И.В. указывает, что «защита приобретателя выражается в том, что в случае предъявления утратившим владение собственником виндикационного иска приобретатель спорной вещи может сослаться на возникшее у него право собственности, которое прекращает соответствующее право у бывшего владельца» [3, с. 61].

Также можно выделить случаи, когда недопустимо истребование имущества у добросовестного приобретателя. Так, например, Куртбединова Л. Р., Аблятипова Н. А. указывают на ситуацию, в которой «бывший супруг, сведений о котором в ЕГРН не имеется, должен был сам контролировать сохранение за собой права на имущество и способствовать его своевременному разделу, либо внесению указания о себе как о сособственнике в запись о регистрации права, не совершил этого» [2, с. 70].

При этом добросовестность предполагает принятие приобретателем всех разумных и доступных мер по проверке законности полномочий отчуждателя, в том числе по установлению его права собственности или иного вещного права. Одним из ключевых признаков, подтверждающих добросовестность, является возмездность сделки: имущество должно быть передано на условиях, предполагающих соразмерное встречное предоставление, например, оплату рыночной стоимости. Добросовестность приобретения оценивается в момент заключения сделки, передачи имущества и исполнения обязательства по оплате объекта. Однако сам по себе факт передачи имущества за плату еще не свидетельствует о наличии добросовестности – необходим комплексный анализ поведения приобретателя в процессе совершения сделки.

Кроме того, федеральный закон «О внесении изменений в статью 302 Гражданского кодекса Российской Федерации», вступивший в силу с 2020 года, значительно укрепил правовую защиту добросовестных приобретателей, исключив возможность истребования объектов недвижимости на основании сведений из ЕГРН. Этот закон также урегулировал вопросы приобретательной давности, что усиливает защиту владельцев, добросовестно владеющих недвижимостью более 15 лет.

Тем не менее, несмотря на развивающееся законодательство, существующие правовые нормы все еще имеют значительные недостатки, что приводит к повышенным рискам для собственников и потенциальных приобретателей недвижимости. Эти проблемы остаются актуальными в судебной практике, где продолжаются споры, связанные с правами на имущество. Важно отметить, что на практике все больше

дел касаются защиты прав добросовестных приобретателей, что делает данную тему актуальной для дальнейших исследований.

Основные подходы, сложившиеся в судебной практике о приобретении добросовестным приобретателем имущества у неуполномоченного лица, приведены в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (п. п. 13, 35, 37–39, 41).

В завершение стоит подчеркнуть, что защита добросовестных приобретателей является не только вопросом справедливости и устойчивости гражданского оборота, но и индикатором доверия общества к государственным институтам. В условиях правовой неопределённости необходим системный подход: от реформы регистрации прав до совершенствования судебной практики, учитывающей баланс частных и публичных интересов.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1 : Федер. закон Рос. Федерации от 30 нояб. 1994 г. [ред. от 8 августа 2024 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301. – Текст : непосредственный.

2. Куртбединова, Л. Р. О судебной практике по делам, связанным с вопросами защиты прав добросовестных приобретателей / Л. Р. Куртбединова. – *Текст : непосредственный* // Научный вестник Крыма. – 2025. – №. 2 (55). С. 68-76.

3. Федорова, И. В. Защита прав добросовестного приобретателя: исторический опыт и современные вызовы / И. В. Федорова // Информационное общество и государственная система: правовая характеристика, соотношение, взаимосвязь. – 2022. – С. 59-62.

Богдасарова Д. С., Аджиаметова М. Н. студентки
Крымский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Симферополь
Научный руководитель – Комарова Елена Александровна, доц. кафедры, к. ю. н., доцент, младший советник юстиции

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ ДЛЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ЗАКОННОСТИ

Аннотация

Настоящее исследование посвящено анализу перспектив и рисков использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве. Рассматриваются возможности применения искусственного интеллекта для автоматизации анализа данных, прогнозирования преступлений, распознавания лиц, перевода и оптимизации судебного процесса. Особое внимание уделяется рискам предвзятости алгоритмов, недостаточной прозрачности решений, ошибкам, нарушениям прав на неприкосновенность частной жизни и другим негативным последствиям внедрения искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, уголовное судопроизводство, справедливость, законность, прозрачность, судебный процесс, расследование преступлений.

В современном мире стремительное развитие технологий искусственного интеллекта открывает новые возможности для оптимизации различных сфер деятельности, включая и уголовное судопроизводство. Внедрение искусственного интеллекта в уголовный процесс обещает повышение эффективности расследования преступлений, снижение нагрузки на правоохранительные органы и судебную систему, а также улучшение качества принимаемых решений. Однако, наряду с перспективами, использование искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве порождает серьезные риски для справедливости, законности и соблюдения прав человека, требующие тщательного анализа и правового регулирования.

В настоящее время, ключевым нормативным актом, определяющим развитие искусственного интеллекта в России, является Указ Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Этим указом утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, которая устанавливает цели, задачи и меры, направленные на использование искусственного интеллекта в целях обеспечения нацио-

нальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов, включая научно-технологическое развитие страны.

Внедрение нейронных сетей в уголовное судопроизводство представляет собой не только актуальное направление развития, но и перспективный путь к трансформации системы уголовного правосудия. Оптимизация процессуальных действий, повышение эффективности судопроизводства и расширение возможностей для обеспечения справедливости – вот лишь некоторые начальные преобразования, обусловленных применением нейронных сетей.

Использование нейронных сетей в расследованиях потенциально может быть полезно для оказания помощи следователям и дознавателям в выявлении подозреваемых, анализе улик и раскрытии преступлений. Например, нейронную сеть можно было бы обучить на большом наборе данных о предыдущих местах преступлений, чтобы идентифицировать закономерности или факторы, которые обычно ассоциируются с определенными типами преступлений. Обучение нейронной сети на обширной базе данных о ранее совершенных преступлениях позволит выявлять закономерности и факторы, статистически связанные с определенными видами преступлений [1, с. 671].

Искусственный интеллект обладает потенциалом для обработки значительных объемов информации, аккумулированной в базах данных правоохранительных органов, социальных медиа, финансовых отчетах и иных источниках, с целью обнаружения возможных взаимосвязей и статистических зависимостей, свидетельствующих о противоправной деятельности. Данный функционал способствует оптимизации деятельности следственных и оперативных подразделений, обеспечивая оперативное выявление подозреваемых лиц, установление обстоятельств преступления и сбор доказательной базы.

Одним из примеров эффективного применения искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве является внедрение технологий автоматизированной транскрипции аудиопротоколов судебных заседаний в текстовый формат. Это позволяет не только существенно сократить время, затрачиваемое на подготовку протокола, но и повысить его точность и доступность. Полученный текстовый протокол может быть использован для анализа судебного процесса, поиска ключевых моментов и цитат, а также для автоматического формирования и рассылки повесток участникам процесса в электронном виде, что значительно ускоряет и упрощает процесс уведомления. Помимо сокращения трудозатрат, это способствует повышению прозрачности и эффективности судебного процесса.

Еще одним направлением интеграции искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство предполагает осуществление автомати-

зированного контроля за соблюдением процессуальных норм и формальных требований. В частности, к данной категории относятся задачи отслеживания и верификации соблюдения процессуальных сроков, сроков давности привлечения к уголовной ответственности, соответствия назначенного наказания санкции статьи, а также корректности расчета сумм гражданских исков и зачета времени содержания под стражей в срок отбывания наказания. Реализация данного функционала позволит минимизировать вероятность процессуальных ошибок и нарушений, что, в свою очередь, способствует повышению качества и законности отправления правосудия, обеспечивая соблюдение прав всех участников уголовного процесса.

Перспективность внедрения искусственного интеллекта в задачи контроля процессуальных норм обусловлена несколькими ключевыми факторами, вытекающими из его технологических особенностей. Во-первых, современные алгоритмы обладают высокой точностью к деталям в процессе выполнения математических расчетов и логических операций, что минимизирует риск ошибок, связанных с человеческим фактором. Во-вторых, искусственный интеллект демонстрирует исключительную оперативность в поиске, анализе и обработке больших объемов информации, позволяя в кратчайшие сроки выявлять несоответствия и нарушения в процессуальных документах и действиях. Эти характеристики делают искусственный интеллект незаменимым инструментом для обеспечения надлежащего контроля за соблюдением формальных требований в уголовном судопроизводстве.

В связи с тем, что каждое судебное дело обладает уникальным набором обстоятельств, эффективное применение цифровых технологий в судопроизводстве требует предварительной систематизации и типизации повторяющихся данных. При этом нельзя не принимать во внимание, что уникальные особенности отдельного уголовного дела могут быть не учтены в общем сформированном судебном решении, а формально-правовое решение в ряде случаев не будет соответствовать требованиям справедливости, подсудности и убедительности [2, с. 20].

Несмотря на значительный потенциал автоматизации и оптимизации уголовного процесса посредством внедрения искусственного интеллекта, необходимо учитывать сопутствующие риски, которые представляются весьма существенными. Особую озабоченность вызывает обеспечение объективности и беспристрастности алгоритмов, гарантия справедливости при принятии решений на основе данных, обработанных искусственного интеллекта, а также защита персональных данных всех участников уголовного судопроизводства от несанкционированного доступа и злоупотреблений.

Информатизация государственных систем может породить новый тип преступлений, непосредственно связанных с нарушением информационной безопасности, поэтому стратегически важно в процессе разработки инструментов облегчающих правоприменение особое внимание уделить информационной безопасности и подготовке и переподготовки кадров для работы с этими системами. Необходимо учитывать, что искусственному интеллекту недоступны такие качества, как ответственность, сострадание, самоанализ, нравственный самоконтроль [3, с. 25].

Существенным риском при использовании искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве является потенциальная предвзятость алгоритмов и, как следствие, дискриминация. Поскольку обучение искусственного интеллекта происходит на основе исторических данных, содержащих существующие в обществе стереотипы и предубеждения, алгоритмы могут воспроизводить и усиливать эти предвзятости. Это может выражаться, например, в непропорционально частом отнесении представителей определенных этнических или социальных групп к категории преступников.

Кроме того, следует учитывать, что искусственный интеллект не является безошибочным инструментом. Возможность ошибок и сбоев, таких как неверная идентификация личности по фотографии или некорректная оценка риска рецидива, сохраняется и может иметь серьезные негативные последствия для участников уголовного процесса, приводя к неправосудным решениям. Применение искусственного интеллекта для сбора и анализа информации о гражданах может создать угрозу нарушения прав на неприкосновенность частной жизни, тайну личной переписки и телефонных переговоров, а также иные аспекты защиты персональных данных.

Внедрение искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство открывает значительные возможности для повышения эффективности борьбы с преступностью и улучшения качества принимаемых решений. Вместе с тем, для предотвращения негативных последствий и обеспечения справедливого и законного использования искусственного интеллекта, требуется создание четкой нормативно-правовой базы, установление строгих этических принципов и внедрение эффективных механизмов контроля. Только при соблюдении этих условий возможно реализовать потенциал искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве, обеспечив соблюдение прав человека и верховенство закона.

Список цитируемой литературы:

1. Каминская, К. Э. Перспективы использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве / К. Э. Каминская // Регулирование правоотношений: проблемы теории и практики : сборник ста-

тей XX Международной студенческой научно-практической конференции, Москва : Российский государственный университет правосудия, 2022. – С. 670-674.

2. Использование искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве: перспективы и актуальные проблемы / М. А. Пешков. – Текст : непосредственный // Правовой альманах. – 2024. – №2 (33). – С. 19-22.

3. Пределы применимости технологий искусственного интеллекта в отправлении правосудия по уголовным делам / Д. А. Руденко. – Текст : непосредственный // Юридическая бюллетень. – 2024. – № 4. – С. 23-26.

Бузычкина А. А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Проводина Е.В., канд. юрид. наук, доцент

ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПОНЯТИЯ «ГЕНОЦИД» ТОГДА И СЕЙЧАС

Аннотация

Геноцид – одно из тягчайших преступлений против человечества, которое выражается в форме действий, направленных на уничтожение (истребление) людей в зависимости от их национальной, религиозной, расовой, этнической и иной принадлежности. В статье рассматривается история правового закрепления понятия «геноцид». Поскольку данное преступление является международным, автор подчеркивает необходимость единообразного законодательного закрепления этого понятия. Проведён анализ основных актов международного права, а также Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: геноцид, преступления против человечности, истребление, Нюрнбергский процесс, ответственность.

Хотя Нюрнбергский процесс завершился давно, его последствия ощущаются по сей день. Приговор осудил геноцид, массовые убийства и агрессивную войну, подчеркнув при этом неизбежность наказания за подобного рода преступления. Однако попытки реабилитировать нацистов и оправдать их зверские поступки продолжаются, несмотря на неопровержимые доказательства бесчеловечности и масштабов геноцида.

Устав Международного военного трибунала (далее МВТ) определил преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности. К последним относятся убийства, истребление, порабощение и другие жестокости против гражданского населения, совершённые до или во время войны, а также преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам. Эти преступления подпадают под юрисдикцию МВТ независимо от национального законодательства [1, с. 71]. Наиболее ужасающим преступлением остаётся геноцид, идея которого откровенно изложена Гитлером в «Майн кампф», где он описывает «обезлюживание» как истребление целых рас.

Хотя термин «геноцид» был введён Рафаэлем Лемкиным в 1933 году, юридическое определение он получил лишь в 1948 году с принятием ООН соответствующей Конвенции.

После Второй мировой войны началась работа по международному правовому осуждению геноцида. Закон Контрольного совета в Германии 1945 года расширил определение преступлений против человечности, исключив необходимость связи с военными преступлениями. Резолюция ООН 1946 года подтвердила принципы Нюрнбергского трибунала и рекомендовала государствам принять положения Устава об ответственности за преступления против человечности, военные преступления и агрессию. Резолюция ООН 1946 года определила геноцид как преступление, независимо от мотива и статуса преступника. Конвенция ООН 1948 года юридически закрепила определение геноцида. Хотя СССР подписал Конвенцию в 1949 году, уголовная ответственность за геноцид была введена в российское законодательство лишь в 1996 году [2, с.84].

Последующие усилия по кодификации международного права включали Резолюцию ООН 1947 года, создавшую Комиссию международного права для формулировки принципов Нюрнбергского трибунала и разработки кодекса преступлений против мира и безопасности человечества (кодекс так и не был принят). Резолюция ООН 1947 года (3314) определила агрессию как применение вооруженной силы с нарушением суверенитета государства. Венцом этой работы стало создание Международного уголовного суда в Гааге на основе Римского статута.

Уголовная ответственность за геноцид стала реальностью благодаря Нюрнбергскому процессу. Статья V Конвенции ООН обязывает государства-участники принять законы, предусматривающие наказание за геноцид и другие преступления, указанные в статье III.

Российское законодательство, в частности статья 357 Уголовного кодекса, определяет геноцид в соответствии с Конвенцией 1948 года, включая такие действия, как убийство, причинение тяжкого вреда здо-

ровью, насильственное воспрепятствование деторождению, принудительная передача детей, насильственное переселение или создание невыносимых условий жизни, направленных на физическое уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы.

Российское законодательство рассматривает насильственное переселение как способ совершения геноцида.

В 2021 году в статью 354.1 Уголовного кодекса были внесены поправки, ужесточающие наказание за реабилитацию нацизма и оскорбление ветеранов, предусматривающие штраф до 5 000 000 рублей или лишение свободы на срок до 5 лет.

Тарбагаев А. Н. и Москалев Г. Л. утверждают: «… к моменту принятия действующего УК РФ конвенционное понятие геноцида существовало уже 48 лет и ни разу не подвергалось изменениям. При этом посягательства на объект, охраняемый нормами о геноциде, в мире совершались регулярно, обрастая различными дополнительными признаками, требующими внимания законодателя и правоприменителя» [3, с. 515].

Таким образом, понятие геноцида, закрепленное Конвенцией 1948 года, не приспособлено к современным реалиям и требует внесения корректировок.

Можно выделить следующие недостатки статьи о геноциде в УК РФ:

- во-первых, определение понятия геноцида слишком узкое. Целесообразно расширить его, включив не только этнические, расовые и религиозные группы, но и культурные и политические. Поскольку уничтожение таких групп может привести к уменьшению мировоззренческого разнообразия и снижению разнообразия человечества в целом.

Р.Лемкин считал, что геноцид: «приводит к особым потерям для цивилизации в форме культурных достижений, которые могут принадлежать исключительно определенным группам людей, объединенным национальными, расовыми или культурными признаками».

- во-вторых, действие «принудительная передача детей» требует конкретики. А именно необходимо указать, что опасность заключается не в физическом уничтожении, а в лишении ребенка возможности получить социально – культурный опыт своей группы. Геноцидом будет считаться передача детей в такие учреждения, в которых подавляются отличительные признаки их групп, что непосредственно приводит к исчезновению последних. Преступления считается оконченным с момента помещения ребенка в такую среду.

- в-третьих, статья не предусматривает ответственность за содействие геноциду и публичные призывы к нему. Таким образом, целесо-

образно будет добавить в УК РФ ст.357.1, предусматривающую ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение в совершение геноцида, а также ст.357.2, предусматривающую ответственность за публичные призывы к осуществлению геноцида. За основу можно взять аналогичные статьи о терроризме и об экстремизме;

- в-четвертых, слово «физическое» в ст.357 УК РФ является лишним. Его исключение из текста статьи позволит значительно расширить круг деяний, подпадающих под её действие.

Указанное направление совершенствования ст.357 УК РФ основывается на теоретической концепции геноцида Р. Лемкина, который кроме физического истребления социальных групп под геноцидом также понимал различные формы уничтожения их культурной идентичности.

Анализ российского законодательства и международных правовых актов, направленных против геноцида, демонстрирует постоянную эволюцию мер по защите прав человека. Несмотря на достигнутый прогресс в осуждении и предотвращении геноцида, начиная с Нюрнбергского процесса и последующих международных договоров, работа по совершенствованию правовой базы и механизмов пресечения подобных преступлений не должна стоять на месте. Важно отметить, что юридические нормы сами по себе не гарантируют полного искоренения геноцида, необходима также работа по воспитанию толерантности и уважения к разнообразию, а также построение справедливого и инклюзивного общества.

Список цитируемой литературы:

1. Валеев, Р. М. Кодификация преступлений против человечности (к 70-летию Нюрнбергского процесса) // Юридическая наука. – 2015. – № 3. – С.69-74.

2. Ветошкина, Е. Д. Традиции и новации в определении геноцида в УК РФ 1996 г / Е. Д. Ветошкина. // Право и практика. Научные труды института Московской государственной юридической академии имени О. Е Кутафина в г. Кирове. – 2016. – № 1. – С. 83–85.

3. Тарбагаев, А. Н. Основные направления совершенствования нормы об уголовной ответственности за геноцид в УК РФ / А. Н. Тарбагаев. – Текст : непосредственный // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т.10, № 3. – С.511-520.

Васильева А.В., студент
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
г. Санкт-Петербург

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ И ЗАЩИТА ДАННЫХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ В РФ И КНР В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация

Статья посвящена сравнительному анализу уголовно-правовых мер противодействия киберпреступности и защиты данных в Российской Федерации (РФ) и Китайской Народной Республике (КНР). Цель работы – выявление сходств и различий в подходах двух стран к регулированию цифровых угроз, включая хакерские атаки, утечки данных и мошенничество в сети, основываясь на анализе нормативных актов, судебной практики и политических стратегий.

Ключевые слова: киберпреступность, защита данных, уголовное право, цифровой суверенитет, РФ, КНР.

Цифровая трансформация, охватившая все сферы общественной жизни, привела к беспрецедентному росту киберпреступности, что ставит перед государствами сложные задачи по обеспечению безопасности в виртуальном пространстве. В этих условиях Россия и Китай, обладающие значительным технологическим потенциалом, демонстрируют различные подходы к уголовно-правовому противодействию киберугрозам. Российская Федерация, столкнувшись с увеличением числа киберпреступлений (по данным МВД РФ в 2024 году в России было зарегистрировано 765,4 тысячи случаев киберпреступлений), активизировала законодательную работу, ужесточив санкции за нарушения в области компьютерной информации. КНР, где ежегодно регистрируется свыше 1,5 млн. инцидентов, сделала ставку на превентивные меры, такие как система социального рейтинга и массовый мониторинг сетей. Однако, несмотря на схожие цели – защиту государственного суверенитета и прав граждан – правовые механизмы РФ и КНР существенно различаются.

Киберпреступность в России представляет собой системный вызов, обусловленный как внутренними факторами (рост цифровизации госуслуг, коммерции и банкинга), так и внешними угрозами (транснациональные хакерские атаки, геополитическая напряжённость). В отсутствие легальной дефиниции, в доктрине под киберпреступностью понимается совокупность преступлений, совершаемых в интернет-пространстве с помощью или посредством компьютерных систем или компьютерных сетей, а также иных средств доступа к киберпростран-

ству, в рамках компьютерных систем или сетей и против компьютерных систем, компьютерных сетей и компьютерных данных. Законодательная база противодействия этим угрозам формируется вокруг статей 272–274.2 Уголовного кодекса РФ (*далее – УК РФ*), которые криминализируют неправомерный доступ к компьютерной информации, создание и распространение вредоносных программ, нарушение правил эксплуатации средств хранения данных, а также DDoS-атаки. Кроме того, в 2024 году в УК РФ была введена новая статья – 272.1 (*незаконные использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации*) и было введено наказание за совершение деяний, предусмотренных ч.1, 2, 3 данной статьи, сопряженных с трансграничной передачей компьютерной информации.

Правоприменительная практика демонстрирует рост числа возбуждённых дел. По данным МВД РФ, за последние четыре года их количество увеличилось на треть (+32,6%), где преобладающими преступлениями явились *дистанционные кражи и мошенничества*, которые составили почти три четверти подобных преступлений (70, 2 %). Использование терминов «дистанционная кража» и «дистанционное мошенничество» неслучайно – так, распространение в последние несколько лет использования преступниками средств сотовой связи, компьютерных программ и сети Интернет уже получило в практике и научном сообществе наименование «дистанционное мошенничество». Более того, данный термин в деятельности правоохранительных органов уже стал включать и дистанционные кражи, и собственно мошенничество, чем еще раз подтвердил справедливость высказываемого предложения о введении общего понятия «дистанционное хищение».

Государственная политика в сфере кибербезопасности реализуется через стратегические документы, такие как Стратегия развития информационного общества на 2017–2030 годы и Доктрина информационной безопасности РФ. Эти акты, взаимодополняя друг друга, формируют основу для построения «цифрового государства», сочетающего технологический прогресс с защитой национальных интересов.

Так, стратегия развития информационного общества задаёт вектор движения России к цифровой экономике. Её главная цель – интеграция информационных технологий во все сферы жизни, от госуправления до бизнеса. Документ делает ставку на инфраструктурные проекты: обеспечение всеобщего доступа к высокоскоростному интернету, внедрение «интернета вещей» (*IoT*). Успехи в этой области очевидны: так, например, к 2023 году 90% госуслуг переведены в электронный формат [4, с. 288]. Однако реализация этих норм сталкивается с вызовами: массовая цифровизация приводит к утечкам персональных данных: число зафиксированных Роскомнадзором утечек выросло со

140 в 2022 году до 168 в 2023-м. В открытом доступе увеличивается количество личной информации граждан: номеров телефонов, адресов, подробностей покупок, почтовых отправлений. Данные используются преступниками для их продажи, мошеннических схем, кражи денежных средств или имущества.

Эти инциденты подчёркивают необходимость баланса между удобством цифровых сервисов и безопасностью, что становится задачей второго документа – Доктрины информационной безопасности. Доктрина отражает новые реалии: рост кибертерроризма, вмешательство во внутренние дела через цифровые платформы и распространение дезинформации. Её ядро – защита цифрового суверенитета через контроль и снижение зависимости от зарубежных технологий – например, создание национальной системы доменных имён (DNS) позволяет изолировать российский сегмент Сети в случае внешних угроз. Таким образом, российская модель противодействия киберпреступности сочетает репрессивные меры (блокировки, штрафы) с попытками сохранить цифровой суверенитет.

Китайская Народная Республика демонстрирует уникальный подход к борьбе с киберпреступностью, основанный на сочетании жёсткого государственного контроля, превентивных технологий и идеологии «киберсуверенитета». Законодательная база КНР в этой сфере формируется вокруг нескольких ключевых актов: Уголовного кодекса (刑法, Xíngfǎ), Закона о кибербезопасности (网络安全法, Wǎngluò ānquán fǎ) и Закона о защите персональных данных (个人信息保护法, Gèrén xìnxī bǎohù fǎ, PIPL). Эти документы не только криминализируют киберпреступления, но и закрепляют право государства на тотальный мониторинг цифрового пространства, что отражает приоритет коллективной безопасности над индивидуальными свободами.

Статьи 285–287 УК КНР охватывают широкий спектр киберпреступлений: от несанкционированного доступа к данным (ст. 285) до распространения вредоносного ПО (ст. 286). Несмотря на сравнительно ограниченный перечень киберпреступлений, КНР сталкивается с вызовами применительно к квалификации деяний и разграничении их, например, с нормами, предусматривающими ответственность за хищения. Так, в доктрине подчеркивается, что новыми формами киберпреступности выступают компьютерные информационные системы, данные и виртуальная собственность, а различия, основанные на понимании природы предмета преступления, ведут к различиям в судебных решениях и влияют на единство уголовно-правовой оценки. Как отмечает в своей работе Ван Гуанлун, китайские суды имеют непоследовательное понимание правовой природы виртуальной собственности в киберпространстве: акт

кражи сетевой виртуальной собственности на практике квалифицировался по УК КНР как нарушение свободы переписки (ст. 252) [3, с. 51]. Вместе с тем на практике встречались случаи, когда аналогичное деяние рассматривалось как нарушение компьютерных информационных систем (ст. 286) или незаконное вторжение в компьютерные информационные системы (ч. 1 ст. 285). Отдельный интерес представляют нетрадиционные виртуальные активы, такие как игровые монеты – в судебной практике также существуют разные мнения о понимании виртуальных валют нового поколения. Например, в отношении одного и того же незаконного приобретения содеянное квалифицировалось в качестве незаконного приобретения данных компьютерных информационных систем, как незаконное управление компьютерными информационными системами (ч. 2 ст. 285) либо как кража (ст. 264) [2, с. 58].

КНР активно продвигает модель «киберсуверенитета» в рамках ШОС и БРИКС, выступая против «западной гегемонии» в интернете. Концепция «киберсуверенитета» реализуется через Великий китайский файрвол (*Golden Shield Project*), блокирующий доступ к иностранным платформам, в том числе – к «Facebook», «Twitter», «Youtube», «Gmail», «Google». Таким образом, в КНР фактически создана мощная параллельная сетевая структура, которая потенциально может существовать независимо от международной сети Интернет, даже в случае полного отключения от нее, и которая напрямую или через крупные компании контролируется государством. Подобная ситуация позволяет говорить о создании китайского суверенного Интернета [1, с. 80]. Между тем, китайская стратегия противодействия киберпреступности, основанная на тотальном контроле и технологическом превосходстве, эффективна в краткосрочной перспективе, но несёт риски авторитарной стагнации – так, в отличие от РФ, где акцент смещён на репрессии, КНР делает ставку на профилактику через цифровую слежку, что отражает различие в политических системах и культурных ценностях. При этом, страны активно укрепляют сотрудничество в рамках противодействия новым вызовам в цифровом пространстве – так, например, в 2019 году обе страны в ходе регулярной встречи премьерминистров Китая и России подписали документ о сотрудничестве в области развития цифровых технологий, направленный на укрепление научно-технического сотрудничества в области 5G и искусственного интеллекта.

РФ и КНР, стремясь обеспечить цифровой суверенитет, делают ставку на усиление государственного контроля над киберпространством, что проявляется в регулировании доступа к данным, блокировке «нежелательного» контента и криминализации действий, угрожающих национальной безопасности. Ключевым вызовом для обеих стран остаётся баланс между безопасностью и правами человека. В КНР массовая слежка

и ограничение свобод оправдываются концепцией «коллективной стабильности», однако это подавляет инновационный потенциал и провоцирует этические дилеммы. В России аналогичные меры также сталкиваются с правовыми коллизиями. Таким образом, будущее борьбы с киберпреступностью лежит в поиске моделей, которые сочетают защиту национальных интересов с соблюдением прав человека и интеграцией в глобальные экосистемы, – задача, требующая не только правовых реформ, но и переосмысления роли государства в цифровую эпоху.

Список цитируемой литературы:

1. Буз, С. И. Киберпреступления: понятие, сущность и общая характеристика // Юристъ-Правоведъ. – 2019. – № 4 (91). – С. 78–82.

2. Евтушенко, И. И. Виктимологическое предупреждение хищений, совершаемых дистанционно / И. И. Евтушенко // Юрист. – 2022. – № 3. С. 56-60.

3. Номоконов, В. А. Киберпреступность как новая криминальная угроза / В. А. Номоконов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2012. – № 1 (24). – С. 45–55.

4. Сергеева Н.В. От электронных государственных услуг к цифровым // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2023. – № 11-2. – С. 285–289.

Веретягин А.С., Шурухчеев Р.Ю., студенты
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»,
г. Краснодар
Научный руководитель – Лукки Е.В. канд. юрид. наук, доцент

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СТАТЬИ 186 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОДДЕЛКА ДЕНЕГ ИЛИ ЦЕННЫХ БУМАГ

Аннотация

Целью научной статьи является комплексный уголовно-правовой анализ статьи 186 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за подделку денег или ценных бумаг. Автор детально рассматривает объективные и субъективные признаки состава преступления, анализирует квалифицирующие признаки, проводит разграничение со смежными составами преступлений (мошенничество, незаконная банковская деятельность). Особое внимание уделяется вопросам квалификации в судебной практике и проблемным

аспектам применения нормы в условиях цифровизации финансовых инструментов. В статье предлагаются меры по совершенствованию противодействия данному виду преступлений.

Ключевые слова: подделка денег; фальшивомонетничество; ценные бумаги; уголовная ответственность; состав преступления; экономическая безопасность; судебная практика.

Подделка денежных знаков и ценных бумаг представляет собой одну из наиболее опасных угроз экономической безопасности государства. Статья 186 УК РФ, устанавливающая ответственность за данные деяния, требует тщательного анализа в условиях развития новых финансовых технологий и цифровых инструментов. Актуальность исследования обусловлена:

1. Ростом количества преступлений, связанных с подделкой денег (по данным Банка России, в 2023 году выявлено на 15% больше фальшивых банкнот, чем в предыдущем году)

2. Появлением новых способов подделки с использованием цифровых технологий3. Усложнением механизмов сбыта поддельных денежных знаков через интернет-платформы.

3.Объективные признаки состава преступления:

Объект преступления. Основным объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие стабильность финансовой системы Российской Федерации. Дополнительным объектом могут являться: имущественные интересы граждан и организаций- нормальное функционирование кредитно-финансовых учреждений. Объективная сторона. Законодатель выделяет следующие формы деяния:

1. Изготовление в целях сбыта:

- полный цикл производства поддельных денег/ценных бумаг
- частичное изготовление (например, подделка отдельных элементов защиты) [1, с. 113]

2. Сбыт поддельных денежных знаков:

- непосредственная передача фальшивых купюр
- использование при расчетах
- обмен на товары или услуги.

Предмет преступления. К предмету относятся:

1. Банкноты и монеты Банка России
2. Иностранная валюта
3. Ценные бумаги в документарной форме
4. Электронные средства платежа (спорный вопрос в доктрине)

Субъективные признаки состава преступления: субъект преступления. Общий субъект – физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет. В качестве специального субъекта могут выступать: работники

полиграфических предприятий- сотрудники кредитных организаций-кассиры торговых точек [2, с. 982]; субъективная сторона.

Обязательным признаком является цель сбыта при изготовлении. Мотивы могут быть различными: корыстные побуждения- желание навредить финансовой системе- политические мотивы (редко). Квалифицированные составы:

Часть 2 ст. 186 УК РФ предусматривает повышенную ответственность за:

- совершение преступления в крупном размере (свыше 1,5 млн руб.)
- использование специального оборудования

Часть 3 устанавливает ответственность за деяние, совершенное:

- организованной группой
- в особо крупном размере (свыше 6 млн руб.)

Проблемы квалификации: разграничение со ст. 159 УК РФ (мошенничество): по объекту: ст. 186 – финансовая система; ст. 159 – собственность; по способу: подделка денег vs обман/злоупотребление доверием; по моменту окончания: ст. 186 – формальный состав; ст. 159 – материальный; подделка цифровых валют. Дискуссионный вопрос в доктрине одни исследователи считают возможным применение ст. 186 по аналогии- другие предлагают введение специальной нормы; доказывание умысла на сбыт. Сложности возникают при: обнаружении единичных поддельных купюр, задержании на стадии изготовления-использовании "кустарных" способов подделки; судебная практика: Анализ 50 приговоров за 2022-2024 гг.

Меры совершенствования противодействия:

1. Законодательные:- конкретизировать понятие "крупный размер" для цифровых активов- ввести специальную норму о подделке электронных средств платежа

2. Практические:- усилить межведомственное взаимодействие-внедрить автоматизированные системы проверки подлинности- повысить квалификацию сотрудников банков и торговых сетей [3]

Статья 186 УК РФ является важным инструментом защиты финансовой системы, однако требует адаптации к современным условиям. Необходимо: уточнить диспозицию нормы с учетом новых технологий; разработать методические рекомендации по квалификации; усилить профилактическую работу.

Список цитируемой литературы:

1. Безверхов, А. Г. Экономические преступления / А. Г. Безверхов. – Москва : Проспект, 2022. – 115.

2. Клепицкий, И. А. Преступления против денежного обращения / И. А. Клепицкий. – Москва : Проспект, 2021. – 983 с.

3. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : [ред. от 21 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – Текст : непосредственный.

Викулина Т. В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Рыжкова И. Д., канд. юрид. наук

ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ, КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ

Аннотация

Вопросы правомерности причинения вреда при задержании лиц, совершивших преступление, занимают важное место в современном правоведении. Эта тема становится особенно актуальной в условиях, когда общество сталкивается с проблемами обеспечения безопасности и защиты прав граждан. Необходимость предотвращения преступлений и задержания правонарушителей требует от правоохранительных органов и граждан применения силы, в то же время возникают вопросы о границах допустимого в таких действиях. В статье рассматривается причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, как обстоятельство, исключающее преступность деяния.

Ключевые слова: задержание лица, совершившего преступление; причинение вреда; обстоятельство, исключающее преступность деяния.

Статья 38 УК РФ устанавливает, что причинение вреда лицу при его задержании не является преступлением, если такие действия необходимы для предотвращения противоправных действий или устранения угрозы обществу и отдельным лицам. Законодатель подчеркивает, что меры, применяемые при задержании, должны соответствовать характеру противоправного деяния и степени угрозы, исходящей от задерживаемого [1]. Это положение обеспечивает баланс между защитой общественных интересов и соблюдением прав задерживаемого. Важно отметить, что «причинение вреда при задержании лица, совершившего

преступление, является социально и юридически обусловленным обстоятельством, исключающим преступность деяния» [2, с. 370].

Несмотря на наличие четких нормативных актов, в правоприменительной практике возникают проблемы, связанные с оценкой законности действий при задержании. Согласно статье 37 Уголовного кодекса, действия задерживающего не являются преступлением, если Российской Федерации, они были необходимы для предотвращения дальнейшего вреда обществу. Однако в судебной практике нередко возникают споры о том, были ли действия задерживающего пропорциональными исходящей от него опасности и необходимыми. Это связано с субъективностью оценки таких действий и сложностью установления фактических обстоятельств. Международные стандарты, такие как Основные принципы ООН, также требуют минимизации использования силы, что иногда вступает в противоречие с национальными практиками. Это подчеркивает необходимость совершенствования нормативной базы и проведения обучения сотрудников правоохранительных органов для обеспечения единообразного применения законов [3, с. 3].

Правовые последствия причинения вреда при задержании зависят от соблюдения принципов законности и необходимости. Четкое определение границ допустимого поведения, а также разработка и внедрение механизмов контроля за действиями правоохранительных органов являются важными элементами обеспечения правопорядка и защиты прав граждан. В этом контексте стоит отметить, что и уголовно-правовая норма о необходимой обороне является одной из гарантий права «граждан защищать свои права и свободы всеми способами, которые не запрещены законом» [4, с. 3]. И это же применимо к задержанию лица, совершившего преступление. Таким образом, соблюдение этих принципов не только защищает права граждан, но и способствует укреплению доверия к правоохранительным органам.

Законные действия при задержании лица, совершившего преступление, представляют собой меры, направленные на пресечение общественно опасного посягательства и соответствующие установленным правовым нормам. Это положение служит основой для оценки правомерности действий задерживающего.

Незаконные действия при задержании могут проявляться в превышении мер или несоразмерном применении силы, что влечет за собой уголовную ответственность. Например, случаи, когда задерживающий умышленно причиняет тяжкие телесные повреждения задержанному лицу без всякой на то необходимости. И эти действия мы рассматриваем, как превышение допустимого предела при задержании. Последствия незаконных действий включают судебное разбиратель-

ство, привлечение к ответственности и возможность компенсации ущерба пострадавшему.

Сравнительный анализ законных и незаконных действий при задержании основывается на критериях соразмерности, необходимости и соблюдения правовых норм. Законные действия характеризуются строгим соблюдением установленных правил и минимизацией причиняемого вреда. В отличие от этого, незаконные действия демонстрируют несоразмерность применяемых мер и возможное злоупотребление полномочиями. Применение силы должно строго ограничиваться рамками, установленными законом, что требует от задерживающего высокой степени осведомленности и ответственности. При этом «при задержании лица, совершившего преступление, причинение вреда может быть признано правомерным, если оно соответствует условиям правомерности и не превышает пределов допустимого.

В результате проведенного исследования были рассмотрены правовые аспекты причинения вреда при задержании лиц, совершивших преступление. Было выявлено, что законодательство Российской Федерации предоставляет четкие рамки для правомерного применения силы в подобных ситуациях, основываясь на принципах исключения превышения пределов допустимого.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : [ред. от 21 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – Текст : непосредственный.

2. Болдинов, В. М. Ответственность за причинение вреда источником повышенной опасности / В. М. Болдинов : Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 372 с.

3. Грачев, Д. М. Особенности правового регулирования причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление / Д. М. Грачев. – Текст : непосредственный // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. – 2020. – № 4(43). – 5 с.

4. Юдина, В. В. Проблемы квалификации причинения вреда в условиях необходимой обороны / В. В. Юдина. – Текст : непосредственный // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. – 2020. – № 12(51). – 10 с.

УДК 343.9

Воронина Е. А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В.М., канд. юрид. наук, доцент

РОЛЬ ПЕДАГОГА И ПСИХОЛОГА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация

Актуальность данной темы в современном мире не вызывает сомнений. Уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних лиц носит особый характер, предусмотренный необходимостью учитывать их психологический, социальный и физиологический уровень развития. В представленной научной статье рассматривается, один из наиболее. В статье рассматриваются спорные аспекты, касающиеся роли педагогов и психологов в уголовном процессе по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними. Автор анализирует их процессуальный статус, полномочия, значимость и проблемы, связанные с их формальным участием. Основная цель работы заключается в необходимости четкого разграничения этих ролей, а также в осознании важности их участия в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: несовершеннолетние, психолог, педагог, правовой статус, уголовное судопроизводство, специалист.

Разбирательство по уголовным делам, связанным с преступлениями, совершенными несовершеннолетними, проводится в соответствии с общими правилами, определенными частями второй и третьей Уголовно-процессуального кодекса, с учетом исключений, указанных в главе 50 УПК.

Несовершеннолетними в соответствии с УПК, являются лица, достигшие на момент преступление 14 лет, но не достигшие 18 лет. Причем Уголовная ответственность начинается с 16 лет, однако за особо тяжкие преступления она может быть установлена уже с 14 лет. (глава 4 ст. 20) [1]. Наличие в Уголовно-процессуальном кодексе главы, посвященной преступлениям несовершеннолетних, обусловлено международными правовыми обязательствами Российской Федерации. Требования к осуществлению правосудия в делах о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, определяются Пекинскими правилами. Процессуальные нормы, касающиеся уголовных дел данной категории в России, в целом соответствуют общепринятым принципам и междуна-

родным стандартам, изложенным в Конвенции ООН о правах ребенка от 29 ноября 1989 года, Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся правосудия в отношении несовершеннолетних от 10 декабря 1985 года (Пекинские правила), а также в Эр-Риядских руководящих принципах ООН по предотвращению преступности среди молодежи и Рекомендациях N Rec (2003) 20 Комитета министров Совета Европы о новых подходах к преступности среди несовершеннолетних и значении правосудия для них. Данные документы определяют конкретные нормы работы с несовершеннолетними правонарушителями, формулируют основные принципы правосудия в их отношении и указывают на направления совершенствования национального законодательства в сфере уголовного судопроизводства для этой категории граждан.

Установление особого порядка уголовного судопроизводства для несовершеннолетних зависит от правовой системы страны, уровня преступности среди молодежи и индивидуальных характеристик подозреваемого или обвиняемого несовершеннолетнего. Лица, не достигшие восемнадцатилетнего возраста, являются наиболее уязвимыми, их психика не до конца сформирована и признается неустойчивой, а также нередко они подвержены отрицательному и негативному влиянию со стороны окружающих. Именно поэтому законодатель предусматривает участите психолога и педагога в уголовном судопроизводстве, для дополнительного обеспечения гарантий защиты прав и интересов ребенка.

Если говорить о процессуальном статусе педагога и психолога, то он по сей день не определен, хотя УПК существует уже более 20 лет. И тут возникает актуальный вопрос: данные фигуры уголовного судопроизводства относятся к специалистам или имеют особый, специфический статус? [2, с. 28]

Авторы, которые занимались этим вопросом придерживаются различных теорий, например, одни отождествляют педагога и психолога со специалистом и считают, что УПК не нуждается в статье, которая будет регламентировать их права и обязанности. Другие авторы такие как М.С. Строгович, считали, что необходимо разграничивать такие понятия, как специалист и педагог. Л.Г. Шапиро не отождествлял между собой педагога и психолога со специалистом и объяснял это тем, что они не выполняют полномочий, которыми обладает специалист. А именно не использует научно-технические средства и не содействует обнаружению, закреплению и изъятию предметов и документов. Также педагог и психолог являются заинтересованными в исходе дела участниками. Особенно можно отнести педагога, так как он несет ответственность за воспитание несовершеннолетнего. Специалист же в свою очередь не должен иметь самостоятельного интереса, иначе будет привлечен к отводу в соответствии со статьей 61 УПК.

Следовательно, можно сделать вывод, что объем процессуальных прав и обязанностей у педагога, психолога и специалиста различен. Все вышесказанное не позволяет отождествлять их. Схожесть данных субъектов заключается в том, что они все обладают специальными знаниями и умениями.

Законодатель определяет, правомочия психолога и педагога, участвующих в допросе. При допросе они имеют возможность задавать вопросы несовершеннолетнему обвиняемому или подозреваемому и знакомиться с протоколом допроса, а также делать письменные замечания о правильности и полноте в нем записей (ч.5 ст.425 УПК РФ)

С учетом необходимости присутствия педагога и психолога во время допроса несовершеннолетних, не достигших 16 лет, возникает важный вопрос о том, как правильно определить, кто из этих специалистов должен быть привлечен. Уголовно-процессуальный кодекс не содержит ясных указаний по этому поводу, не указывая, в каких случаях требуется участие психолога, а в каких – педагога, стоит отметить, что единственным исключением являются преступления, связанные с нарушением половой неприкосновенности, в которых участие психолога является обязательным/

Некоторые авторы в связи с тем, что правовой статус, обязанности и полномочия психолога и педагога законодательно не обозначены, считают их одинаковыми фигурами в уголовном судопроизводстве. Но это совсем не так, несмотря на то, что они обладают специальными знаниями, их содержание кардинально отличается. Главной целью педагогики является обнаружение и установление закономерностей в области воспитания и обучения. Педагог должен обеспечить правильное и подходящее общение между прокурором, судом и следователем, не обладающими необходимыми знаниями с несовершеннолетним, для того, чтобы исключить неправильность интерпретации сказанного несовершеннолетним и дать возможность понять друг друга. В УПК РФ дается определение педагога, но оно является слишком широким, это может привести к неправильности выбора лиц, не обладающих необходимыми профессиональными критериями, а также к отрицательным последствиям.

Если мы рассматриваем правовой статус психолога, то тут вопрос стоит ещё острее, чем с педагогом, так как в УПК РФ отсутствует понятие «психолог». Целью участия психолога является определение поведения несовершеннолетнего и причины такого поведения, оказание помощи лицам, которые подверглись психотравмирующим ситуациям, снижение напряжения и волнения в процессе допроса, а также установление психологических отклонений, для успешного проведения следственных действий. Также необходимо понимать, что не только

потерпевшие, но и свидетели, которые стали очевидцами преступления, могут в связи с этим получить психологическую травму, которую продиагностирует лишь психолог.

Рассмотрев цели и задачи психолога и педагога, мы можем прийти к выводу, что необходимо разграничивать данных фигур уголовного судопроизводства и ни в коем случае не отождествлять [3, с. 232].

Одним из дискуссионных вопросов в практике является то, какого следователя и психолога привлекать к участию в допросе несовершеннолетнего: знакомого или же нет? В основном, следственные органы и дознаватели обращаются к педагогам из учебных заведений, где учился или продолжает учиться несовершеннолетний подозреваемый или обвиняемый, данная практика является достаточно эффективной, так как ребенку проще открыться лицу, которого он знает, а также педагог в свою очередь знает характерные особенности своего ученика. Но не исключением являются и ситуации, когда подросток не желает участия знакомого преподавателя в связи с личностными конфликтами, неприязнью или стыдом за содеянное. В любом случае необходимо прислушиваться к мнению несовершеннолетнего, для эффективности осуществления уголовно-процессуальной деятельности [4, с. 199].

Проанализировав некоторые аспекты данной темы, можно констатировать факт наличия пробелов в УПК РФ, связанных с закреплением правового статуса педагога и психолога при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Появление в УПК РФ прав и обязанностей педагога и психолога послужит достаточно благоприятным действием для следователей, дознавателей и обвиняемых несовершеннолетних.

Подводя итоги, можно сказать, что Роль педагогов и психологов недооценена, а в некоторых случаях она оказывается лишь формальной. Эти специалисты являются профессионалами, обладающими необходимыми навыками и знаниями для защиты прав и интересов несовершеннолетних. Важно также осознавать, что успешность допроса и дачи показаний несовершеннолетними во многом зависит от их психологического состояния, что как раз и поддерживается психологами и педагогами.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : [ред. от 21 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 410. – Текст : непосредственный.

2. Бакурина, А. И. Роль педагога и психолога в уголовном судопроизводстве с участием несовершеннолетних. / А. И. Бакурина. –

Текст : непосредственный // Бюллетень инновационных технологий. – 2017. – вып. 3. – С. 27-30.

3. Привлечение психолога и педагога в уголовное судопроизводство: историко-правовой аспект. / А. С. Лопатин // Юридическая наука. – 2023. – вып. 4. – С. 231-235.

4. Шувалова М.А. Процессуальные действия психолога и педагога в уголовном судопроизводстве / М.А. Шувалова. – Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2019. – вып. 6. – С. 196-201.

Гальцова С. А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Климов А.С., канд. юрид. наук, доцент

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ СМЕРТИ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ

Аннотация

Причинение смерти по неосторожности как самостоятельный структурный элемент системы уголовного права занимает особое место в Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ) среди преступлений против жизни и здоровья, поскольку затрагивает общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни личности. От тщательного и глубокого изучения признаков состава преступления зависит факт привлечения к уголовной ответственности и ее размер.

Ключевые слова: неосторожность, легкомыслие, небрежность, квалификация.

По данным статистики, из общего количества уголовных дел, которые ежегодно рассматриваются в России, дела о причинении смерти по неосторожности занимают 1,5–2 %. Однако если посмотреть на эту статистику в части дел, рассматриваемых судами первой инстанции, то доля дел о причинении смерти по неосторожности значительно выше – 10–15 %. Следует отметить, что число таких преступных деяний растёт с каждым годом.

Непосредственным объектом является право человека на жизнь и общественные отношения, которые обеспечивают безопасность жизни человека.

Объективная сторона характеризуется как деяние, которое может выражаться в форме действия или бездействия, напрямую связанных с причинением смерти другому лицу.

Субъективная сторона может выражаться в форме преступного легкомыслия или небрежности, закрепленных в ст. 26 УК РФ [2]. Легкомыслие выражено в поведении лица, при котором оно предвидело опасные последствия, но рассчитывало на их своевременное предотвращение. Небрежность прослеживается в действиях, в которых лицо на момент совершения преступления не осознавало наступления опасных последствий, а также не предвидело данных последствий, хотя при должной внимательности и предусмотрительности должно было их предвидеть. Субъектом убийства, совершенным по неосторожности, выступает вменяемое физическое лицо, которое достигло возраста 16 лет, специальный субъект обладает своими особенностями, им является лицо, которое осуществляет функции в профессиональной сфере или обладает иными аспектами, которые принадлежат именно этой группе лиц.

Примерами признаков, указывающих на причинение смерти по неосторожности, являются следующие:

1. Повреждения в результате несчастного случая. Если смерть наступила на рабочем месте или в ходе выполнения определенной деятельности, следствие оценивает условия и обстоятельства смерти, что позволяет определить, было ли причинение смерти обусловлено неосторожностью.

2. Наличие следов альтеркации или драки. Если погибший имеет следы на теле, свидетельствующие о конфликте или драке, исследование этих признаков поможет определить, была ли смерть результатом неосторожных действий в ходе конфликта.

3. Последствия аварии или несчастного случая. Оценка последствий более широкого события, такого как авария или несчастный случай, может указать на наличие неосторожности со стороны лиц, причастных к этим событиям, в результате чего произошла смерть.

4. Документация и свидетельские показания. Важным источником информации обстоятельств смерти по неосторожности могут быть документы, записи о происшествии, показания свидетелей и участников события. Эти и другие признаки, определенные в ходе расследования, медицинского осмотра и судебно-медицинской экспертизы, в совокупности позволяют установить объективные факты причинения смерти по неосторожности [1, с. 140].

Выделяют несколько типов преступников, причинивших смерть лицу по неосторожности:

1) Первый тип – лицо, которое обладает характерными чертами в виде самонадеянности и уверенности в себе и своем авторитете среди других людей;

2) Второй тип – четко выделяется небрежность в поступках, которые совершает данное лицо.

С.В. Расторопов считает, что: «Легкомыслие и небрежность имеют единые психологические и социальные корни, порождаются недостаточной осмотрительностью, внимательностью, заботливостью об общественных интересах» [3, с. 17].

При рассмотрении судом степени вины, учитываются различные факторы, которые могут быть выражены в: недобросовестном исполнении лицом своих профессиональных обязанностей, нарушении правил безопасности в различных сферах жизнедеятельности, а также другие действия, которые могут привести к опасным последствиям. В данном случае одним из важнейших условий является правильная квалификация уголовной ответственности.

Например, согласно ст. 109 УК РФ, если убийство совершено при ненадлежащем выполнении виновным лицом своих профессиональных обязанностей, то наказание может быть в виде ограничения свободы до трех лет или принудительными работами на тот же срок, а также лишение права занимать определенные должности [4, с. 471].

Таким образом, ст.109 УК РФ предусматривает ответственность за преступление в виде причинения смерти по неосторожности, рассматривая при этом действия или бездействия виновного лица, а также статья 109 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за преступление в виде причинения смерти по неосторожности, которое может осуществляться в форме легкомыслия или небрежности.

Список цитируемой литературы:

1. Голенко, Д. В. Преступления против жизни и здоровья: учеб. пособие / Д. В. Голенко. – Самара: Изд-во Самарского университета, 2019 – 140 с.

2. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : [ред. от 21 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – Текст : непосредственный.

3. Расторопов, С. В. Содержание субъективной стороны преступлений против здоровья человека / С. В. Расторопов. – 2004. – № 2. – С. 18.

4. Некоторые проблемы квалификации убийства по неосторожности / В. А. Сараева. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 18 (360). – С. 470-472.

Гейдаров Т. Р., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В. М., канд. юрид. наук, доцент

КРИМИНАЛЬНОЕ БАНКРОТСТВО: СУЩНОСТЬ, ФОРМЫ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ В РОССИИ

Аннотация

В современном законодательстве определение криминальных банкротств отсутствует, и ученые не имеют единства во взглядах относительно данного правового института, однако в целом большинство его определений указывают на то, что это модель противоправного поведения в сфере бизнеса.

Ключевые слова: банкротство, корпорации, нестабильность, кредитор.

В современных условиях в российской экономике наблюдается высокий уровень нестабильности как в связи с внешнеполитической обстановкой, так и из-за внутренних проблем. В сложившейся ситуации в нашей стране в последние годы наблюдается высокий уровень корпоративных банкротств. В 2021 г. их количество выросло на 3,85% относительно 2020 г. (с 9924 до 10306 случаев), в 2022 – сократилось на 12,2% (с 10306 до 9047 случаев), а по итогам 2023 года их количество достигло 7400 случаев, что отражает снижение на 18,2%. В целом за последние пять лет количество открытых конкурсных производств сократилось на 40,3% (по итогам 2019 г. выявлено 12 393 случая, а по итогам 2020 г. – 9925 случая). Однако, уровень банкротств попрежнему остается достаточно высоким.

Помимо банкротств на законных основаниях в 2022 году, характеризующемуся ростом экономической нестабильности и социальной напряженности, выросло количество криминальных банкротств. В современном законодательстве определение криминальных банкротств отсутствует, и ученые не имеют единства во взглядах относительно данного правового института, однако в целом большинство его определений указывают на то, что это модель противоправного поведения в сфере бизнеса, при которой преступник применяет установленную законодательством процедуру банкротства для достижения своих корыстных целей. Примерами таких манипуляций является искусственное занижение величины прибыли, сокрытие или вывод активов через другие компании, уклонение от уплаты задолженности кредиторам, различного рода незаконные операции с финансовыми документами и т.д. Всё это наносит ущерб экономической безопасности России.

К криминальным банкротствам относятся преступления, уголовная ответственность за которые предусмотрена ст. 195, 196 и 197 Уголовного кодекса РФ. Ими являются неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ), преднамеренное банкротство (ст. 196 УК РФ) и фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ).

К основным неправомерным действиям при банкротстве согласно ст. 195 УК РФ относятся «сокрытие имущества, имущественных прав или имущественных обязанностей, сведений об имуществе, о его размере, местонахождении либо иной информации, передача имущества во владение иным лицам, отчуждение или уничтожение имущества должника – юридического лица, гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, а равно сокрытие, уничтожение, фальсификация бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя» [1]. Данные действия могут быть осуществлены лицом с применением служебного положения или группой лиц по предварительному сговору.

Говоря о преднамеренном банкротстве, отметим, что под ним понимается совершение преступных действий, которые не позволяют юридическому лицу или гражданину погасить свою задолженность. Например, иллюстрируя данное преступление на примере экономического субъекта, отметим, что процесс преднамеренного банкротства начинается с искусственного накапливания долгов и исключения возможности его погашения. Внешне это выглядит как реальное ухудшение финансового состояния компании, и когда величина непогашаемого в течение трех месяцев долга превышает 100 тыс. руб., можно будет начинать легальную процедуру банкротства. Однако если в процессе данной процедуры арбитражный управляющий обнаруживает незаконные манипуляции, то владельцы бизнеса привлекаются к уголовной ответственности.

При фиктивном банкротстве компания может активно снижать величину своих активов, прекращает вести бизнес-деятельность, не отвечает на письма, может изменить адрес регистрации, назначить нового руководителя, поменять название и т.д.

Главное отличие преднамеренного банкротства от фиктивного заключается в том, что в ходе преднамеренного банкротства финансовое состояние предприятия реально ухудшается, а в процессе фиктивного банкротства предприятие может отвечать по своим обязательствам, но скрывает это. Иными словами, при фиктивном банкротстве создается видимость финансовой несостоятельности. В обоих случаях у собственников компании имеется преступный умысел и корыстный мотив к совершению преступлений. Как считает Тодышева Н. Т., «чаще всего заключение о фиктивном банкротстве подают, если банкротящееся ли-

цо скрывает своё имущество, обесценивает или уничтожает его, самовольно изменяет порядок выплаты кредиторам» [2, с. 220].

Рассматривая современное состояние криминальных банкротств, обратимся к материалам статистики. Если за последние 3 года информация об уголовном судопроизводстве по ст. 197 УК РФ отсутствует, то преступления, для которых уголовная ответственность наступает по ст. 195-196 Уголовного кодекса РФ, имели место быть, и больше всего уголовных дел было рассмотрено по ст. 196, части 1, к которой относится «совершение действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность юридического лица или гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб». Под крупным ущербом понимается стоимость, ущерб, доход либо задолженность в сумме, превышающей три миллиона пятьсот тысяч рублей» [3, с. 30]. В 2021 г. по статье 196 осуждено 22 человека (все по ст. 196 части 1), в 2022 г. – 33 человека (все по ст. 196 части 1), а в 2023 г. – 21 человек, из них 19 было осуждено по ст. части 1 данной статьи. Таким образом, в 2023 – 2024 гг. отмечено их снижение, однако особую опасность представляет собой именно латентный характер преступлений, которые являются криминальными банкротствами. Лицам, осужденным по статьям 195-197 УК РФ в качестве наказания могут быть назначены штрафы, лишением свободы (в т.ч. условным), а также лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на конкретный срок. 68% осужденных по ст. 196 ч. 1 в 2021 г. получили в качестве наказания штрафы разной величины, в 2022 г. – 57% были лишены свободы условно, а в 2023 г. – 63% осужденным были назначены штрафные санкции.

Таким образом, под криминальным банкротством понимается модель противоправного поведения в сфере бизнеса, при которой преступник применяет установленную законодательством процедуру банкротства для достижения своих корыстных целей. К криминальным банкротствам относятся преступления, уголовная ответственность за которые предусмотрена ст. 195, 196 и 197 Уголовного кодекса РФ. Криминальное банкротство ставит под угрозу не только интересы кредиторов, но и наносит ущерб экономической безопасности нашей страны.

Для того, чтобы оказывать эффективное противодействие криминальному банкротству в современных условиях, необходимо разрабатывать действенные механизмы уголовно-правового характера, которые бы способствовали решению проблем квалификации (например, расширение перечня субъектов криминального банкротства, формули-

рование признаков субъектов криминальных банкротств в диспозициях статей УК РФ в виде открытого перечня, ужесточение мер уголовной ответственности для виновных лиц). Всё это будет способствовать справедливому назначению наказания для осужденных. Кроме того, арбитражным управляющим необходимо подробно и комплексно анализировать деятельность каждого субъекта, а за их работой нужно повысить контроль. Это, в свою очередь, поможет снизить количество криминальных банкротств в нашей стране.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : [ред. от 21 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – Текст : непосредственный.

2. Криминальное банкротство: общее и частное / Н. Т. Тодышева. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 46(388). – 228 с.

3. Криминальные банкротства: особенности свершения / Н. Н. Марьина. – Текст : непосредственный // Вестник Университета МВД России. – 2012. – №3 (17). – С. 29-33.

Гладких Елена Александровна, студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Беденко А.В., доцент

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ ИЛИ ЯДОВИТЫХ ВЕЩЕСТВ

Аннотация

В современном обществе проблема незаконного оборота сильнодействующих или ядовитых веществ остается одной из наиболее актуальных и сложных. Увеличение числа преступлений в данной сфере оказывает негативное влияние на общественную безопасность, здоровье граждан и экономику. В связи с этим разработка эффективных методов расследования таких преступлений становится приоритетной задачей для правоохранительных органов и научного сообщества.

Ключевые слова: незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ, расследование, инновации в методах расследования, анализ тенденций в преступности.

В последние годы наблюдается значительный рост преступлений, связанных с незаконным оборотом сильнодействующих веществ. В 2021 году в России было зарегистрировано более 27 тысяч таких преступлений, что на 15% превышает показатели предыдущего года. Этот рост свидетельствует о повышении активности преступных группировок, специализирующихся на обороте сильнодействующих веществ, а также о расширении их сетей сбыта. Такие тенденции требуют пристального внимания со стороны правоохранительных органов и внедрения новых подходов и технологий в борьбе с данной категорией преступлений.

На такой рост тенденциозной преступности в сфере незаконного оборота влияют социальные и экономические факторы. Обусловленные статистикой: согласно отчету ООН о наркотиках и преступности за 2022 год, экономические кризисы и высокий уровень безработицы – ключевые факторы, способствующие увеличению числа преступлений в данной области – данного рода обстоятельства создают благоприятную среду для привлечения новых участников в преступные сети, что подчеркивает необходимость разработки комплексных мер, направленных на устранение причин и условий, способствующих развитию преступлений, связанных с незаконным оборотом сильнодействующих или ядовитых веществ.

Международные правовые акты и соглашения имеют решающее значение в борьбе с незаконным оборотом сильнодействующих или ядовитых веществ. Одним из наиболее значимых документов в этой сфере является Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, принятая в 2000 году: документ устанавливает механизмы международного сотрудничества, включая обмен информацией, совместные расследования и экстрадицию преступников. Значение такого рода соглашений заключается в создании единой правовой основы, которая позволяет странам координировать свои действия и эффективно противостоять транснациональной преступности в сфере незаконного оборота СДВ или ЯВ.

Если говорить о методах расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом сильнодействующих веществ, то они значительно различаются в зависимости от страны, что обусловлено различиями в правовых системах, уровне технического оснащения и организационных подходах. Например, в странах Европейского Союза активно используются современные технологии, такие как анализ больших

данных и применение искусственного интеллекта. В то же время в странах с развивающейся экономикой акцентируется внимание на оперативно-розыскной работе и сотрудничестве с местными сообществами. Такой сравнительно анализ помогает выявить наиболее успешные практики, которые могут быть адаптированы и использованы в юрисдикциях других стран.

Если говорить об успешных примерах международного сотрудничества в борьбе с преступлениями в сфере НОН, то они, несомненно, присутствуют и демонстрируют эффективность объединения усилий различных стран:. в 2020 году Европол сообщил о раскрытии более 500 случаев незаконного оборота веществ благодаря международным операциям. Еще одним успешным примером в борьбе с преступлениями в сфере НОН является программа INTERPOL по борьбе с наркотиками и преступностью, которая активно поддерживает страны в проведении совместных расследований, предоставляя аналитическую и техническую помощь. Данные примеры международного сотрудничества подчеркивают значимость координации и обмена опытом между странами для успешного противодействия транснациональной преступности.

Современные технологии играют ключевую роль в повышении эффективности расследований преступлений, связанных с незаконным оборотом сильнодействующих веществ. Одной из наиболее перспективных областей является использование технологий искусственного интеллекта (ИИ), которые позволяют автоматизировать анализ значительных объемов данных, выявлять скрытые закономерности и прогнозировать действия преступных группировок. В 2021 году применение ИИ в странах Европы способствовало раскрытию более 30% сложных дел, что свидетельствует о высокой эффективности данного подхода. Благодаря ИИ правоохранительные органы получают возможность оперативно реагировать на новые угрозы и минимизировать риски. Это подчеркивает необходимость комплексного подхода к использованию технологий в борьбе с преступлениями в сфере НОН. Таким образом, интеграция современных технологий в правоохранительную практику позволяет не только повысить эффективность расследований, но и обеспечить более широкий охват в борьбе с преступностью.

Аналитические инструменты становятся неотъемлемой частью современных расследований, предоставляя возможности для структурированного анализа данных и визуализации сложных связей. Примером служит платформа «i2 Analyst's Notebook», активно используемая в более чем 50 странах мира. Этот инструмент объединяет разрозненные данные из различных источников, что значительно ускоряет про-

цесс расследования и повышает его точность. В отчете ООН за 2022 год подчеркивается, что внедрение подобных решений способствует более глубокому пониманию структуры преступных сетей и выявлению ключевых участников. Следовательно, использование аналитических инструментов помогает более эффективно справляться с задачами, связанными с расследованием преступлений в сфере НОН.

Международное сотрудничество играет важную роль в обмене инновационными подходами к расследованию преступлений в сфере незаконного оборота сильнодействующих веществ. Программы, такие как «Глобальная инициатива против транснациональной организованной преступности», способствуют интеграции новых технологий и методов в работу правоохранительных органов разных стран. Данное сотрудничество предоставляет возможность применять новейшие технологии и адаптировать их к местным условиям других государств, что значительно увеличивает эффективность борьбы с наркопреступностью, а обмен опытом и знаниями между государствами также способствует укреплению международных отношений в сфере правопорядка и повышает эффективность в расследовании преступлений в сфере НОН.

В данной статье в ходе исследования были выявлены современные подходы, включая использование инновационных криминалистических технологий, международный опыт. Было подчеркнуто, что интеграция различных методов и технологий позволяет повысить эффективность расследований и способствует сокращению числа подобных преступлений.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г.: (ред. от 02.10.2024). – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 03.04.2025). – Режим доступа: КонсультантПлюс: [справ.-правовая система], свобод. из локал. сети Липецкого филиала РАНХиГС. – Текст: электронный.

Гостеева М. А., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Рыжкова И. Д., канд. юрид. наук

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЯ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ИЛИ ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПРИОБРЕТЕННЫХ ДРУГИМИ ЛИЦАМИ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Аннотация

В статье рассматриваются дискуссионные аспекты определения объективных признаков легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем, в контексте современной правоприменительной практики. Проанализированы концептуальные основы квалификации данного вида преступления с учетом трансформации механизмов отмывания денежных средств в условиях цифровизации экономики. Особое внимание уделено проблематике идентификации объективной стороны преступления в контексте использования информационно-телекоммуникационных технологий. На основе комплексного анализа нормативно-правовой базы и правоприменительной практики сформулированы предложения по совершенствованию механизмов противодействия легализации преступных доходов.

Ключевые слова: легализация, отмывание денежных средств, объективные признаки, преступные доходы, информационно-телекоммуникационные технологии, финансовые операции, цифровизация экономики.

Проблематика противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, приобретает особую актуальность в контексте современных вызовов экономической безопасности государства. Трансформация экономических отношений и стремительное развитие цифровых технологий существенно видоизменяют механизмы включения преступных доходов в легальный экономический оборот, что обусловливает необходимость совершенствования теоретико-методологических подходов к квалификации данного вида преступлений.

Следует отметить, что основополагающим элементом в системе противодействия легализации преступных доходов выступает корректное определение объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 174 УК РФ. Именно через призму объективных признаков осуществляется идентификация конкретного деяния как ле-

гализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, что в свою очередь детерминирует эффективность правоприменительной практики в данной сфере.

Легализация (отмывание) денежных средств представляет собой многогранный феномен, интерпретация которого претерпевала значительные изменения в процессе эволюции правовой мысли. Современное понимание данного явления базируется на определении, закрепленном в Федеральном законе от 07.08.2001 г. (в ред. от 28.12.2024 г.) № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», согласно которому под легализацией понимается «придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученными в результате совершения преступления».

Однако, как справедливо отмечает З.И. Хисамова, данная дефиниция не в полной мере отражает многоаспектность исследуемого феномена, особенно в контексте использования информационно-телекоммуникационных технологий при совершении финансовых операций [1, с. 140]. Действительно, стремительная трансформация финансовых инструментов, появление криптовалют, развитие электронных платежных систем существенно модифицируют механизмы отмывания преступных доходов, что обусловливает необходимость переосмысления традиционных подходов к определению объективных признаков данного преступления.

Объективная сторона легализации, согласно диспозиции ст. 174 УК РФ, заключается в совершении финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенными другими лицами преступным путем, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом. При этом следует дифференцировать данный состав от легализации, предусмотренной ст. 174.1 УК РФ, предметом которой выступают денежные средства или иное имущество, приобретенные лицом в результате совершения им преступления.

Ключевым элементом объективной стороны выступает именно совершение финансовых операций и других сделок с имуществом, приобретенным преступным путем. В данном контексте актуализируется проблематика идентификации конкретных действий как финансовых операций или сделок в целях легализации. Как отмечает А.В. Зимовец, «не любая финансовая операция или сделка с имуществом, добытым в результате преступной деятельности, образует составы отмывания денег. Действительно, квалификация деяния как легализации требует установления специфической цели – придания правомерного

вида владению, пользованию и распоряжению имуществом преступного происхождения.

Данный аспект представляется особенно проблематичным в контексте совершения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Как свидетельствует анализ следственно-судебной практики, проведенный З.И. Хисамовой, «современные способы отмывания денежных средств, основанные на использовании информационно-телекоммуникационных технологий, характеризуются высоким уровнем латентности и технологической сложности». Это существенно затрудняет идентификацию объективных признаков преступления, предусмотренного ст. 174 УК РФ, в условиях использования электронных средств платежа, криптовалют и иных цифровых финансовых активов.

Современный этап развития экономических отношений характеризуется стремительной цифровизацией финансового сектора, что детерминирует существенную трансформацию механизмов легализации преступных доходов. В современных условиях законодательство и правоприменительная практика должны быстрее адаптироваться к новым реалиям цифровой экономики.

Как отмечает А.В. Зимовец, «экономика активно развивается, появляется большое число различных финансовых инструментов, позволяющих найти в них несовершенства и использовать последние в преступных целях» [2, с. 118]. Действительно, появление и стремительное распространение новых финансовых инструментов, таких как криптовалюты, смарт-контракты, децентрализованные финансовые системы, значительно расширяет инструментарий преступников в сфере легализации незаконно полученных доходов.

Для успешного противодействия легализации преступных доходов важно правильно определить объективные признаки состава преступления в случае использования информационно-телекоммуникационных технологий. Сложность данной задачи обусловлена рядом факторов: во-первых, высокой степенью анонимности и транснациональным характером цифровых финансовых транзакций; во-вторых, отсутствием унифицированных подходов к регулированию цифровых финансовых активов на международном уровне; и в-третьих, как мы отмечали выше, недостаточной адаптацией существующей нормативно-правовой базы к специфике цифровой финансовой инфраструктуры, вследствие чего возникают пробелы в правовом регулировании.

Одним из дискуссионных вопросов в контексте определения объективных признаков легализации выступает проблематика идентификации предмета преступления. Как отмечают специалисты Следственного комитета РФ, «предмет преступления – это денежные средства или дру-

гое имущество, приобретенные для виновного заведомо преступным путем или приобретенные в результате совершения самим лицом преступления». Однако в условиях цифровой экономики возникает вопрос о возможности отнесения к предмету легализации криптовалют, токенов, цифровых прав и иных видов цифровых финансовых активов.

Наиболее остро вопрос определения предмета преступления встал в период активного использования криптовалют в трансграничных финансовых операциях. Как справедливо отмечает З.И. Хисамова, «нормами, направленными на противодействие отмыванию незаконно добытых средств, в отечественном уголовном законодательстве выступают ст. 174 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем» и ст. 174.1 УК РФ». При этом проблематичным представляется вопрос о соотношении понятий «денежные средства» и «иное имущество» с категорией «цифровые финансовые активы».

Эффективность противодействия легализации преступных доходов в значительной степени детерминирована уровнем международного сотрудничества в данной сфере. Как отмечают специалисты Следственного комитета РФ, «большинство современных отечественных исследователей признают, что легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем, носит международный характер». Действительно, транснациональный характер современных финансовых потоков и широкое использование информационно-телекоммуникационных технологий обусловливают необходимость координации усилий различных государств в сфере противодействия легализации преступных доходов.

Крайне важно унифицировать подходы к определению объективных признаков легализации в различных правовых системах. Как отмечает Росфинмониторинг, «главной целью финансового расследования является выявление и документирование фактов движения денежных средств в ходе осуществления преступной деятельности» [3, с. 51]. При этом эффективность таких расследований в значительной степени зависит от согласованности действий правоохранительных органов различных государств и унификации подходов к идентификации объективных признаков легализации.

Анализ современных тенденций в сфере легализации преступных доходов позволяет сформулировать ряд перспективных направлений совершенствования механизмов противодействия данному виду преступлений:

1. Адаптация нормативно-правовой базы к специфике цифровой экономики, включая корректировку дефиниции легализации с учетом особенностей использования цифровых финансовых активов.

2. Совершенствование методологии идентификации объективных признаков легализации в условиях использования информационно-телекоммуникационных технологий.

3. Развитие механизмов международного сотрудничества в сфере противодействия легализации преступных доходов, включая унификацию подходов к определению объективных признаков данного преступления.

4. Имплементация риск-ориентированного подхода в систему противодействия легализации преступных доходов, что позволит сконцентрировать ресурсы на наиболее проблемных сегментах финансового сектора.

5. Развитие системы подготовки специалистов в сфере выявления и расследования преступлений, связанных с легализацией доходов, полученных преступным путем, с акцентом на особенности цифровой экономики.

Проведенный анализ дискуссионных вопросов определения объективных признаков легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем, свидетельствует о необходимости комплексного подхода к совершенствованию механизмов противодействия данному виду преступлений.

Существующую нормативно-правовую базу необходимо быстрее адаптировать к реалиям цифровой экономики, что предполагает модификацию подходов к идентификации объективных признаков легализации с учетом специфики использования информационно-телекоммуникационных технологий. При этом особое внимание следует уделить проблематике определения предмета легализации в контексте распространения цифровых финансовых активов, что требует корректировки традиционных представлений о соотношении категорий «денежные средства» и «иное имущество» с понятием «цифровые финансовые активы».

Не менее значимым представляется вопрос о совершенствовании международного сотрудничества в сфере противодействия легализации преступных доходов, что обусловлено транснациональным характером современных финансовых потоков и широким использованием цифровых финансовых инструментов в трансграничных операциях. В данном контексте актуализируется проблематика унификации подходов к определению объективных признаков легализации в различных правовых системах, что может быть реализовано посредством развития международных правовых механизмов противодействия данному виду преступлений.

Список цитируемой литературы:

1. Хисамова, З. И. Способы легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, с использованием информационно-

телекоммуникационных технологий / З. И. Хисамова. – Москва : КиберЛенинка, 2020. – С. 139-146. – Текст : непосредственный.

2. Зимовец, А. В. Легализация доходов, полученных преступным путем: обзор типовых схем и анализ тенденций / А. В. Зимовец. – Текст : непосредственный // Теневая экономика. – 2023. – № 3. – С. 115-129.

3. Ананикян, Д. С. Противодействие легализации (отмыванию) денежных средств подразделениями финансовых разведок развитых стран / Д. С. Ананикян. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы современной науки. – 2012. – № 4. – С. 49-55.

Грибеникова И. А., студент
Крымский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Симферополь
Научный руководитель – Комарова Е.А., канд. юрид. наук, доцент

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В СОБИРАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация

Статья посвящена анализу процессуального статуса прокурора по реализации им полномочий по собиранию доказательств на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. В работе осуществлен анализ полномочий, установленных для прокурора нормами гл. 6 УПК РФ. Автором обосновывается доктринальная позиция, аргументирующая необходимость законодательного изменения ст. 37 УПК РФ в части расширения процессуальной автономии прокурора при формировании доказательственной базы.

Ключевые слова: прокурор, собирание доказательств, уголовное преследование, доказательства, полномочия прокурора.

Доказывание в уголовном судопроизводстве представляет собой нормативно регламентированную процессуальную деятельность субъектов уголовного процесса, направленную на установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу.

В доктринальных источниках отмечается неоднозначность в определении категории «собирание доказательств», однако в рамках функционально-структурного подхода данный институт понимается как составной элемент системы доказывания, который охватывает со-

вокупность процессуальных действий уполномоченных субъектов (суд, прокурор, следователь, дознаватель), осуществляемых в рамках их компетенции и направленных на выявление, изъятие, фиксацию и интерпретацию сведений.

Согласно статье 86 Уголовно-процессуального кодекса (далее-УПК): «собирание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий». Таким образом, считаем, что прокурор является особым субъектом доказывания, без участия которого невозможно достичь основной цели уголовного судопроизводства.

Анализируя действующее уголовно-процессуальное законодательство можно выделить несколько процессуальных механизмов участия прокурора в формировании доказательной базы:

1) согласно п. 2 ч. 2 ст.37 УПК, прокурор уполномочен по результатам проверок направлять с мотивированным постановлением материалы с выявленными нарушениями закона для возбуждения уголовного дела;

2) в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 37, прокурор имеет право: «давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий»;

3) положение п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК содержит право прокурора после получения уголовного дела давать письменные указания следователю по фактам выявленных нарушений для устранения недостатков.

Согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры РФ прокурорами для решения вопроса об уголовном преследовании в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ в 2022 году направлено более 50 000 материалов, которые в последующем послужили основанием для возбуждения 44 941 уголовного дела [3]. Приведенные данные свидетельствуют о том, что прокуроры активно влияют на формирование доказательной базы, так как направляемые ими материалы становятся основанием для возбуждения уголовного дела, а также содержат обстоятельства, значимые для уголовного дела.

По мнению автора, представленные процессуальные полномочия формируют комплексную систему участия прокурора в собирании доказательств. Взаимосвязь функций надзора и уголовного преследования обеспечивает принцип законности в уголовном процессе, а также устранение пробелов в доказательственном обосновании.

Уголовно-процессуальным кодексом прямо не предусмотрена (но и не запрещена) возможность участия прокурора в проведении следственных действий. Приказ Генерального прокурора РФ № 265 свидетельствует о том, что существует объективная необходимость такого

участия. Согласно нему, прокуроры субъектов РФ: «при возникновении чрезвычайных ситуаций, повлекших значительные человеческие жертвы и иные тяжкие последствия, в случае совершения преступлений террористического характера и иных особо тяжких преступлений, а также при получении данных о нарушении закона при проведении первоначальных следственных действий лично выезжать на места происшествий в целях координации действий сотрудников правоохранительных органов, своевременного решения вопроса о подследственности, осуществления надзора за законностью проведения оперативно-розыскных и процессуальных действий».

По нашему мнению, возможность участия прокурора в первоначальных следственных действиях гарантирует возможность участия прокуроров в производстве первоначальных следственных действий с целью собирания доказательств, а также недопущения нарушений законодательства.

Также акцентируем целесообразность предоставления законодателем прокурору полномочия на участие в производстве любых следственных действий. Такое изменение уголовно-процессуального закона даст гарантию прав участников уголовного судопроизводства и уменьшит количество существенных нарушений, происходящих на данном этапе предварительного расследования.

Законодательное изменение заключается во включении в диспозицию ст. 37 УПК нормы, формулировочная конструкция, которой может быть выражена следующим образом: «вправе принимать участие в производстве следственных действий и иных процессуальных мероприятий, предусмотренных настоящим Кодексом» [1, с. 98].

Несмотря на то, что прокурор вправе давать указания о производстве следственных действий дознавателю, его полномочия в отношении следователя значительно ограничены. Так, прокурор вправе давать указания следователю только в целях устранения выявленных нарушений. По мнению автора, представляется обоснованным расширить возможности прокурора, внести изменения в уголовно-процессуальное законодательство и предоставить ему полномочия давать письменные указания следователю.

А.В. Спирин высказался по этому поводу: «безусловно, данные указания должны носить для следователя (как и для дознавателя) обязательный характер, но не должны превращаться в план расследования, прокурор не должен подменять руководителя следственного органа в управлении следователями» [2, с. 21].

Таким образом, считаем, необходимо увеличить объем полномочий прокурора и предоставить ему возможность давать следователю указания, которые обусловлены функциями надзора за исполнением

законодательства, а следователю оставить его процессуальную независимость.

Анализируя вышеуказанное, следует отметить, что прокурор, используя свои широкие полномочия, является полноценным субъектом собирания доказательств по уголовному делу. Однако, несмотря на это, считаем, что существует необходимость внести изменения в действующее уголовно-процессуальное законодательство и расширить полномочия прокурора, предоставляя ему право давать письменные указания следователю, а также участвовать в производстве следственных действий.

Список цитируемой литературы:

1. Никулина, М. В. Участие прокурора в собирании доказательств в досудебных стадиях уголовного судопроизводства / М. В. Никулина. – Текст : непосредственный // Вестник науки. – 2022. – Т. 2. – С. 95-100.

2. Спирин, А. В. Об участии прокурора в собирании доказательств в досудебных стадиях уголовного судопроизводства / А. В. Спирин // Право и политика. – 2018. – № 9. – С. 17-25.

3. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 года: одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. : [ред. от 21 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921. – Текст : непосредственный.

Губа В. В., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В. М., канд. юрид. наук, доцент

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация

В связи с тем, что с каждым днем появляются новшества в информационных технологиях, появляются и новые методы совершения киберпреступлений. Соответственно правоохранительные органы РФ не имеют возможности адекватно реагировать на новые преступные схемы в экономической деятельности страны.

Ключевые слова: преступления, цифровизация, мошеничество.

Современный этап развития мировой экономики неразрывно связан с процессами цифровой трансформации. Сегодня наблюдается становление единого информационного поля и массовое внедрение цифровых решений во все области общественной жизни. Интенсивная цифровизация бизнес-процессов закономерно приводит к резкому увеличению правонарушений, совершаемых с применением современных технологий [1].

Эксперты предлагают классифицировать экономические преступления с использованием IT-инфраструктуры и телекоммуникаций как отдельную группу правонарушений. К этой категории относятся:

1. Мошеннические операции с безналичными активами
2. Противоправное завладение криптовалютными активами
3. Нарушения авторских и патентных прав в цифровой среде
4. Несанкционированная передача персональных данных и корпоративной информации
5. Финансовые махинации в банковско-кредитной сфере
6. Иные виды киберпреступлений в экономическом секторе.

Такая классификация позволяет систематизировать правоприменительную практику и разрабатывать адресные меры противодействия технологически сложным формам преступности.

Уголовное законодательство в Российской Федерации выделяет преступления в сфере компьютерной информации и иные деяния, где под угрозу ставится информационная безопасность. Но существует и главная проблема в данной классификации – неспособность охватить все возможные противоправные деяния и их последствия.

Стоит уделить отдельное внимание преступлениям, с применением компьютерных технологий [2].

К дополнительным вызовам относятся:

1. Трудности локализации места преступления – действующее законодательство РФ не содержит чётких критериев определения юрисдикции при рассмотрении IT-преступлений;
2. Проблема коллективного соучастия – отсутствие технических и процессуальных механизмов для однозначного подтверждения действий организованной группы.

Эти правовые пробелы создают существенные препятствия для эффективного противодействия технологически сложным формам преступности, требующего международной координации и модернизации нормативно-правовой базы.

В связи с тем, что с каждым днем появляются новшества в информационных технологиях, появляются и новые методы совершения киберпреступлений. Соответственно правоохранительные органы РФ не имеют возможности адекватно реагировать на новые преступные схемы в экономической деятельности страны.

Основной системной слабостью борьбы с экономическими киберпреступлениями в России выступает архаичность уголовно-правового регулирования.

Главный правовой пробел заключается в отсутствии специализированных норм, устанавливающих ответственность за технологически сложные формы криминальных деяний.

Ключевые проблемы правоприменения:

1. Динамический разрыв – стремительная эволюция инструментов киберпреступности опережает возможности их юридической квалификации, что порождает противоречия в трактовке статей УК РФ;

2. Терминологическая неопределённость – в законодательстве отсутствуют легальные дефиниции базовых понятий, включая: «компьютерные технологии»; «преступление с использованием IT-инструментов»; «киберпреступление» как самостоятельный состав.

3. Технологическое отставание – правовые механизмы не успевают адаптироваться к инновационным методам совершения преступлений (криптоанализ, AI-атаки, IoT-эксплуатация).

Эти факторы создают «серые зоны» для злоупотреблений, препятствуя адекватной оценке общественной опасности цифровых угроз. Требуется срочная модернизация законодательства через внедрение гибких правовых конструкций и межотраслевых стандартов кибербезопасности [3, с. 107].

Стремительное развитие цифровых коммуникаций и их интеграция в экономические процессы значительно усилили риски нарушения конфиденциальности персональных данных, коммерческой и банковской информации. Злоумышленники активно эксплуатируют специализированное программное обеспечение, позволяющее незаконно извлекать сведения с любых платформ, требующих ввода пользовательских данных. Помимо классических вредоносных программ, за создание и распространение которых Уголовный кодекс РФ предусматривает ответственность, в арсенале преступников присутствуют:

1. Инструменты криптоанализа для взлома шифров;

2. Программы-брутфорсы для подбора паролей и кодов доступа;

3. Снифферы и сканеры портов, фиксирующие уязвимости в сетях;

4. Цифровые копировщики, дублирующие защищённый контент.

Параллельно с технологическим прогрессом эволюционируют и финансовые механизмы незаконной деятельности. Правоохранительные структуры столкнулись с масштабным использованием криптовалют в теневом секторе экономики. Цифровые активы стали ключевым инструментом для оплаты услуг нелегальных онлайн-казино; приобретения запрещённых веществ через даркнет-маркетплейсы; отмывания средств через анонимные транзакции; вывода капитала в обход финансового контроля.

Эта ситуация требует не только модернизации законодательства, но и внедрения продвинутых технологий киберразведки для противодействия гибридным угрозам цифровой эпохи.

Лишь в 2021 году в России был принят закон «О цифровых финансовых активах», впервые закрепивший в правовом поле определение криптовалюты как «электронного цифрового актива». Однако законодатель прямо запретил её использование в качестве платёжного средства на территории страны, сохранив статус «незаконного инструмента» для товарно-денежных операций.

На фоне технологических изменений и новых рисков особую опасность представляет кибертерроризм, признанный одним из наиболее дестабилизирующих видов преступной деятельности. Для противодействия этим вызовам требуется:

1. Повышение цифровой грамотности сотрудников правоохранительных структур;

2. Внедрение систем предиктивной аналитики для прогнозирования кибератак;

3. Межведомственная координация в области защиты критической инфраструктуры.

Стратегический императив Формирование долгосрочной государственной программы по кибербезопасности становится ключевым условием защиты национальных интересов. Её основой должны стать:

суверенитет в разработке защищённых IT-решений;

1. Гибкое законодательство, адаптируемое к новым формам киберугроз;

2. Международное сотрудничество в борьбе с транснациональной цифровой преступностью.

3. Реализация такой стратегии позволит минимизировать уязвимости цифровой экосистемы России в условиях гибридных войн и технологической конфронтации.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : [ред. от 21 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – Текст : непосредственный.

2. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 года: одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. : [ред. от 21 апреля 2025 г.] //

Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921. – Текст : непосредственный.

3. Бриллиантов, А. В. Преступления в сфере экономической деятельности : учебное пособие / А. В. Бриллиантов. – Москва : РГУП, 2018. – 108 с.

Дьяков Н. С., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Дьякова Л. А., канд. юрид. наук

ЛИЧНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ИНТЕРНЕТЕ

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы личной безопасности в интернете. Пользуясь интернетом всегда нужно быть бдительным и внимательным. В настоящее время это очень актуальная тема.

Ключевые слова: интернет, сервис; пароль; компьютер; телефон; сайт; личная безопасность.

Интернет – удобная площадка для повседневного общения, работы и приобретения любых товаров онлайн. Однако помимо пользы всемирная паутина таит в себе множество опасностей, как явных, так и скрытых. Всемирная паутина таит в себе множество угроз для детей, взрослых, компаний и даже государств. За последние годы количество инцидентов [1], связанных с расследованием инцидентов информационной безопасности в России возросло на 50-76%. Количество утечек данных пользователей исчисляется миллионами [2], что безусловно, требует ужесточения контроля за информацией как самими пользователями интернета, так и службами безопасности разных сервисов.

Работая с ресурсами сети Интернет, с устройствами и программами мы должны помнить и руководствоваться следующими принципами: критическое мышление и недоверие; все, что попало в Интернет, там и осталось; защита компьютера; персональный межсетевой экран; разные учетные записи для работы и администрирования (установки программ); антивирусная программа; на телефоне – включить настройки ограничений; специальные настройки социальных сетей.

Эти рекомендации можно дополнить следующими принципами:

1. Никогда ни с чем не соглашаться! Даже доверенные сайты могут быть скомпрометированы и на них мог попасть вредоносный код.

Если на странице появилось предложение, которое непонятно, откажитесь от него или закройте.

2. Разные сервисы – разные идентификаторы. В качестве идентификатора могут использоваться либо дубликат номера, либо одноразовая почта. В случае с дубликатом номера, к основному номеру «привязывается» еще один, виртуальный номер, который можно сменить. Для доступа к какому-либо сервису или регистрации на сайте можно воспользоваться одноразовой почтой. Как понять, насколько хорошо работает компьютер? Может быть, он уже скомпрометирован?

Признаками заражения могут быть: «Торможение» системы. Оптимизировать загрузку программ в ОС помогут программы Cleanmymac, CleanmyPC, Ccleaner, Msconfig, Sysinternals. Лишний трафик. Непонятные выскакивающие окна и запущенные программы. Использовать для мобильного телефона более сильные механизмы защиты. Не использовать четырехзначный пароль. Использовать биометрическую защиту или сложный пароль

Чтобы узнать, достаточно ли сложный пароль, рекомендуется пользоваться специальными сервисами.

Сервисы проверки паролей: LastPass Password Generator и Kaspersky Secure Password Check

При этом не рекомендуется использовать платные сервисы для проверки паролей и учетных записей на предмет компрометации.

Дополнительные рекомендации цифровой гигиены и личной безопасности в пространстве Интернет: блокировать телефон и компьютер, когда отходите; не использовать стикеры с паролями; не «царапать» пин-код на банковской карте.

Убедитесь, что блоки идентификации и авторизации разделены

Не отправляйте фотографии и голосовые сообщения неизвестным людям

Не используйте доступную информацию о себе в качестве восстановления паролей

Корректно очищайте и сбрасывайте информацию с устройств при продаже или передаче

Не доверяйте передаваемым файлам

Проверяйте файлы на специальных сервисах: Virustotal; Kaspersky Virusdesk;

Не доверяйте присылаемым URL: обращайте внимание на сокращения URL; проверяйте URL с помощью специальных сервисов; не поддавайтесь фишингу и мошенникам.

Мобильный телефон – это кладезь конфиденциальной информации, и она становится доступна злоумышленнику в результате успешного «взлома». Без мобильного телефона человек точно не выйдет из

дома, и точно вернется за ним, если забыл. И что в результате? Самый ценный наш гаджет, кладезь информации, с которой, с одной стороны, беспечно обращаются пользователи, с другой – трепетно следят злоумышленники, оказывается под наибольшим прессингом угроз. Основная цель – это, конечно же, персональные данные о нашей личности с целью получения доступа к нашему банковскому счету или другим финансовым сервисам, контроль использования одноразовых паролей и подтверждений. Также интерес для злоумышленников могут представлять данные для использования механизмов социальной инженерии, когда, втираясь в доверие, хакер через просьбу в социальных сетях просит деньги и обогащается за счет жертвы. Сегодня мы очень много пользуемся и персональными гаджетами, и стационарными компьютерами, работаем с большим количеством сервисов. Но все равно можно выделить несколько ключевых элементов. Это как минимум номер телефона, профиль социальной сети и пароли от важных данных, с которыми мы работаем, либо которые нужны для доступа к сервисам. Проще говоря – это аутентификаты и идентификаторы, без знания которых злоумышленник не может получить несанкционированный доступ. Поэтому важно понимать, каким образом используются эти ключевые элементы.

Распространение угрозы физической расправы в социальных сетях – далеко не редкое явление. Находясь вдали от своей жертвы, агрессор подчас чувствует безнаказанность и продолжает отравлять жизнь человеку, запугивая его своими сообщениями.

Однако также, как и в реальной жизни подобное поведение в сети Интернет является противоправным и преследуется по закону вплоть до уголовного наказания. Основным нормативно-правовым актом, регламентирующим ответственность за распространение угрозы жизни и здоровью человека (в том числе в соц. сетях), является статья 119 Уголовного кодекса РФ [3].

Пользуясь интернетом всегда нужно быть бдительным и внимательным. Мировая паутина всегда имеет таких пауков, которые могут навредить пользователям. И как мы уже узнали, вредителем может быть не только сам компьютер. Социальная инженерия в том и заключается, что должно быть обязательное присутствие человека. Агрессором может быть любой человек.

Что бы защититься от троллей и других выше сказанных угроз просто следуйте правилам и не реагируйте на их провокации. В наше время совершенствуются технологии. Я надеюсь, что появятся новые методы защиты, снизиться опасность находиться в интернете. Я желаю вам никогда не встречаться с обманом и подстрекательством.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ] // Российская газета. – 1993. – 25 дек. – Текст : непосредственный.
2. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : [ред. от 21 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – Текст : непосредственный.
3. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 года: одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. : [ред. от 21 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921. – Текст : непосредственный.

Ершова К. А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Климов А.С., канд. юрид. наук, доцент

ВИКТИМОЛОГИЯ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ДЕТЬМИ

Аннотация

Работа посвящена рассмотрению виктимологических аспектов жестокого обращения с детьми как жертвами преступных деяний. Автором анализируется специфика виктимного поведения несовершеннолетних, типология жертв, а также факторы, способствующие их виктимизации. Делается вывод о необходимости совершенствования основных направлений профилактики и защиты детей от жестокого обращения с позиции виктимологии.

Ключевые слова: виктимология; дети; жестокое обращение; насилие; жестокое обращение с детьми; виктимное поведение.

Жестокое обращение с детьми остается одной из наиболее острых социальных и правовых проблем в современном обществе, поскольку затрагивает права и свободы наиболее уязвимой социальной группы – несовершеннолетних.

По данным ВОЗ, ежегодно миллионы детей во всем мире подвергаются различным формам жестокого обращения, что приводит к тяжелым последствиям для их физического и психического здоровья, формируя у ребенка устойчивые травматические переживания, а также способствуя воспроизводству насилия в будущем, влияя на социализацию ребенка и его поведение.

Как отмечается в докладе о деятельности Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка в 2023 году, «в 2023 году признано потерпевшими 107 925 несовершеннолетних». Увеличилось число обращений в сфере защиты детей от насилия: «в 2023 году Уполномоченным рассмотрено 1 631 обращений, в 2022 году– 1 455» [2].

Кроме того, согласно сведениям Генеральной прокуратуры Российской Федерации «с 2010 по 2021 года количество преступлений сексуального характера в отношении детей увеличилось на 44%: с 9 524 случаев в 2010 году до 16 887 в 2021 году» [3].

Детская виктимность как предмет изучения виктимологии требует особого внимания, поскольку ребенок является уязвимым субъектом в силу возрастных, психологических и социальных аспектов. Установление причин, условий и механизмов виктимизации несовершеннолетних необходимо как для предупреждения преступлений, так и для последующего формирования системы их эффективной защиты – комплекса мер профилактики [1].

Итак, с точки зрения виктимологии, дети представляют собой особую категорию жертв, обладающую высокой степенью беззащитности и зависимым положением в обществе и семье. Их виктимность во многом обусловлена: возрастными особенностями, которые проявляются в отсутствии как такового жизненного опыта и неспособности к самозащите; правовой неосведомленностью; эмоциональной и социальной зависимостью от взрослых; «изоляцией» в закрытых социальных институтах (семье, школе, детских домах); недостаточной внимательностью и/или компетентностью взрослых (родителей, попечителей, опекунов, воспитателей, учителей, социальных работников).

Типология жестокого обращения охватывает 4 основные формы насилия (жестокого обращения), среди которых выделяют:

1. Физическое насилие – непосредственное причинение телесных повреждений, к примеру: избиения, побои, изнуряющие наказания);

2. Психологическое насилие, проявляющееся в оскорблениях, унижениях и пр. «Моральные страдания, причиняемые ребенку, могут

иметь значительное отражение, проявляющееся в замкнутости поведения, искажении социализации формирующейся личности, проявлении жестокости и агрессии, задержке интеллектуального развития и др. Зачастую психическое насилие не рассматривается как жестокое обращение, если оно не сопряжено с иными формами насилия» [4, с. 301];

3. Сексуальное насилие – непосредственное «покушение на половую свободу и неприкосновенность» (развратные действия, изнасилования);

4. Пренебрежение основными нуждами – «характеризуется отсутствием со стороны взрослых (родителей либо лиц их замещающих, медицинских, педагогических и социальных работников) заботы о несовершеннолетнем, а также действия (бездействия), влекущие за собой нарушение развития и здоровья ребенка)» [4, с. 301].

Детское виктимное поведение зачастую является непроизвольным по причине своей обусловленности установившимся определенным «моделям взаимодействия». Можно выделить следующие возможные формы виктимного поведения: «Провоцирующее виктимное поведение», образованное в результате, к примеру, т.н. неблагополучной семейной среды; «Ситуативная виктимность», при которой ребенок становится жертвой, непосредственно оказавшись в опасной ситуации; «Пассивное поведение», встречающееся наиболее часто и проявляющееся в неспособности защитить себя, сообщить о насилии и/или обратиться за помощью.

При этом логично учитывать, что сами дети не несут и не могут нести ответственности за действия взрослых лиц, а, соответственно, не могут быть признаны соучастниками собственного виктимного положения.

Согласно данным государственной статистики, научных исследований, МВД РФ и СК РФ, подавляющее большинство преступлений в отношении детей совершается в семье. Основными субъектами насилия являются: родители/попечители/опекуны (в т.ч. отчим/мачеха); другие члены семьи (бабушки, дедушки, старшие братья/сестры); педагоги, воспитатели, медицинские работники; посторонние лица (зачастую в случаях сексуального насилия).

Факторы виктимизации представляют собой совокупность условий, особенностей и обстоятельств, повышающих вероятность того, что ребенок станет жертвой насилия. Эти факторы делятся на индивидуальные (личные), семейные, социальные и институциональные.

Говоря про личные (индивидуальные) факторы, выделяют возраст (научные исследования и статистические данные позволяют сделать вывод о том, что в группе риска преимущественно дети младшего возраста (от 3 до 12 лет), в силу полной зависимости от взрослых); пол –

как показывает практика, девочки чаще подвергаются сексуальному и психологическому насилию, в то время как мальчики – физическому; физическое и/или психическое состояние по причине того, что дети, к примеру, с инвалидностью, ЗПР, расстройствами аутистического спектра и др. чаще подвергаются насилию из-за уязвимости и неспособности защититься; характер и поведение ребенка (непосредственно личность) – гиперактивность, замкнутость, упрямство и иные качества, способные вызывать «раздражение» у родителей или педагогов, что, в свою очередь, провоцирует жестокое обращение.

Среди семейных факторов принято выделять: неблагополучие (алкоголизм, наркомания, бедность, безработица, агрессивное поведение взрослых и пр.); низкий уровень родительской «компетенции», то есть неумение взрослых «справляться» с воспитанием, применение авторитарных и/или жестоких методов; личный опыт насилия у родителей (речь идет о взрослых, которые сами в детстве пережили насилие и теперь «повторяют» модели поведения; многодетность в аспекте отсутствия должного контроля – с ростом числа детей снижается внимание к каждому из них, и, как следствие, возрастает риск виктимизации.

К социальным факторам относят «маргинализацию» семьи, а точнее ее «изоляцию» от общества и низкий социальный статус; «благоприятное» восприятие насилия в обществе, а именно «терпимость», к примеру, к телесным наказаниям в качестве метода воспитания; недостаточную работу т.н. «служб профилактики» (в данном случае речь идет об отсутствии своевременного выявления риска и вмешательства).

Так называемые «институциональные факторы» носят более глобальный характер и могут проявляться в нарушении стандартов защиты в образовательных и медицинских учреждениях; несвоевременном надзоре и реагирование со стороны органов опеки, ПДН, прокуратуры; а также недоверии к самой системе защиты.

В совокупности эти факторы создают такие условия, при которых ребенок становится особенно уязвимым перед жестоким обращением, а «органы профилактики» не способны выявить проблему вовремя [3, с. 411].

Снижение виктимности детей требует системных мер – комплекса профилактики, направленного на разные сферы. Представляется целесообразным формирование у детей навыков безопасного поведения, а также правовой грамотности. Кроме того, необходимо дополнительное обучение педагогов, медицинских и социальных работников методам выявления признаков насилия. Стоит отметить и внедрение с последующей поддержкой программ родительского образования по воспитанию и развитию детей.

Речь также идет о повышение эффективности работы органов опеки, полиции, образовательных учреждений, в частности, развитием «системы экстренного реагирования» (к примеру, телефонов доверия, чат-ботов, помощи психологов);

Таким образом, виктимология предоставляет ценнейшие инструменты для анализа причин и условий, способствующих становлению детей жертвами преступлений в форме жестокого обращения. Представляется логичным вывод о том, что глубокое понимание факторов виктимизации и развитие профилактической деятельности способствуют снижению уровня жестокого обращения с несовершеннолетними, формированию безопасной социальной среды, и, как следствие, развитию общества.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ] // Российская газета. – 1993. – 25 дек. – Текст : непосредственный.

2. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : [ред. от 21 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – Текст : непосредственный.

3. Государственное управление и развитие России: глобальные тренды и национальные перспективы: сборник научных статей участников Молодежной секции Международной конференц-сессии. –М. : Издательство «Научный консультант», 2023. – 412 с.

Жукова А. А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Климов А. С., кан. юрид. наук, доцент

ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЯВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕСТВЕННОСТИ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ ПРИТОНОВ ДЛЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Аннотация

В данной статье проведен анализ международного опыта и сравниваются подходы различных стран к уголовной ответственности за организацию притонов. Рассматриваются изменения в общественном восприятии наркомании и роли государства в её профилактике. Так же рассматривается историко-правовая характеристика появления уголовной ответственности за организацию притонов для потребления наркотических средств. Исследуется эволюция отечественного законодательства в этой области, начиная с первых упоминаний о наказаниях за организацию притонов и до современного состояния правовой базы.

Ключевые слова: уголовная ответственность, незаконный оборот наркотиков, организация, содержание притонов

Организация притона для потребления наркотических средств представляет собой опасное социально-правовое явление, которое преследует общество, и государства разных стран на протяжении длительного периода времени. Притоны представляют собой не только места, где осуществляется незаконная продажа и употребление наркотических средств, но и центры, способствующие распространению преступности, социальной дезинтеграции и ухудшению здоровья населения. Однако важно отметить, что криминализация данного деяния произошла значительно позже, нежили его появление.

Исторически, наркотические вещества использовались человечеством с древнейших времен. Различные культуры использовали их в ритуальных и лечебных целях, например, в Древнем Египте и Месопотамии опиум использовался как обезболивающее, в то время как в древнекитайской медицине применялись различные травы, содержащие психоактивные вещества. С развитием цивилизации и увеличением доступности наркотиков, стали формироваться места, где люди собирались для их употребления. Эти места не всегда имели четкое наименование, но функции их были схожи с современными притонами.

Пожалуй, наиболее ярким историческим примером появления притонов, приближенной к их современной версии, можно считать появления в XIX веке так называемых «цветочных лодок», получивших широкое распространение в Восточной Азии. Принято считать, что рассвет организации притонов начался именно в Китае, после военных конфликтов Империи Цин с Великобританией, осуществляющей неконтролируемые поставки опиума, получившие в истории название «Опиумная Война». Здесь следует учитывать, что наркотические средства действительно поступали в страну из других государств, однако значительный вклад в совершенствование способа их употребления, который лег в основу принципы работы притонов по всему миру, произошел именно благодаря Китаю.

Проблема заключалась в том, что, несмотря на то, что англичане владели огромным количеством опиума, они не умели извлекать из него полный спектр губительных свойств. Именно бедный народ Китая впервые использовал тепловую обработку опиума, как способ его употребление, а как следствие стал страной прародителем первого устройства для курения опиумных смесей. Уникальная на тот момент по своей конструкции, дизайну и, конечно же, целевому назначению трубка получила широкий спрос на рынке в других странах. Важно учитывать, что стоимость такого устройства была достаточнбо высока, поэтому позволить ее себе могли только состоятельные люди, в дальнейшем имея своей целью получение выгоды, обладатели таких трубок стали предоставлять их сначала знакомым, а затем и всем желающим за определенную плату. В процессе изучения всех особенностей потребления опиума таким способом, владельцы стали адаптировать отдельные помещения специальными средствами, создавая все комфортные условия для своих посетителей. Интересным представляется факт, что притон в тот период времени не расценивался как неблагополучное место, а напротив, становился предметом бурных обсуждений и восхищений, поскольку его посетителями были представители знати и творческого сообщества. Должную реакцию со стороны государства данное негативное явление получило лишь в начале XX века после повышения смертности населения и уменьшения роста рождаемости, вызванного потреблением наркотических средств. Впервые уголовная ответственность за организацию притона появлялась в законодательстве США, Великобритании и странах Западной Европы.

Конечно же, данное негативное явление не могло обойти стороной и нашу страну. Для начала необходимо обратить внимание, что впервые уголовная ответственность за организацию и содержание притонов для потребления наркотических средств появилась в УК РСФСР 1922 г.. «Так ст.140-д предусматривала ответственность за содержание

притонов, в которых производятся, сбыт или потребление кокаина, опия, морфия и других одурманивающих веществ. Указанное преступление, наказывалось лишением свободы сроком до трех лет, конфискацией всего имущества, а поражением в правах и с воспрещением проживания после отбывания наказания в Москве, Ленинграде и других портовых городах, список которых устанавливался по соглашению Народного Комиссариата Внутренних Дел и Народного Комиссариата Юстиции» [1].

На первый взгляд может показаться, что до появления специальной нормы в стране не было распространенно такое негативное явление, как притон для потребления наркотических средств, однако это не совсем верно. Основной особенностью в данном случаи является то, что до появления указанной нормы в законе, законодатель устанавливать контроль за всеми подозрительными домами, где могло происходить «зло». Злом в данном контексте считалось любое негативное явления парализующим общество, будто то алкоголь, табак, наркотики или проституция. Так запрет на создание «кабаков» можно встретить в Судебники Ивана IV, затем в Соборном уложении 1649, а позднее в Воинском Артикле Петра I в 1715, где устанавливался и регламентировался надзор за гаражами и подозрительными домами, в которых потреблялись зелья.

В дальнейшем как уже отмечалось ранее, появляется специальная норма предусматривающая ответственность за организацию и содержании притона для потребления наркотических средств. С момента своего появления и до настоящего времени норма проходит процесс изменения, который происходил в несколько этапов.

Так в УК РСФСР 1926 г она преобразовалась в ст. 104 сохранив свой первоначальный вид за исключением санкции, произошло снижение срока отбывания основного наказания, а так же были исключены пункты, регламентирующие особый порядок отбытия наказания связанного с лишением свободы » [2].

Далее рассматривая УК РСФСР 1960 г. в поле нашего зрения попадается. 226.1 предусматривающая ответственность за организацию или содержание притонов для потребления наркотических средств» [3]. Существенным изменением по сравнению с действующей ранее нормой стало расширение предмета преступления. Ранее законодатель конкретизировал, какие именно наркотические средства подпадают под действия статьи (опий, кокаин, морфин и тд.), в новой же редакции используется обобщенное понятие наркотических средств без конкретизации.

Необходимо обратить внимание на существенное отличие ст. 226.1 УК РСФР 1960г. от существующей на данный момент ст. 232 УК

РФ. Ключевым отличием будет выделение в новой редакции признака «систематичности» преступных действий. Ранее уголовная ответственность для виновных лиц наступала даже в случаи разового предоставления помещений для потребления наркотических средств.

В последующем санкция за организацию либо содержание притонов для потребления наркотических средств или психотропных веществ была изменена введением дополнительного вида наказания как ограничение свободы на срок от одного года либо без такового для основного состава, на срок от двух лет либо без такового для состава с квалифицирующими признаками.

Далее ФЗ от 05.06.2012 № 54-ФЗ «О внесении изменений в статьи 230 и 232 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в ст. 232 УК РФ, слово «или психотропных веществ» было заменено на слова «психотропных веществ или их аналогов».

Федеральным законом от 28.12.2013 № 381-ФЗ «О внесении изменений в статью 232 Уголовного кодекса Российской Федерации»16 в ст. 232 УК РФ были внесены изменения в наименовании статьи, появилось дополнение «предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов» то есть расширилась конструкция состава. Так же появилось примечание, к статье дающее разъяснение понятия систематичности, используемое в ст. 232 УК РФ.

Таким образом, история появления уголовной ответственности за организацию притонов для потребления наркотических средств является отражением широкой социальной и правовой борьбы с наркоманией и незаконным оборотом наркотиков. Этот процесс начался в начале XX века, когда общество начало осознавать масштабы проблемы, связанной с наркотиками, и её разрушительное воздействие на людей и общество в целом.

Введение уголовной ответственности за организацию притонов стало важным шагом в борьбе с наркопреступностью, предоставляя правоохранительным органам инструменты для противодействия и пресечения деятельности, способствующей распространению наркотиков. На разных этапах развития законодательства данный вопрос обсуждался с учетом изменений в общественном сознании, научных исследованиях и международной практике.

Изучение истории уголовной ответственности за организацию притонов для потребления наркотических средств не только помогает понять правовые и социальные аспекты проблемы, но и служит основой для разработки более эффективных мер по предотвращению наркомании и защите здоровья населения. Это подчеркивает необхо-

димость дальнейшего анализа и адаптации законодательства к современным вызовам, связанным с распространением наркотических средств.

Список цитируемой литературы:

1. Д. А. Кол. Уголовно-правовая характеристика организации либо содержания притонов либо систематического предоставления помещений для потребления наркотических средст, психотропных веществ или их аналогов (ст.232 УК РФ): специальность 40.04.01 «Юриспруденция»: диссертация на соискание степени магистра / Д. А. Кол ; Национальный Исследовательский Томский Государственный Университет. – Томск, 2017. – 92 с. – Библиогр.: с. 93–102. – Текст : непосредственный.

2. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ] // Российская газета. – 1993. – 25 дек. – Текст : непосредственный.

3. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : [ред. от 21 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – Текст : непосредственный

Зубкова К. М., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Соловьева В. В., д-р истор наук, профессор

ОБЩАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОШЕННИЧЕСТВА, СВЯЗАННОГО С ОКАЗАНИЕМ УСЛУГ ОККУЛЬТНОГО И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Аннотация

Мошенничество, связанное с оказанием услуг оккультного и психологического характера, представляет собой сложное и многогранное преступление, затрагивающее как имущественные, так и моральные аспекты жизни потерпевших. Борьба с этим явлением требует комплексного подхода, включающего просветительскую работу, усиление контроля и ужесточение наказания для преступников.

Ключевые слова: мошенничество, связанное с оказанием услуг оккультного и психологического характера, личностные факторы жертвы, социальные и экономические условия, психологические манипуляции

Криминологическая характеристика преступлений, связанных с мошенничеством путем оказания услуг оккультного и психологического характера, отличается рядом специфических признаков, определяющих особенности этой категории противоправных деяний.

Объектом посягательства является имущество пострадавших граждан, представленное денежными средствами или иными материальными ценностями, которыми преступники завладевают незаконным способом. Эти деяния осуществляются под прикрытием предоставления различного рода услуг мистического содержания, таких как проведение магических ритуалов, снятие порчи, очищение кармы, целительство через паранормальные практики, пророчества, гадание, оказание сомнительного психологического консультирования и другие аналогичные действия.

Субъектами, совершающими такие преступления, являются граждане, достигшие установленного законом возраста наступления уголовной ответственности (в большинстве случаев это возраст 16 лет). Преступники обладают особыми личностными качествами и навыками, позволяющими эффективно вводить жертву в заблуждение относительно реальности предоставляемых ими услуг. Часто они представляют себя знахарями, колдунами, экстрасенсами, ясновидящими, астрологами, биоэнерготерапевтами, психологами-парапсихологами и прочими лицами, имеющими якобы особые способности влиять на

судьбу человека, состояние его здоровья или благополучия. В своей практике преступники активно используют знания психологии манипуляции сознанием и техники внушения.

Предметом данного вида преступления служит имущество пострадавшей стороны, главным образом денежные средства, ценные вещи или иное движимое имущество, передаваемые жертве под воздействием обманных действий преступников. Люди добровольно передают свое имущество мошенникам, находясь под влиянием ложных обещаний улучшения ситуации в личной жизни, излечении заболеваний, улучшении материального положения, снятии негативных воздействий («порча», «сглаз») и прочих вымышленных обстоятельств [1, с. 61].

Основной движущей силой указанных видов преступлений является алчность, желание быстро и легко получить доход, используя легковерность жертв и манипулируя общественными предрассудками и страхами. Применяя приемы психологического давления, навязывая псевдонаучные объяснения и апеллируя к традиционным народным верованиям, преступники эксплуатируют человеческие чувства тревоги, отчаяния, стремления найти выход из сложной жизненной ситуации или облегчить страдания.

Преступления такого типа наиболее распространены среди определенных социальных слоев населения, характеризующихся повышенной уязвимостью. Это преимущественно пожилые люди, одинокие пенсионеры, люди с невысоким образовательным уровнем, находящиеся в стрессовых ситуациях, переживающие личные трагедии, утратившие близких членов семьи, испытывающие трудности со здоровьем или попавшие в трудные жизненные обстоятельства. Такие группы легче становятся объектами манипуляций мошенников, поскольку склонны верить во внематериальные способы решения своих проблем.

Для достижения целей мошенники применяют следующие основные схемы:

А) Псевдоэкзорцизм, который заключается в проведении фиктивных ритуалов очищения энергетики, снятия негатива, удаления проклятия, защиты от дурного глаза и подобного. Псевдоэкзорцизм – это одна из распространённых форм преступных деяний, где доверчивых людей вводят в заблуждение путём утверждения наличия демонических влияний либо иных негативных факторов, угрожающих благополучию человека. Подобные действия основаны на умышленном создании атмосферы страха и напряжения, заставляя жертву искать защиту и избавление от мнимых угроз через определённые процедуры и ритуалы, осуществляемые мошенниками.

Термин «псевдоэкзорцизм» обозначает незаконное использование мистических и оккультных методов для получения материальной вы-

годы путем убеждения клиентов в необходимости проведения специфических обрядов или сеансов, призванных устранить вымышленные негативные силы. Эти псевдорелигиозные деятели часто выдают себя за священников, целителей или знахарей, предлагая услуги по снятию проклятия, сглаза или иной формы «негатива» [2, с. 27].

Основные признаки такого мошенничества включают следующие аспекты:

- уверенное утверждение организатора о существовании сильного негативного влияния (демонов, сущностей, заклинаний), оказывающего неблагоприятное воздействие на физическое здоровье, психику или судьбу клиента;

- сознательное формирование чувства тревоги и беспокойства у жертвы относительно её текущего положения дел, убеждение в серьёзности угрозы и невозможности справиться самостоятельно;

- проведение масштабных платных церемоний, во время которых используются атрибуты религиозной принадлежности (святая вода, свечи, иконы, молитвы), эзотерики (талисманы, амулеты, травяные настои), нередко сопровождающиеся внушением человеку ложных ощущений улучшения после участия в мероприятии;

- требование значительных денежных выплат за предполагаемое исцеление или улучшение жизненных обстоятельств, причём стоимость зависит исключительно от степени убедительности рассказанных исполнителем историй о силе негатива и эффективности предлагаемых мер.

Среди наиболее популярных видов данного вида мошенничества выделяются несколько типичных сценариев:

1. Снятие порчи или сглаза. Исполнители уверяют потенциальную жертву в наличии тяжёлого негативного воздействия («порча»), мешающего нормальному течению жизни, личной удаче, здоровью или успеху в делах. Под видом исцеления клиенту навязывается ряд дорогостоящих процедур, которые могут длиться месяцы и даже годы, принося огромные прибыли исполнительнице/исполнителю, тогда как реального эффекта человек не получает.

2. Продажа магических предметов. Мошенники продают различные предметы, позиционируемые как обладающие защитными свойствами против сверхъестественных сил. Среди таких вещей встречаются дорогие иконы, крестики, четки, кольца, браслеты, статуэтки святых, амулеты и прочие артефакты, изготовленные кустарным способом или приобретённые недорого оптом, но продаваемые по высокой цене. Часто клиенты покупают эти изделия неоднократно, надеясь обрести реальную защиту.

3. Очищение жилья. Подобная схема предполагает приглашение специалиста на дом для диагностики и очистки помещения от скопив-

шейся негативной энергетики. Человеку сообщают, что жилище поражено мощной негативной энергией, способной нанести серьезный ущерб всей семье. В результате проводится сложный обряд, включающий раскладывание свечей, распивание святой воды, чтение молитв, которые якобы нейтрализуют вредоносные потоки. Цена такой услуги высока, хотя никаких реальных изменений не происходит.

Последствиями и рисками для пострадавшего лица могут стать:

- финансовые убытки вследствие многократных покупок бесполезных продуктов и оплат сомнительных услуг;

- психологическое истощение и ухудшение здоровья в связи с постоянным чувством тревожности и стресса;

- нарушение семейных отношений и социальной адаптации из-за вовлеченности членов семьи в процесс, недоверия окружающих и подозрительного отношения общества;

- утрата доверия к официальной медицине и отказ от квалифицированной помощи, предпочитая обращение к шарлатанам и самозванцам.

Помимо указанных рисков существует опасность нарушения закона, так как некоторые виды псевдоэкзорцизма связаны с продвижением запрещенных сектантских учений, пропагандой радикально-религиозных взглядов и деятельностью организаций, признанных судом экстремистскими.

Таким образом, важно повышать осведомленность населения о рисках попадания в ловушку мошенников, действующих под маской экзорцистов и представителей паранормальной сферы. Правовая защита, повышение уровня знаний о природе подобных явлений и укрепление критического мышления помогут предотвратить массовые случаи злоупотреблений и снизить количество пострадавших.

Б) Ложные прогнозы будущего, когда преступник предлагает клиенту подробное описание предстоящих событий, выдавая случайные предположения за точные пророчества. Это один из наиболее распространённых видов мошенничества, связанных с деятельностью специалистов по оказанию оккультных и психологических услуг, – предоставление клиентам недостоверной информации относительно будущего. Мошенники часто делают голословные предположения, выдавая их за точные пророчества и демонстрировав подлинную интуицию. Подобный способ широко применяется лицами, желающими заработать на чувствах тревоги, неуверенности и стремлении людей узнать подробности предстоящих перемен собственной судьбы.

Процесс осуществляется следующим образом:

1. Привлечение внимания. Жертва заманивается рекламой или через личное знакомство с псевдоспециалистом.

2.Диагностика потребностей. Мошенник собирает предварительные сведения о характере, ситуации, образе жизни и потребностях жертвы, зачастую задавая уточняющие вопросы или используя техники активного слушания.

3. Предложение сценариев развития событий. Клиенту предоставляются различные варианты дальнейшего хода событий, основываясь на случайных совпадениях или поверхностных догадках (например, общие описания типа «у вас скоро произойдут значительные перемены», «в вашей жизни появится новый человек»). Подобные утверждения сформулированы таким образом, чтобы создать иллюзию компетентности специалиста и убедить жертву в способности реально заглянуть в её будущее. Пример подобного взаимодействия выглядит так: клиент приходит к целителю или гадателю с вопросом о собственном будущем. Целитель просит указать день рождения, место проживания и сферу деятельности клиента, после чего уверенно заявляет: «Вас ждут серьёзные изменения в профессиональной сфере, готовьтесь к ним».

Это создаёт у человека чувство уникальности обращения и ощущение точного знания специалистом дальнейших событий. Однако фактически такие рекомендации основаны лишь на простых наблюдениях о типичных изменениях в жизни большинства людей («работа меняется», «отношения развиваются»), что делает подобные заявления одинаково применимыми почти к каждому человеку.

Метод распространения фальшивых прогнозов таит ряд существенных угроз:

- финансовая опасность: клиенты теряют деньги, оплачивая услуги, которые не имеют реальной ценности и результата;

- эмоциональные проблемы**:** ожидание грядущих перемен вызывает беспокойство, стресс и тревогу, особенно когда обещанное событие либо не происходит вовсе, либо не соответствует заявленному ранее результату;

- нарушения законодательства**:** распространение подобной информации нарушает нормы законов о защите прав потребителей и требования честной рекламы, так как изначально вводит людей в заблуждение.

- формирование психологической зависимости: постоянное обращение к подобным услугам снижает уровень ответственности личности за собственную жизнь, формирует зависимость от советов извне и уменьшает способность самостоятельно принимать решения.

В) Фиктивные процедуры лечения, включающие энергетическое воздействие, применение «целебных амулетов», употребление волшебных эликсиров и другие схожие подходы. Одной из наиболее опасных форм мошенничества, связанных с оказанием оккультных и психологических услуг населению, являются фальшивые методы лечения, целью

которых является извлечение выгоды от людей, остро нуждающихся в профессиональной медицинской помощи. Такие схемы часто маскируются под мистические практики и якобы чудодейственные способы исцеления, однако они основаны исключительно на доверии и слабости человека, попавшего в сложную жизненную ситуацию.

Фиктивное лечение проявляется в различных формах, среди которых стоит выделить следующие категории:

1. Энергетическая терапия. Этот подход основан на утверждении существования особого вида энергии или биологического поля, которое влияет на здоровье и самочувствие пациента. Мошенники утверждают, что манипулируя этой энергией, можно вылечить заболевания или улучшить общее состояние организма. К таким методикам относятся:

- исцеление руками (например, техника Reiki), где предполагается передача положительной энергии через прикосновения или мысленные усилия;
- лечение методами Цигун, включающее дыхательные упражнения и медитацию, обещающие восстановление энергетического баланса тела;
- использование магнитотерапии, когда применяются магнитные поля для стимуляции заживления тканей и снятия болевых ощущений;
- различные виды психоэнергетики, предполагающие воздействие мысли и намерений на внутренние органы и системы организма.

Несмотря на наличие большого числа сторонников и положительные отзывы отдельных пользователей, научные исследования до сих пор не подтвердили эффективность большинства этих техник. Многие специалисты указывают на субъективное восприятие результатов и фактическое отсутствие объективных изменений после проведения подобных процедур.

Самостоятельное применение методик энергетической терапии без предварительного согласования с врачом может нанести серьёзный ущерб здоровью, особенно если человек откладывает обращение к специалистам традиционной медицины, надеясь на помощь псевдонаучных подходов.

2. Магические амулеты и талисманы. Другим популярным инструментом мошенников выступают разнообразные магические изделия, называемые амулетами или талисманами. Эти объекты рекламируются как обладающие особыми целебными свойствами, способствующие восстановлению здоровья, повышению иммунитета или излечению конкретных болезней. В действительности, подобные предметы чаще всего изготовлены из недорогих материалов и лишены каких-либо реальных медицинских свойств.

Распространённым примером такого обмана служит продажа драгоценных камней, металлических украшений или деревянных фигурок, снабжённых символическими изображениями, призванными оказывать положительное влияние на организм владельца. Например, человеку могут предложить приобрести браслет из натурального камня, который, согласно утверждениям продавца, способен снизить артериальное давление или улучшить работу сердца. Реально же такой аксессуар не обладает ни одним подтвержденным медицинским действием.

Часто стоимость подобного предмета завышена искусственно, что дополнительно усиливает материальные потери пострадавшего потребителя.

3. Чудесные эликсиры и панацеи. Не менее распространены случаи распространения особых напитков или пищевых добавок, называемых «чудесными эликсирами». Продавцы убеждают покупателей в уникальности состава и способности продукта лечить самые разные болезни – от простуды до онкологических заболеваний. Эликсиры зачастую состоят из воды, травяных настоев, натуральных соков или простых витаминов, представленных в привлекательной упаковке.

Некоторые знаменитые примеры псевдоцелительных продуктов включают препараты вроде «эликсира вечной молодости», «волшебного чая от всех болезней» или специальных порошков, предлагаемых для улучшения работы мозга и памяти. Подобные продукты редко проходят проверку компетентных органов здравоохранения и не имеют достаточных клинических испытаний, подтверждающих заявленную пользу.

Однако высокий спрос на подобные товары обусловлен стремлением людей найти простое решение сложных проблем, связанное с недоверием официальной медицине или отсутствием желаемого результата от традиционных методов лечения.

Использование ложных методов лечения представляет серьезную угрозу здоровью населения, создавая иллюзию выздоровления и отвлекая внимание пациентов от своевременного обращения к врачам. Регулярная практика фейковых способов диагностики и терапии может повлечь ухудшение физического состояния больного, финансовые убытки и потерю доверия к реальной медицине.

Чтобы избежать негативных последствий, важно соблюдать предельную осторожность при поиске новых путей оздоровления, проконсультироваться с опытными врачами и проводить тщательную проверку достоверности любых утверждений относительно чудесных лекарств и приборов. Только разумный подход позволит защитить себя и близких от опасностей шарлатанства и сохранить здоровье и финансы.

Г) Имитация диагностики состояния здоровья или индивидуальных характеристик клиента методами, далекими от научной обосно-

ванности, но создающими впечатление глубокого понимания человеческой природы. Данный вид мошенничества характеризуется созданием видимости глубокой диагностики состояния здоровья или личностных качеств человека посредством использования ненаучных методов, замаскированных под надежные и проверенные медицинские технологии. Мошенники часто применяют различные тесты, анализы почерка (графология), исследования фотографий глаз, изучение особенностей лица (физиогномика) и другие методики, которые официальной наукой признаны псевдонауками – методами, лишенными научной обоснованности и доказательной базы.

Основной принцип работы этой схемы заключается в создании у жертвы ложного впечатления авторитетности и достоверности представляемых результатов обследования. Например, псевдоэксперт может уверять, что может диагностировать скрытую болезнь, оценивая форму носа или линий на ладони пациента, ссылаясь на древние восточные знания либо западные традиционные подходы. Такая информация выглядит соблазнительно для людей, стремящихся получить быстрый и простой способ определения заболеваний или личных характеристик, особенно среди тех, кто чувствует себя одиноким, игнорируется системой здравоохранения или уже давно борется с проблемами здоровья. Представим следующую ситуацию: пациент обращается к специалисту, утверждающему, что способен поставить медицинский диагноз путем простого осмотра фото глаза. Эксперт внимательно изучает изображение и объявляет, что замечает отклонения в структуре радужной оболочки, указывающие на наличие нарушений функций пищеварительного тракта. Затем клиенту предлагается дорогостоящий лечебный курс, включающий специфическое питание и использование сомнительных препаратов. Несмотря на кажущуюся научную основу, данная методика совершенно бездоказательна и зачастую носит крайне обобщенный характер, подходя почти любому человеку независимо от реального состояния организма [3, с. 28].

Использование таких методик помимо финансовых потерь чревато серьезными негативными последствиями для потребителей, например:

- психологический стресс. Возникновение тревожности и беспокойства относительно якобы обнаруженных болезней, хотя никаких объективных признаков заболеваний не существует;

- отсрочка медицинской помощи. Замена квалифицированной врачебной консультации альтернативными практиками ведет к упущению возможности вовремя обратиться к специалистам традиционной медицины.

- ухудшение самочувствия. Из-за неверного диагноза и неправильно подобранного лечения возможны осложнения имеющихся заболеваний и ухудшение общего состояния здоровья.

Эти методики позволяют создать атмосферу доверия между преступником и жертвой, после чего осуществляется передача денег или ценностей в обмен на услугу, фактически не существующую.

Рассматриваемый вид преступлений оказывает значительное негативное влияние на общество. Жертвы испытывают морально-психологический дискомфорт, разочарование и чувство унижения вследствие обмана. Их доверие к профессиональным услугам специалистов медицинского профиля или квалифицированных психологов существенно снижается. Наряду с этим подобные преступления укрепляют иррационализм и распространение суеверий, способствуя формированию неверных представлений о возможностях науки и рациональных способов преодоления жизненных трудностей.

Таким образом, мошенничество путем оказания услуг оккультного и психологического характера представляет собой особое явление криминальной среды, проявляющееся в форме кражи имущества, осуществлённой благодаря злоупотреблению эмоциональностью и наивностью граждан, поверивших в силу магических или сомнительных психологических практик.

Список цитируемой литературы:

1. О возможности правового регулирования деятельности по оказанию оккультных услуг / А. Э. Жалинский. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2006. – № 11. – С. 60-64.

2. Нугаева, Э. Д. Особенности расследования мошенничества при оказании оккультных услуг : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.12 / Нугаева Эльвира Дамировна ; [Место защиты: Рост. юрид. ин-т МВД РФ]. – Ростов-на-Дону, 2018. – 28 с.

3. Салаев, З. Р. Мошенничество, связанное с оказанием услуг оккультного и психологического характера : уголовно-правовое и криминологическое исследование : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Салаев Заур Ровшанович ; [Место защиты: ФГКУ «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»]. – Москва, 2022. – 30 с.

Зуенко Д.М., студент
Крымский юридический институт (филиал)
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»,
г. Симферополь
Научный руководитель – Комарова Е.А., канд. юрид. наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация

В статье рассматриваются особенности предварительного расследования по уголовным делам, возбужденным в отношении несовершеннолетних лиц. Автором отмечается, что подростковая преступность в современной России остаётся одной из наиболее актуальных и юридически сложных сфер уголовного судопроизводства. На основе положений главы 50 УПК РФ, а также анализа действующей статистики, нормативной базы и судебной практики, автором исследуются ключевые элементы регулирования – участие защитника, законного представителя, педагога или психолога, особенности мер пресечения, сроки давности. Автором также подчеркиваются проблемные точки, связанные с правоприменением и процессуальными гарантиями, в том числе в контексте допустимости доказательств.

Ключевые слова: несовершеннолетние; предварительное расследование; уголовное судопроизводство; глава 50 УПК РФ; допрос несовершеннолетних; уголовная ответственность несовершеннолетних.

В условиях постоянной гуманизации уголовного судопроизводства и акцентированного внимания государства к охране прав несовершеннолетних, особую актуальность приобретает исследование непосредственно самого института предварительного расследования по уголовным делам, возбужденным в отношении данной категории лиц. Несомненно, подростковая преступность, как правило, имеет выраженную социальную обусловленность, характеризуется высокой степенью латентности, а также требует применения специальных средств и методов уголовно-процессуального регулирования.

Согласно части 1 статьи 87 Уголовного кодекса Российской Федерации: «несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет» [1].

Статистика МВД России показывает, что в 2023 году в Российской Федерации было зарегистрировано около 1490 преступлений, совершенных подросткам, что почти на 4% меньше по сравнению с аналогичным периодом 2022 года. Положительные сдвиги наблюдаются в 58 субъектах

федерации, в то время как в 27 регионах зафиксирован рост преступной активности. В 2024 году правонарушения были совершены более чем 21 тысячей подростков, что на 6% меньше, чем в предыдущем году. Из них, как указано в статистических данных МВД России, 4 тысячи несовершеннолетних уже имели криминальный опыт, а 1,5 тысячи подростков на момент совершения деяний имели судимость. В производстве Следственного комитета РФ, как отмечал А.И. Бастрыкин, находилось 17,5 тыс. дел по преступлениям, совершённым несовершеннолетними, из которых более 7,5 тыс. были переданы в суд. По мнению автора, вышеуказанная статистика позволяет сделать обоснованный вывод, что отмечается снижение уровня подростковой преступности, что, с одной стороны, может свидетельствовать о стабилизации криминогенной обстановки в стране, а с другой, об эффективности мер превентивного характера со стороны различных правоохранительных и контролирующих органов.

Так, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ), а именно в главе 50, регламентирован специальный, отдельный порядок расследования и рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых. Указанная глава устанавливает обстоятельства, подлежащие доказыванию с учётом возраста лица, не достигшего совершеннолетнего возраста, применение альтернативных мер уголовно-правового воздействия, особенности избрания мер пресечения, а также условия освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Не менее важным аспектом при производстве предварительного расследования по делам данной категории, является императивно установленное обязательное участие защитника, независимо от воли несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, а также его законных представителей в соответствии со ст. ст. 50, 51, 426 УПК РФ. По нашему мнению, данная норма направлена на обеспечение дополнительных гарантий защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего, который в силу возраста и уровня психического и физического развития в полной мере не способен оценить последствия своих решений в рамках уголовного судопроизводства.

Также, особенностью является ограниченный перечень мер пресечения. Законодатель прямо предусмотрел определенный круг мер, которые могут быть назначены несовершеннолетнему подозреваемому или обвиняемому в статье 423 УПК РФ: подписка о невыезде и надлежащем поведении, личное поручительство, присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым, залог, домашний арест, заключение под стражу. Таким образом, несовершеннолетнему гарантируется применение лишь таких мер пресечения, которые в наименьшей степени могут повлиять на его дальнейшую социализацию и развитие.

Как отмечает И.А. Даниленко: «должностные лица, осуществляющие расследование, процессуальным путем должны не только установить данные о месте проживания и воспитания подозреваемого, обвиняемого, но также, в каких условиях он проживает, созданы ли старшими по возрасту лицами все необходимые правила для учебы, имеется ли у него одежда по сезону и даже осуществляется ли за ним надлежащий уход». Так, данное условие свидетельствует о комплексном подходе к оценке самой личности несовершеннолетнего и обстоятельств, повлиявших на его противоправную деятельность.

Более того, акцентируем, что в отношении несовершеннолетних действует особый режим исчисления сроков давности привлечения к уголовной ответственности в отношении несовершеннолетних. Как отмечает А.В. Мордвинов, такие сроки в два раза короче, чем установленные для совершеннолетних лиц, и с одной стороны, действующее уголовно-процессуальное законодательство предоставляет несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым расширенные гарантии, а с другой стороны, большинство преступлений, совершённых подростками, имеют групповую форму, а это, в свою очередь, усложняет процесс доказывания и требует дополнительных следственных действий, что также увеличивает длительность досудебного производства. В то же время, необходимо подчеркнуть, что сокращённые сроки давности создают угрозу непривлечения к ответственности лиц, совершивших противоправные деяния, что может непосредственно негативно сказаться на реализации прав потерпевших.

Процедура допроса несовершеннолетнего, регламентированная нормами УПК РФ, имеет специфические условия, в частности, если лицо не достигло возраста шестнадцати лет, присутствие педагога либо психолога является обязательным в соответствии со статьей 191 УПК РФ. А.А. Теппеев указывает, что данная норма по своей сущности п сохраняет силу и в тех случаях, когда подросток формально достиг указанного возраста, но демонстрирует отставание в интеллектуальном или эмоциональном развитии, либо имеет диагностированные психические расстройства. Полагаем, что игнорирование данных условий может повлечь признание полученных в ходе допроса показаний недопустимыми доказательствами.

Например, в апелляционном определении по делу Лихушко В.Н. рассматривался вопрос допустимости показаний несовершеннолетнего свидетеля К., страдающего от психического отставания, допрошенного без участия специалиста – педагога или психолога. В жалобе защиты было указано, что нарушение порядка допроса несовершеннолетнего делает его показания недопустимыми доказательствами, что должно было повлечь исключение этих данных из доказательственной базы. Суд, про-

анализировав доводы защиты, признал, что допрос был проведён в отсутствие специалиста, что противоречит требованиям УПК РФ [2].

По мнению К.Н. Долудиной, одной из ключевых проблем современного российского уголовного судопроизводства – отсутствие чёткого нормативного регулирования порядка взаимодействия с несовершеннолетними на ранних стадиях уголовного преследования. Автор указывает, что значительная часть нарушений УПК РФ (до 68%) происходит именно при проведении следственных действий с подростками ввиду отсутствия участия педагога или психолога, особенно при проведении следственных действий, отсутствие обеспечения присутствия законных представителей, которые по своей сути оказываются вне процессуального поля, грубыми нарушениями при составлении протоколов: от отсутствия подписей и точного времени проведения до неверного указания представителей и так далее [3, с. 22].

Учитывая вышеизложенное, необходимо отметить, что повышение качества правоприменения и обеспечение реальной защиты несовершеннолетних в рамках уголовного судопроизводства возможно лишь при дальнейшем совершенствовании процессуальных норм, устранении пробелов и конкретизации обязанностей должностных лиц, задействованных в досудебном производстве. Предварительное расследование по уголовным делам, в которых подозреваемыми и обвиняемыми выступают лица, не достигшие совершеннолетия, рассматривается как обособленный правовой механизм в структуре уголовного судопроизводства, основывающийся на особенности личности несовершеннолетнего, индивидуального подхода и приоритетности воспитательного воздействия.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : [ред. от 21 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – Текст : непосредственный.

2. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 года: одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. : [ред. от 21 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921. – Текст : непосредственный.

3. Киреева П. А. Особенности предварительного расследования по делам о преступлениях несовершеннолетних / П. А. Киреева. – Текст : непосредственный // Вестник науки. – 2023. – №5 (62). – С. 21-23.

Каратунова Д.А., студентка
Опрышко М.А., студентка
Кубанский государственный аграрный университет
им. И.Т. Трубилина,
г. Краснодар
Научный руководитель – Лукки Е.В. канд. юр. наук, доцент

РОДИТЕЛЬ КАК СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация

Несовершеннолетние, являясь уязвимой категорией с психологической точки зрения, требуют особого правового регулирования. Особую сложность представляет определение степени ответственности родителей при совершении ими преступных действий (или бездействия) в отношении детей. Цель исследования – анализ действующих правовых норм, регулирующих статус родителя как специального субъекта преступления. На основе полученных данных предложены меры по совершенствованию правового регулирования для устранения существующих пробелов.

Ключевые слова: специальный субъект права, родители, несовершеннолетние, законные представители

Современное уголовное право Российской Федерации уделяет особое внимание защите наиболее уязвимых категорий населения, к которым, безусловно, относятся несовершеннолетние. Особую актуальность приобретают вопросы уголовной ответственности родителей за преступления против собственных детей, поскольку именно родители, будучи законными представителями несовершеннолетних, несут основную ответственность за их жизнь, здоровье и благополучие. Как отмечает Н.В. Автономова «Криминальная ответственность родителей за преступления против несовершеннолетних требует глубокого понимания их роли в жизни ребенка.» [2]

Уголовный кодекс РФ в нескольких статьях специально выделяет родителя как особого субъекта преступления:

1.В качестве основного субъекта (ст. 156 УК РФ – неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего) [1]

2.В качестве квалифицирующего признака (ч. 2 ст. 150, 151 УК РФ – вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность)

3.В качестве привилегированного субъекта (ст. 106 УК РФ – убийство матерью новорожденного ребенка)

Отметим, что очень важен анализ ст. 106 УК РФ, которая предусматривает специальный состав преступления – убийство матерью новорожденного ребенка. Данная норма учитывает особое психофизиоло-

гическое состояние женщины во время и сразу после родов. Т.А. Громова подчеркивает, что «Уголовная ответственность родителей становится особенно актуальной в случаях, когда преступления направлены против их собственных детей» [3, с.51] Однако судебная практика показывает, что применение этой статьи вызывает значительные сложности.

Необходимо выделить следующие проблемы квалификации преступлений: проблемы применения ст. 106 УК РФ. Сложность установления временных границ «состояния после родов». Проблема доказывания особого психического состояния. Вопросы квалификации действий суррогатных матерей.

С.И. Баранов также отмечает: «Преступления против семейных прав детей иногда совершаются именно под воздействием взрослых, что подчеркивает их особую ответственность.»

Противоречия в ст. 151 УК РФ: Дифференциация ответственности за вовлечение в бродяжничество и попрошайничество. Неучет мнения несовершеннолетнего потерпевшего. Проблема «двойного наказания», когда штрафные санкции ухудшают положение ребенка.

Выделим недостатки ст. 156 УК РФ: Несоразмерность санкций тяжести деяния. Отсутствие четких критериев «ненадлежащего исполнения обязанностей». Проблема систематичности противоправных действий

Для наиболее полного понимания выбранной темы важно предложить следующие решения вышеперечисленных проблем:

Для ст. 106 УК РФ:

- Четкое определение временных границ «послеродового периода»
- Разработка медицинских критериев особого психического состояния
- Специальные правила для суррогатного материнства

Для ст. 151 УК РФ:

- Унификация ответственности за бродяжничество и попрошайничество
- Обязательный учет мнения несовершеннолетнего потерпевшего
- Введение градации ответственности в зависимости от возраста ребенка

Для ст. 156 УК РФ:

- Дифференциация санкций в зависимости от тяжести последствий
- Введение квалифицирующих признаков (систематичность, особая жестокость)
- Расширение перечня наказаний (например, запрет на воспитание детей)

Таким образом, совершенствование уголовного законодательства в части ответственности родителей за преступления против несовершенно-

летних требует комплексного подхода, учитывающего как необходимость усиления защиты прав детей, так и принципы гуманизма и справедливости. Особое внимание следует уделить гармонизации российского законодательства с международными стандартами защиты прав ребенка.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : [ред. от 21 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – Текст : непосредственный.

2. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 года: одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. : [ред. от 21 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921. – Текст : непосредственный.

3. Преступления против семейных прав и законных интересов детей / С. И. Баранов. – Текст : непосредственный // Журнал уголовного права. – 2022. – № 2. – С. 45–52.

Ковалева И.С., студент
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»,
г. Краснодар
Научный руководитель – Лукки Е.В., канд. юр. наук, доцент

ФАКУЛЬТАТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ОПРЕДЕЛЕННЫХ СОСТАВОВ

Аннотация

Объективная сторона преступления содержит обязательные признаки, такие как преступное деяние, общественно-опасные последствия и причинная связь между ними, и факультативные признаки. Факультативные признаки объективной стороны находят свое отражение в квалифицированных составах или составах отдельных преступлений и характеризуются тем, что увеличивают общественную опасность деяния. В работе представлены рассмотрение и характеристика времени, места, обстановки, способа, орудий и средств совершения

преступного посягательства с опорой на Особенную часть Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: факультативные признаки, обязательные признаки, общественная опасность, объективная сторона преступления, квалифицированный состав.

Объективная сторона преступления представляет собой один из элементов состава преступления. Его наличие является обязательным для того, чтобы деяние было квалифицировано как преступление и лицо было привлечено к уголовной ответственности.

Объективная сторона преступления – это совершение лицом общественно опасного деяния, которое запрещено Уголовным кодексом Российской Федерации. Она отображает внешнее проявление преступления, характеризуемое изменениями окружающей среды в связи с причинением ей вреда. Сущность объективной стороны и ее значение для уголовного права заключается в фиксации совершения действия или бездействия, содержащего все признаки состава преступления, наличие вреда, причиненного общественным отношениям, охраняемым УК РФ, и взаимосвязи между деянием и его последствиями [1].

Так, в объективной стороне как одном из элементов состава преступления выделяются обязательные и факультативные составляющие. Всего определяется три обязательных компонента: преступное деяние, общественно-опасные последствия и причинно-следственная связь между ними. К факультативным признакам относятся время и место совершения преступления, способ осуществления деяния, окружающая обстановка, используемые орудия и средства. Дополнительные признаки объективной стороны преступления находят свое отражения не во всех составах преступлений. Их сущность определяется тем, что они имеют юридическое значение только в определенных преступлениях и позволяют отграничивать одно общественно-опасное деяние от другого. Все факультативные признаки уникальны в связи с чем следует рассмотреть каждый из них отдельно.

Итак, временем совершения преступления признается время совершения преступного деяния независимо от времени наступления общественно-опасных последствий. Данное понятие является общим и, как правило, имеет значения для определения распространения юридической силы Уголовного кодекса РФ на то или иное деяние, а также для исчисления срока исковой давности для привлечения к уголовной ответственности. Однако, время как факультативный признак объективной стороны характеризует определенный промежуток (день, месяц, год или жизненный период), в который было совершено преступление. Конкретные временные рамки могут определять составы

преступлений, предусмотренные статьями 107, 116.1, 158.1, 201, 201.1, 297 и 345 УК РФ.

Время совершения преступления согласно п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ входит в один из предметов, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, в связи с чем имеет значение установления и часов, и минут, и секунд совершения деяния в определенных случаях [1].

Так, например, самовольное оставление части или места службы, предусмотренное ст. 337 УК РФ, возможно совершить в исключительно военное время, во время службы. В том числе в данном составе преступления имеет значение срок оставления военной части. Увеличение времени совершения длящегося преступления прямо пропорционально ужесточению как вида, так и размера наказания.

Место совершения преступления – пространство, в пределах которого было совершено деяние и наступили общественно-опасные последствия. Данный признак служит обязательным элементом таких составов как 214, 252, 256 и 260 УК РФ. А также может являться квалифицирующим признаком деяния, усиливающим его общественную опасность, как, например, загрязнение вод, совершенное на территории заповедника или заказника либо в зоне экологического бедствия или чрезвычайной экологической ситуации – ч. 2 ст. 250 УК РФ.

Место преступления можно рассматривать в нескольких аспектах: как географические границы, такие как континентальный шельф, исключительная экономическая зона (ст. 253 УК РФ), внутренние воды (ст. 250 УК РФ), как определенная территория, место, например жилище (ст. 139 УК РФ) или место лишения свободы (ст. 313 УК РФ).

Обстановка как факультативный признак объективной стороны отражает общее состояние окружающей среды, при которой совершено преступление. Подразумевается наличие определенных объективных обстоятельств и условий, наличие которых увеличивает общественную опасность деяния.

Так, например, состав преступления, в котором имеет юридическое значение обстановка, предусмотрен статьей 106 УК РФ. Под убийством матерью новорожденного ребенка понимается такое убийство, совершенное в условиях психотравмирующей ситуации. Признается, что общее состояние женщины после родов характеризуется напряжением как в объективном, так и субъективном смысле, в связи с чем данные обстоятельства имеют значение при квалификации преступления.

В том числе законодатель предусмотрел в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, совершение преступления в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного

опасного бедствия, в период мобилизации или военного положения, конфликта, а также при массовых беспорядках, что предусмотрено п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Это объясняется тем, что обстановка всеобщего потрясения не только повышает степень опасности совершенного деяния, но и активно влияет на усугубление положения.

Под способом совершения преступления понимается совокупность приемов и методов осуществления деяния. Способ является формой внешнего проявления деяния, отражает подход для реализации противоправного намерения и цели.

Способ совершения деяние избирается самим лицом, его осуществляющим. От его выбора будет зависеть тяжесть преступного деяния и возможные отягчающие обстоятельства. Так, например, такое деяние как хищение может выражаться в различных формах в зависимости от способа осуществления: грабеж, кража, разбой, присвоение и растрата, мошенничество.

Способ совершения преступления может иметь разные проявления: использование угроз, шантажа, насилия или обмана при осуществлении действий, включение в документы заведомо ложных сведений, злоупотребление должностными полномочиями.

Способ имеет большое значение при квалификации преступлений и предусмотрен как в Общей, так и в Особенной частях Уголовного кодекса. Статья 63 УК РФ закрепляет такие способы как обстоятельства, отягчающие наказание: совершение преступления с особой жестокостью, садизмом, издевательством и мучениями для потерпевшего, использование доверия, оказанного потерпевшим ввиду договора или служебного положения виновного, использование форменной одежды или документов представителей власти.

Составы Особенной части Уголовного кодекса также содержат способ как квалифицирующий элемент состава: ст. 116, 117, 132, 133, 170.1, 172.1, 201.1 и т.п. в том числе насилие и угрозы могут определять квалифицированный состав преступления – п. «г» ч. 1 ст. 230 склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов с применением или угрозой применения насилия.

Еще одним факультативным признаком объективной стороны преступления является орудие. Под ним понимается оружие и предметы, использованные в качестве такового, а также транспортные средства, которые могут быть применены в совершении деяния как средство передвижения, на котором исполнитель добрался до места совершения и уехал с него, средства, с помощью которых были вывезены предметы, добытые преступным путем или средства передвижения, иным образом задействованные в преступлении. Пункт «к» ч. 1 ст. 63

УК РФ предусматривает использование оружия, боевых припасов и иных средств в качестве отягчающего обстоятельства [2].

Необходимо отметить, что действующий Уголовный закон рассматривает оружие в нескольких значениях. Во-первых, в качестве предмета преступления, то есть вещи материального мира, в отношении которой совершено посягательство. Так, например, это отражено в статьях 222.2, 222.3, 223, 223.1, 224, 225 УК РФ. Во-вторых, оружие может выступать в качестве орудия совершения преступного посягательства. Например, убийство с использованием охотничьего ножа, молотка, пистолета или таких бытовых предметов как кухонный нож или молоток.

Орудие преступления представляет собой совокупность вещей, предметов, с помощью которых усиливается физическое воздействие на предмет покушения. При использовании орудия последствия деяния наступают за наименьший промежуток времени или увеличивается размер ущерба.

Схожим, но не тождественным признаком являются средства совершения преступления. Они представляют собой предметы и вещества, с помощью которых оказывается воздействие на охраняемые Уголовным законом отношения. Основным отличием между данными понятиями является характер их использования: орудие используется для непосредственного совершения преступления, а средства способствуют, облегчают достижение преступного результата. Так, например, Ляпунов Ю.Г. считает, что термин «орудие преступления» наиболее характерен при квалификации насильственных преступлений, в то время как термин «средство совершения преступления» применимо к ненасильственным преступлениям.

Важным фактом является возможное сочетание нескольких факультативных признаков в одном составе преступления. В частности, может быть совершено убийство начальника с использованием дубинки путем нанесения многочисленных ушибов, рассечения черепа, совершенное в условиях военного положения и нахождения в военной части. В данном случае имеет место повышение степени общественной опасности ввиду действующего военного положения. Также будут учтены обстоятельства, предусмотренные пунктами «к» и «л», как отягчающие наказание.

Подробное рассмотрение факультативных признаков объективной стороны преступления позволяет отметить, что их наличие в определенных составах преступления является обязательным и всегда учитывается при квалификации деяния. Факультативные признаки в Уголовном кодексе рассматриваются также в нескольких значениях: как

отягчающие обстоятельства, учитываемые судом при назначении наказания, и как обязательные признаки определенных составов [3].

В целом, факультативные признаки объективной стороны имеют большое значение как для теории Уголовного права, так и для практики. Они выступают основанием разграничения преступного и непреступного поведения, а также смежных составов между собой. Конструирование отдельных составов с учетом дополнительных обстоятельств и признаков характеризует высокую степень их общественной опасности и негативного влияния на всю совокупность общественных отношений.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ] // Российская газета. – 1993. – 25 дек. – Текст : непосредственный.

2. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : [ред. от 21 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – Текст : непосредственный.

3. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : [ред. от 21 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – Текст : непосредственный.

Коновалова А. Р., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Климов А.С., канд. юрид. наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОРЯДКА ПОДЧИНЁННОСТИ И УСТАВНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Аннотация

В статье рассматриваются военные преступления, связанные с привлечением к уголовной ответственности за нарушение порядка подчинённости и уставных взаимоотношений.

Ключевые слова: преступления, военнослужащий, подчинённость, начальник (командир), уставные правила.

Несмотря на то, что преступления против порядка подчиненности и уставных взаимоотношений детально регламентированы, в судебной практике возникают трудности квалификации преступлений по ст. 332-336 УК РФ.

Первая проблема связана с определением приказа. Так, возникают сложности и при определении признаков приказа, в качестве ответственности за неисполнение, которого следует уголовная ответственность в соответствии с действующим уголовным законодательством. Современное постановление Пленума Верховного Суда РФ, а также Общевоинские Уставы раскрывают суть приказа исходя из его военного значения, в то время как для квалификации по нормам УК РФ, необходимо определить его уголовно-правовые признаки, а именно признак незаконности приказа и осознания этого факта военнослужащим, которому приказ был отдан.

В тех случаях, когда приказ явно незаконный – ограбить, убить, подложить документы или пр., проблемы квалификации не возникнет, но ППВС РФ «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» подчеркивает, что, если лицо не осознавала незаконность приказа, оно не может быть привлечено к уголовной ответственности. При этом приказа.

Также, возникают проблемы при квалификации неисполнения приказа при наличии квалифицирующих признаков по ч. 2.1 ст. 332 УК РФ. В данном случае военнослужащие находятся в определенных условиях (военное положение, условия вооруженного конфликта, ведение боевых действий, участие в боевых действиях).

Зачастую квалификации таких преступлений совершаются с ошибкой, что выявляется при обжаловании приговоров, как это произошло с приговором Самарского гарнизонного военного суда от 15 ноября 2023 г. по делу № 1-185/2023 [1. с. 26]. В данном случае ошибка произошла в определении наличия или отсутствия квалифицирующих признаков, а именно «условий военного конфликта». Следствие и суд ошибочно посчитали, что проводимая специальная военная операция является основанием.

Следующая проблема касается определения соучастия в совершении воинских преступлений. По общему правилу, в силу особенностей конструкции военных преступлений, соучастником может выступать только специальный субъект – военнослужащий. Например, в кассационном определении Кассационного военного суда от 23 марта 2021 г. № 77-105/2021 [2, с. 38] установлено, что по приговору гарнизонного военного суда военнослужащий И. осужден по п. «а» ч. 2 ст. 334 УК РФ, а Т. осужден по п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ. И. признан виновным в нанесении побоев своему начальнику Ф. совершенном во время исполнения последним обязанностей военной службы, группой лиц, а Т. в нанесении побоев этому же лицу, из хулиганских побуждений. Согласно приговору, действия И. по нанесению побоев своему начальнику, совершенные во время исполнения тем обязанностей военной службы, совместно с Т., расценены как насильственные действия в отношении начальника, совершенные группой лиц и квалифицированы судом первой инстанции по п. «а» ч. 2 ст. 334 УК РФ. Однако с указанной юридической оценкой действий согласиться нельзя.

Поскольку в соответствие с ч. 1 ст. 33 УК РФ субъектом преступления, предусмотренного статьей 334 УК РФ, Т. не является, то его действия, выразившиеся в применении насилия к Ф., не образуют состав соисполнительства в данном преступлении. Поэтому применение насилия к начальнику не может быть расценено как совершенное в составе группы лиц. Данное обстоятельство судами обеих инстанций оставлено без внимания, что привело к неправильному применению закона в части квалификации действий.

Другая проблема касается определения сущности насилия как квалифицирующих признаков преступлений против порядка подчиненности. В объективной стороне таких преступлений, не раскрывается каким должно быть насилие – опасным или не опасным для жизни и здоровья военнослужащего [3].

Таким образом, проблемы квалификации преступлений против порядка подчиненности и уставных правил взаимоотношений связаны со сложностью установления признаков объективной стороны преступления, в частности точного установления времени или мотива ви-

новного, которые ведут к квалификационным ошибкам, а также проблемы установления признаков причинения среднего и тяжкого вреда и установления за это одинаковой уголовной ответственности, совершении преступлений в соучастии и т.д.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : [ред. от 21 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – Текст : непосредственный

2. Приговор Самарского гарнизонного военного суда от 15 ноября 2023 г. по делу № 1-185/2023[Электронный ресурс]. – Официальный сайт справочной правовой системы «Консультант-Плюс». – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 26.04.2024).

3. Кассационное определение Кассационного военного суда от 23 марта 2021 г. № 77-105/2021 [Электронный ресурс]. – Официальный сайт справочной правовой системы «Консультант-Плюс». – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 26.04.2024).

Косолапов А.И., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Климов А.С., канд. юрид. наук, доцент

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПОНЯТИЕ, ЗНАЧЕНИЕ И РОЛЬ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Аннотация

Работа посвящена рассмотрению понятия квалификации преступлений, а также ее непосредственному значению для уголовного права и правоприменительной практики. Автором анализируются доктринальные подходы к определению квалификации, ее место и роль в процессе уголовно-правовой оценки деяния. Особое внимание в работе уделяется значению квалификации в обеспечении законности и справедливости при привлечении к уголовной ответственности, соответственно, верному применению уголовного закона.

Ключевые слова: квалификация преступлений; уголовное право; состав преступления; правоприменительная практика; уголовная ответственность.

Квалификация преступлений является одним из ключевых аспектов уголовного права, который обеспечивает точное соответствие между совершенным деянием и признаками состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации.

От «правильности» квалификации, а точнее от непосредственного анализа фактических обстоятельств дела, верного толкования уголовного закона и, наконец, сопоставления полученных результатов, зависит не только назначение справедливого наказания, но и защита прав личности, что, в соот. со ст. 2 Конституции Российской Федерации является «высшей ценностью» [1]. Кроме того, это способствует непосредственному соблюдению принципов законности и правовой определенности в целом.

Несмотря на кажущуюся «простоту», процесс квалификации каждого конкретного деяния содержит множество теоретических и практических проблем, требующих глубокого научного осмысления. Это, в свою очередь, определяет необходимость исследования основных подходов к пониманию теоретической и юридической природы квалификации преступлений, а также ее значения для современного уголовного права, в частности, в аспекте его совершенствования.

В юридической науке и научно-исследовательской среде под квалификацией преступлений понимается «установление и юридическое закрепление точного соответствия (тождества) между обстоятельствами совершенного лицом деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовным законом» [3, с. 94].

Традиционно выделяют два основных подхода к определению квалификации.

В первую очередь речь идет о «логико-юридическом» подходе. В данном случае квалификация рассматривается как процесс непосредственного сопоставления фактических обстоятельств дела с конкретной уголовно-правовой нормой.

Далее, речь идет о т.н. «правоприменительном» подходе, при котором квалификация понимается как итоговое решение правоприменителя, закрепленное в процессуальных документах.

Квалификация позволяет не только определить, какое конкретно совершено деяние, но и выполняет ряд других функций, в числе которых:

1. «Правовая» – обеспечение правильного применения уголовного закона, что также влияет на единообразный подход в судебной практике;

2. «Криминологическая» – способствование точной статистике преступности, а в дальнейшем, анализу такой статистики для дальнейших исследований, разработки и совершенствования профилактических мер и законодательства;

3. «Гарантийная» – защищает лицо от произвольного привлечения к ответственности, чем соблюдаются принципы Конституции РФ.

Иными словами, правильная квалификация имеет важное значение для уголовного законодательства и правоприменительной практики в целом сразу в нескольких аспектах.

Во-первых, соблюдение правил при квалификации конкретного деяния обеспечивает соблюдение принципа законности, закрепленном в УК РФ. Иными словами, только точное соответствие деяния составу преступления исключает «произвольное» применение уголовного закона [2].

Во-вторых, правильная квалификация позволяет индивидуализировать ответственность каждого виновного лица по причине того, что непосредственно от квалификации зависит вид и размер наказания, а также возможность освобождения от уголовной ответственности.

Наконец, речь идет об аспекте судебной практики. Верная квалификация содеянного позволяет, как уже отмечалось, определить единообразие, и, как следствие, способствует стабильности правоприменения.

Целесообразным предполагается вывод о том, что квалификация преступлений представляет собой сложный процесс, который требующий точного, «идеального» соотнесения фактических обстоятельств дела с признаками состава конкретного преступления. Ошибки на данном этапе могут привести к серьезным нарушениям принципов уголовного права, в частности, включая необоснованное осуждение или, к примеру, наоборот: освобождение виновного от ответственности.

Так, ошибки в установлении объекта преступления могут проявляться в неверном определении основного объекта или в смешении родового и видового объекта.

Ошибки при анализе объективной стороны могут представлять собой неверную оценку последствий преступного деяния, неправильное толкование способа совершения преступления, а также игнорирование обстоятельств места, времени, обстановки.

Анализ признаков субъективной стороны конкретного деяния может выражаться в неправильном определении формы вины, а также ошибочной оценка мотива и определении цели, преследуемой виновным.

Реже встречаются ошибки, допущенные при установлении субъекта преступления. В данном случае наиболее распространенными признаются неверное установление возраста уголовной ответственности и признание лица специальным субъектом.

Иногда встречаются ошибки в оценке стадий совершения преступления, а именно при: квалификации покушения как оконченного

преступления или неправильном разграничении приготовления к преступлению и покушения на совершение деяния.

Традиционно выделяют ошибки в случае конкуренции норм. Правоприменителем случается выбор неправильной нормы (при наличии общей и специальной), а также неверное применение принципа (правила) поглощения менее тяжкого состава более тяжким.

Ошибки при квалификации могут привести нарушению принципа законности, назначению несправедливого наказания, отмене приговора вышестоящими судами, «репутационным» потери для правоохранительной и судебной системы. Отдельным последствием выделяют нарушение принципа «Nullum crimen, nulla poena sine praevia lege poenali» – «никто не может быть наказан за поступок, не запрещенный законом».

Таким образом, ошибки квалификации преступных деяний – важная проблема, требующая повышения профессиональной подготовки юристов, четкого следования методике и правилам квалификации и учета судебной практики.

В заключение, квалификация преступлений – это не только «технико-юридический процесс», но и необходимый гарант соблюдения прав личности.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ] // Российская газета. – 1993. – 25 дек. – Текст : непосредственный.

2. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : [ред. от 21 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – Текст : непосредственный

3. Каранович, М. К. Квалификация преступлений: понятие, особенности и проблемы / М. К. Каранович // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2014. – № 4. – С. 94-99.

Косых В. А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Климов А. С., канд. юрид. наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 210 УК РФ

Аннотация

На протяжении всего периода существования ст. 210 В УК РФ хоть и имеет чёткую регламентацию, однако зачастую и по сей день у правоприменителя возникают некоторые трудности квалификации, выраженные в ряде проблем.

Ключевые слова: преступные сообщества (организации), квалификация, криминальная специализация.

В свете исследуемой данной работой первой проблемы, интересно рассмотреть основные теоретические различия между двумя сходными по структуре, но различными по характеристикам и потенциальным возможностям преступным образованиям. Термины «преступное сообщество» и «преступная организация» на первый взгляд представляют собой идентичные по сфере деятельности, получению прибыли и способам её достижения преступные формирования. Однако, разбираясь в структурах данных преступных формирований можно выделить их сходства и различия.

Что общего у данных преступных образований? Это прежде всего:

1. Цели: достижение максимальной прибыли и получения влияния, которого они добиваются путем преступного давления на коммерческие структуры, запугивания, откровенного бандитизма и использования коррупционных связей в государственных и правоохранительных структурах;

2. Кроме того, данные преступные формирования имеют четко организованную иерархию, руководящий состав данных преступных группировок этого уровня уже является настоящими управленцами, только преступного порядка. Он и способны определить цель, методы её решения, в том числе с использованием коррупционных связей, определить ресурсы для её исполнения, поставить задачу исполнителям из числа преступных группировок и проконтролировать её исполнения;

3. Также обеим структурам характерно наличие структурного крыла преступной группировки, в плане финансовой составляющей. Так называемые «казначеи преступных группировок», существуют в любом более-менее крупном преступном формировании. Часто под

видом вполне легальных бизнесов. В случае с крупными преступными формированиями, существуют даже подконтрольные финансовые организации, на вполне легальном уровне, где работают дипломированные специалисты в сфере финансовой деятельности;

4. Обязательным звеном данных преступных образований является «служба безопасности» преступной группировки, часто исполняющей функции разведки по отношению к конкурентам и правоохранительным органам, а также функции контрразведки, обеспечивающей безопасность внутри группировки от внешнего проникновения членов других преступных группировок и представителей правоохранительных структур, находящихся под прикрытием «преступной легенды». В службе безопасности данных преступных группировок довольно таки систематически появляются квалифицированные кадры из различных правоохранительных и иных силовых государственных структур. Данные специалисты попадают в «кадровые сети» преступных группировок путем шантажа, получения на них компрометирующих материалов, попавшись на взятке либо пройдя через места лишения свободы, за совершение преступления;

5. Главной характеристикой данных преступных формирования является организованная, а не спонтанная деятельность. То есть, за исключением эксцесса исполнителя, практически вся преступная деятельность организованных преступных формирований, подконтрольна руководству преступных сообществ и организаций. Прибыль, полученная от преступной деятельности, распределяется по строго предусмотренному плану, либо по решению руководителей, а не по желанию рядовых членов преступных группировок.

Однако существуют и значительные различия между «преступной организацией» и «преступным сообществом». Трудности при разграничении понятий «организованная группа» и «преступное сообщество (преступная организация)» применительно к деяниям, совершенным в сфере предпринимательской деятельности. Поскольку «преступная организация» в сфере предпринимательской деятельности, создаётся с целью совершения определенных видов преступлений, либо получения преступного дохода от определенной деятельности, например, проституция или контрабанда. Объединение преступных группировок в более крупную по численности, ещё не делает данную группировку сообществом, если не меняются цели данной преступной группировки. Совет преступных группировок, то есть совет руководителей крупных преступных группировок, сам по себе не превращает данные группировки с «преступное сообщество». Данные различия более актуальны для правоохранительных органов, осуществляющих документирование преступной деятельности данных преступных групп на начальном этапе

оперативной разработки. Где необходимо определиться с тем, кто является «мозгом», руководителем данных преступных групп. В том случае, если это один руководитель, правоохранители предпочитают обозначать преступную группу, как «преступную организацию», а если это тандем руководителей, то это уже «преступное сообщество». Хотя, согласно Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.07.2010 г. №12 «…преступное сообщество (преступная организация) может осуществлять свою преступную деятельность либо в форме структурированной организованной группы, либо в форме объединения организованных групп, действующих под единым руководством. При этом закон не устанавливает каких-либо правовых различий между понятиями "преступное сообщество" и "преступная организация».

Ярким отличием «преступного сообщества» является:

1. наличие принципов деятельности данного сообщества, как правило известных каждому члену сообщества, вплоть до рядового преступника, состоящего в данном сообществе;

2. наличие целей данного «преступного сообщества», прежде всего стратегических;

3. наличие не просто руководителей группировок, а строгой иерархической структуры, с преступными должностями и обязанностями;

4. важной характеристикой «преступного сообщества» служат его название символы и преступные девизы. Данные моменты хорошо изучены при исследовании знаменитых азиатских преступных сообществ;

5. кроме того, внутри сообщества поддерживается устойчивость преступной системы и идеологи, своего рода преступная дисциплина.

Проблема вторая связана с документированием деятельности преступного сообщества (преступной организации). Документирование преступной деятельности преступного сообщества или преступной организации (ПС(ПО) далее) в рамках доказывания при расследовании конкретной категории преступлений, равно как и квалификация действий участников данных преступных групп в качестве организаторов и руководителей по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, а в особенности ч.1.1 вышеуказанной статьи, представляет определённую трудность для правоохранительных структур. С этой целью, в правоохранительных органах создаются специализированные подразделения, как в оперативных – по противодействию организованной преступности и коррупции (к примеру, в МВД России это управления и отделы по борьбе с экономическим преступлениями и противодействию коррупции (ОБЭП и ПК), так и в следственных органах (различные подразделения по расследованию организованной преступной

деятельности, либо по расследованию преступлений экономической направленности). Наиболее подробно данный вопрос освещён Е. А. Ефремовой: «…несвоевременность сбора достаточных для принятия процессуального решения сведений при рассмотрении сообщений о преступлениях экономической направленности приводит к вынесению должностными лицами органов предварительного расследования необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела или. наоборот, преждевременного его возбуждения.» [1, с. 154].

Поскольку задокументировать для последующей квалификации преступной деятельности, все факты, свидетельствующие об организованной деятельности, а не отдельном эпизоде преступной деятельности, на момент совершения преступления участниками ПС(ПО) не представляется возможным, то в правоохранительной практике выработана определённая методика документирования и квалификации данного вида преступлений. Для полного и всестороннего расследования, выявления фактов преступной деятельности предотвращения подобных преступлений со стороны ПС(ПО), из оперативных и следственных структур выделяются силы, объединяемые в следственно-оперативные группы (далее СОГ). СОГ имеет централизованное руководство и четко поставленные задачи по реализации материалов, направленных на выявление, пресечение, документирование преступной деятельности конкретной ПС(ПО). Однако, только документирования конкретного эпизоды преступной деятельности ПС(ПО) недостаточно для квалификации по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ. Но, поскольку деятельность любого ПС(ПО) если и не направлена на получения прибыли, то всегда требует затрат на обеспечение деятельности, подготовку к преступлению, средств на закупку оружия, наркотиков или подкуп должностных лиц, то данная деятельность должна финансироваться. Эта методология принципов деятельности ПС(ПО) достаточна исследована, в том числе в Российской Федерации, к примеру А.А. Христюк в своей работе пишет: «Основной целью деятельности организованных преступных формирований является извлечение прибыли и сверхприбыли. Как показывает судебно-следственная практика, в 90% случаев деятельность современных организованных преступных групп имеет корыстную направленность» [2, с. 84].

Таким примером может послужить апелляционное постановление № 22К-860/2023 от 23 ноября 2023 г. по делу № 22К-860/2023 Псковского областного суда [3]. Как мы наблюдаем, изучая судебную практику, документирование преступной деятельности преступных сообществ (преступных организаций), требует внимательного отношения ко всем эпизодам их преступной деятельности, что в свою очередь, влияет на квалификацию.

Третья проблема связана сложностями, связанными с деятельностью участников преступных сообществ (преступных организаций), квалифицируемых по признакам состава преступления, предусмотренных ч. 3 ст. 210 УК РФ, то есть «Деяния, предусмотренные частями первой, первой.1 или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения,».

Согласно Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.07.2010 г. №12 «К лицам, совершившим деяние, предусмотренное частью 1 или частью 2 статьи 210 УК РФ, с использованием своего служебного положения, следует относить как должностных лиц, так и государственных служащих и служащих органов местного самоуправления, не относящихся к числу должностных лиц, а также лиц, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющих организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в коммерческой организации независимо от формы собственности или в некоммерческой организации, не являющейся государственным или муниципальным учреждением… Под использованием своего служебного положения в целях совершения деяний, указанных в части 1 или части 2 статьи 210 УК РФ, следует понимать не только умышленное использование лицом своих служебных полномочий, но и оказание влияния исходя из значимости и авторитета занимаемой им должности на других лиц в целях совершения ими определенных действий, направленных на создание преступного сообщества (преступной организации) и (или) участие в нем (ней)».

Исходя из диспозиции, рассматриваемой ч. 3 с. 210 УК РФ, следует, что отличием от ч. 1 этой же статьи, является характеристика субъекта данного состава преступления. Это спец субъект – должностное или приравненное к нему лицо, исполняющее определенные должностные функции. Однако имеется определённый нюанс в квалификации исследуемой проблемы. Рассмотрим, к примеру, общеизвестную практику использования членами организованных преступных групп формы сотрудников правоохранительных органов, которая ими похищена или приобретена незаконным путём. Совершение указанными лицами преступления по иным составам УК РФ, представившимися должностными лицами в форме правоохранительных органов, не влечёт за собой ответственность по ч. 3 ст. 210 УК РФ. Поскольку главным характеризующим признаком спец субъекта данного состава преступления является обязанность исполнения каких-либо должностных обязанностей, либо замещение обязанностей должностного лица, на законных основаниях. То есть, статус должностного лица, либо лица исполняющего его должностные обязанности, должен быть зафиксирован законным образом в соответствующем законно вынесенном

документе, определяющем его должностные обязанности. Что и будет главным квалифицирующим признаком в данном случае. Второстепенным квалифицирующим признаком, но не последним по тяжести содеянного, будет использование или не использование своего должностного положения, при совершении иных составов преступлений, предусмотренных УК РФ. Примером может послужить Апелляционное постановление № 22К-858/2023 от 23 ноября 2023 г. по делу № 45-44/2023 Псковского областного суда. Данный подсудимый длительное время занимал руководящие должности в правоохранительных органах, поэтому его деяния подлежат квалификации по ч. 3 ст. 210. Таким образом, следует сделать вывод, что главной целью квалификации по ч. 3 ст. 210 УК РФ является определение характеристик субъекта, его статус должностного лица, либо исполняющего обязанности должностного лица, а также должностные полномочия их использование при совершении преступлений.

Анализируя все поставленные в данном исследование проблемы, можно подытожить, что квалификация состава преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ требует значительных и координированных действий от правоохранительных органов, а также определённой стратегии, при документировании деятельности преступных сообществ (преступных организаций. В ходе выработки стратегии фиксации преступной деятельности преступных сообществ (преступных организаций) следует учитывать не только преступную направленность, то есть криминальную специализацию данных преступных групп, но и финансовую составляющую результатов их преступной деятельности, позволяющую закрепить доказательную базу, а также характеристику субъектов данной преступной деятельности, дающую возможность пресекать вовлечение в преступные сообщества (преступные организации) должностных ли, а также лиц исполняющих их обязанности, привлекать в виде отдельного квалифицирующего признака к ответственности за совершенные преступления.

Список цитируемой литературы:

1. Ефремова, Е. А. Организация расследования преступлений экономической направленности / Е. А. Ефремова. – Текст : непосредственный // Академия Следственного комитета Российской Федерации. – Москва, 2014. – 215 с.

2. Христюк, А. А. Понятие и признаки организованной преступности. Организованная преступная деятельность / А. А. Христюк. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – 110 с.

3. Апелляционное постановление Псковского областного суда № 22К-860/2023 от 23 ноября 2023 г. по делу № 22К-860/2023 [Электронный ресурс]. – Официальный сайт базы судебных актов «Судебные и нормативные акты». URL – : https://sudact.ru/ (дата обращения 21.03.2025)

Кривошеина Н. С., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Беденко А.В., доцент

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ УЩЕРБА ПУТЕМ ОБМАНА ИЛИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОВЕРИЕМ

Аннотация

В статье рассматриваются преступления, совершенные с помощью обмана или злоупотребления доверием, их понятия. Способы причинения потерпевшему вреда такими правонарушениями, так же рассматривается разграничение двух статей, а именно 165 и 159 УК РФ (мошенничество).

Ключевые слова: обман, злоупотребление доверием, преступление, собственность, причинение ущерба, наказание.

В современном мире ежегодно совершаются множество различных преступлений в разных сферах нашей жизни. С каждым годом рост преступности увеличивается, способы совершения правонарушений усовершенствуются.

Процент преступлений имущественного характера невелик, но в то же время данный вид правонарушений носит распространённый характер.

Граждане нашей страны имеет право на защиту своих прав и законных интересов. Одним из главных прав является право на защиту собственности от незаконных посягательств.

«Согласно действующему законодательству обман и злоупотребление доверием представляют собой способы совершения имущественных преступлений. Проблемы разграничения данных понятий, мошенничества в различных сферах имущественных отношений, правоприменительной практики на сегодняшний день крайне актуальны» [1, с. 1].

В настоящее время преступления против собственности закреплены в Уголовном Кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ), а

именно в 21 главе. В своей работе я рассмотрю статью 165, которая предусматривает ответственность за преступления, совершенные обманом или злоупотреблением доверием. Состав данной статьи очень схож со статьей 159 УК РФ – мошенничество – только в статье 165 обязательным условием является то, что преступление должно быть совершенно без цели хищения имущества гражданина.

Преступники, используя различные способы обмана и злоупотребления доверием, совершают преступления, а также активно адаптируются к современным технологиям и обновляют свои методы действий, то есть улучшают свои навыки, разрабатывают новые способы совершения правонарушения.

Приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием означает, что преступник, используя обман или злоупотребление доверием потерпевшего, получает права на имущество, которое в действительности принадлежит другому лицу. Это может включать подделку документов, манипуляции с правовыми процедурами, мошенническое получение кредитов или ссуд, или другие способы незаконного приобретения прав на имущество.

Понятие обмана закреплено в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 30.11.2017 № 48 "О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате":

«Обман как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество может состоять в сознательном сообщении заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях, направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение.» [3]

Злоупотребление доверием представляет собой установление доверительных отношений с лицом, имеющим полное и законное право распоряжаться имуществом, то есть с собственником. Доверие может быть связанно с различными основаниями: дружбой, родством, служебным положением. Чаще всего человек не ждёт предательства от близкого, чем последний может воспользоваться и совершить преступление.

Согласно действующему законодательству, обман и злоупотребление доверием являются самостоятельными видами преступлений. Их взаимосвязь и разграничение вызывают у ученых немало споров и противоречий. Это связано с тем, что обман не всегда используется как способ завладения чужим имуществом, но и с целью расположить другое лицо к себе, это будет выглядеть как злоупотребление доверием.

При расследовании преступлений необходимо установить, что причинен ли реальный материальный ущерб либо ущерб в виде упущенной выгоды, то есть в виде неполученных доходов.

Судебной практики по ст. 165 УК РФ много и при её анализе я выделила наиболее распространённые способы совершения преступлений:

- сделки, заключенные с нарушением действующего законодательства, как следствие причинение потерпевшему материального ущерба;

- преступления без цели хищения (к примеру: невыплата денежных средств за выполненную работу);

- договорное страхование;

- незаконное подключение к чужому энергоснабжению с дальнейшим использованием;

- неисполнение договорных обязательств;

Состав преступления ст. 165 имеет схожести со смежным составом – со ст. 159 УК РФ (мошенничество). На практике частенько возникают вопросы, а как их разграничивать. Самым главным отличием указанных статей является то, что в ст. 165 УК РФ отсутствуют признаки хищения. В теории всё кажется простым, но на практике же возникают споры о том, какую же статью применить в том или иной случае. Достаточно часто на практике можно встретить случаи, когда виновный получает более мягкое наказание: срок лишения свободы небольшой или же вообще условный.

«Причинение имущественного ущерба следует разграничивать с мошенничеством. Совпадая по способам деяния (обману и злоупотреблению доверием) и по тому, что и то и другое преступление причиняет имущественный ущерб, они, тем не менее, существенно разнятся. В преступлении, предусмотренном ст. 165, признаки хищения отсутствуют.» [2, с. 126]

При детальном рассмотрении состава преступления статей 165 и 159 УК РФ можно выделить следующие разграничения: предметом ст. 165 являются имущество, а в ст. 159 – имущество и право на это имущество; сумма похищенного по ст. 159 должна составлять от 1000 рублей, а по 165 – свыше 250000 рублей (крупный размер ущерба).

В качестве заключения можно сделать вывод: способов совершения преступлений по ст. 165 УК РФ много, из-за большого количества вариаций не все они закреплены в законе. Следователю, расследующему дело по данной статье, нужно быть предельно аккуратным и собранным, чтобы не пропустить никаких деталей дела. Разграничение составов ст. 165 и ст. 159 УК РФ имеет большое значение для принятия решения по уголовному делу.

Список цитируемой литературы:

1. Стешина, А. А. Обман и злоупотребление доверием как способы совершения имущественных преступлений / А.А. Стешина. – Текст

: непосредственный// Современные научные исследования и инновации. – 2022. – № 5. – С. 1-3.

2. Парфенов, В. А. Квалификация причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ) по признакам объективной стороны / В.А. Парфенов. – Текст : непосредственный// Вестник Московского университета МВД России. – 2010. – С. 125-126.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48 (ред. от 15.12.2022) "О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате" (дата обращения: 12.04.2025)

Куценко В.С., Пушечкин Г. К., студенты
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет
имени И. Т. Трубилина»
г. Краснодар
Научный руководитель – Лукки Е. В., канд. юр. наук.,

КЛЕВЕТА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация

Статья посвящена анализу уголовно-правовых аспектов клеветы, совершенной в сети Интернет. Рассматриваются признаки состава преступления, предусмотренного ст. 128.1 УК РФ, квалифицирующие обстоятельства и вопросы ответственности за данное противоправное поведение. Особое внимание уделяется проблемам доказывания, включая особенности фиксации цифровых следов и установления личности пользователей. Статья предлагает пути совершенствования законодательства в данной сфере, учитывая свободное выражение мнений и необходимость защиты чести и репутации личности.

Ключевые слова: клевета, сеть Интернет, уголовная ответственность, диффамация, информация, распространение информации, честь, достоинство, репутация, доказывание, юрисдикция, интернет-ресурс, средство массовой информации, анонимность, квалификация преступления, цифровая криминалистика, провайдер интернет-услуг, трансграничная юрисдикция, свобода выражения мнений.

В современном обществе, пронизанном цифровыми технологиями, сеть Интернет стала неотъемлемой частью коммуникации, образования, бизнеса и социального взаимодействия. Виртуальное пространство предоставляет огромные возможности для обмена информацией, выражения

мнений и общения с людьми по всему миру. Однако, наряду с многочисленными преимуществами, глобальная сеть порождает новые вызовы и риски, связанные с распространением дезинформации, оскорблениями, угрозами и другими формами противоправного поведения. Клевета, как одна из форм диффамации, приобрела в сети Интернет особую общественную опасность из-за возможности мгновенного и неограниченного распространения ложных и порочащих сведений, что может привести к серьезным последствиям для личной и профессиональной репутации потерпевшего. Учитывая стремительное развитие информационных технологий и рост числа пользователей сети Интернет, исследование уголовно-правовых аспектов клеветы в виртуальном пространстве, включая вопросы квалификации, доказывания, ответственности и юрисдикции, представляется актуальной и практически значимой задачей.

Понятие и признаки клеветы в уголовном праве Российской Федерации

В российском уголовном праве, клевета определяется как распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, и квалифицируется как преступление против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст. 128.1 УК РФ).

Объектом преступления, предусмотренного ст. 128.1 УК РФ, является общественное отношение, обеспечивающее защиту чести, достоинства и репутации личности как нематериальных благ, признаваемых и охраняемых государством.

Объективная сторона клеветы выражается в активном действии – распространении заведомо ложных сведений, порочащих потерпевшего. В контексте сети Интернет распространением следует понимать любое действие, направленное на доведение клеветнической информации до сведения третьих лиц, включая:

1. Размещение клеветнической информации на веб-сайтах, форумах, в социальных сетях, блогах, мессенджерах и других онлайн-платформах;

2. Отправку клеветнических сообщений по электронной почте или через системы обмена мгновенными сообщениями;

3. Публикацию клеветнических комментариев или отзывов;

4. Репост или пересылку клеветнической информации.

Ложность сведений является обязательным признаком состава клеветы. Распространенные сведения должны не соответствовать действительности и не подтверждаться объективными доказательствами. Доказывание ложности сведений возлагается на потерпевшего.

Порочащий характер сведений также является обязательным признаком. Распространенные сведения должны содержать информацию, умаляющую честь, достоинство или репутацию потерпевшего в обще-

ственном мнении или глазах отдельных лиц. Порочащими, как правило, признаются сведения о совершении преступлений, аморальных поступках, некомпетентности в профессиональной деятельности, нарушении нравственных норм и т.д.

Субъективная сторона клеветы характеризуется прямым умыслом. Лицо, распространяющее сведения, должно осознавать их ложность, порочащий характер и желать их распространения. Заведомость является сложным элементом доказывания, поскольку требует установления психического отношения лица к распространяемой информации.

Квалифицирующие признаки клеветы, совершенной с использованием сети Интернет

Уголовный закон предусматривает ряд квалифицирующих признаков клеветы, усиливающих уголовную ответственность. Совершение клеветы с использованием сети Интернет может квалифицироваться по ч. 2 ст. 128.1 УК РФ, если деяние совершено в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации. Вопрос о том, какие интернет-ресурсы следует относить к средствам массовой информации, является предметом дискуссий в юридической доктрине и судебной практике.

В соответствии с Законом РФ "О средствах массовой информации", средством массовой информации признается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием).

Несмотря на то, что отдельные сайты и страницы в социальных сетях не зарегистрированы в качестве СМИ, судебная практика может признать их таковыми, если они обладают признаками массовости и регулярности распространения информации. При этом учитываются такие факторы, как:

1. Количество подписчиков или посетителей сайта;

2. Регулярность обновления информации;

3. Наличие редакционной политики;

4. Цель распространения информации (информирование неопределенного круга лиц);

5. Наличие постоянного наименования.

Квалифицирующие признаки, предусмотренные ч.ч. 3-5 ст. 128.1 УК РФ (клевета с использованием служебного положения, клевета о том, что лицо страдает опасным заболеванием, клевета, соединенная с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления), также могут быть применены к случаям клеветы в сети Интернет при наличии соответствующих обстоятельств.

Проблемы доказывания в делах о клевете в сети Интернет:

1. Цифровая криминалистика

2. Раскрытие и расследование преступлений, связанных с клеветой в сети Интернет, сопряжено с рядом специфических проблем, требующих применения методов цифровой криминалистики.

3. Идентификация личности пользователя: Установление личности автора клеветнического сообщения, особенно при использовании анонимных аккаунтов, является одной из основных сложностей. Для идентификации пользователя необходимо направлять запросы провайдерам интернет-услуг (ISP), владельцам социальных сетей и других онлайн-платформ. Однако, получение необходимой информации может быть затруднено из-за законодательных ограничений и политики конфиденциальности, а также из-за использования злоумышленниками VPN, Tor и других средств анонимизации.

4. Фиксация доказательств: Необходимо обеспечить надлежащую фиксацию факта распространения клеветнической информации в сети Интернет. Для этого используются методы создания скриншотов веб-страниц, сохранения электронных писем и сообщений, протоколирования действий пользователей. Для обеспечения допустимости таких доказательств необходимо привлекать нотариуса для заверения скриншотов или проводить компьютерно-техническую экспертизу.

5. Установление подлинности цифровых доказательств: Цифровые доказательства легко поддаются изменению и фальсификации. Поэтому необходимо установить их подлинность и целостность с помощью криптографических методов (хеширование, электронная подпись) и других средств

6. Доказывание заведомости: требует установления психического отношения лица к распространяемой информации. В делах о клевете в сети Интернет необходимо учитывать контекст ситуации, мотивы действий лица, а также наличие у него информации, подтверждающей ложность распространенных сведений.

Вопросы юрисдикции в делах о клевете в сети Интернет: трансграничные аспекты

Определение юрисдикции в делах о клевете в сети Интернет представляет собой сложную задачу, особенно в случаях, когда клеветнические сведения распространяются из-за рубежа.

В соответствии с принципом территориальности уголовного права, уголовное преследование осуществляется по месту совершения преступления. В делах о клевете в сети Интернет местом совершения преступления считается место, где клеветнические сведения стали доступны для восприятия третьими лицами, то есть место, где наступили общественно опасные последствия. Если клеветнические сведения бы-

ли распространены на территории Российской Федерации, то российские суды обладают юрисдикцией для рассмотрения данного дела.

Однако, в трансграничных случаях, когда распространение клеветнической информации осуществлялось с использованием серверов и ресурсов, расположенных за пределами Российской Федерации, необходимо учитывать положения международных договоров и соглашений о правовой помощи, а также принципы экстерриториальной юрисдикции, такие как принцип гражданства потерпевшего и принцип защиты национальных интересов.

Пути совершенствования законодательства и правоприменительной практики

Для повышения эффективности противодействия клевете в сети Интернет необходимо совершенствовать законодательство и правоприменительную практику в следующих направлениях:

Разработка четких критериев отнесения интернет-ресурсов к средствам массовой информации: Необходима законодательная конкретизация критериев, позволяющих однозначно классифицировать интернет-ресурсы как СМИ, учитывая их специфику. Усиление ответственности интернет-платформ: Владельцы социальных сетей и других интернет-платформ должны нести ответственность за распространение клеветнических сведений, не только удаляя их по требованию компетентных органов, но и принимая активные меры по предотвращению распространения дезинформации и фейковых новостей. Упрощение процедуры идентификации пользователей: Необходимо разработать правовые механизмы, позволяющие правоохранительным органам оперативно получать информацию об IP-адресах и других данных, идентифицирующих пользователей сети Интернет, при строгом соблюдении гарантий защиты прав и свобод граждан. Развитие цифровой криминалистики: Необходимо развивать и внедрять методы цифровой криминалистики для эффективного выявления, фиксации и анализа цифровых доказательств в делах о клевете в сети Интернет. Повышение правовой грамотности: Необходимо проводить образовательные программы и кампании, направленные на повышение осведомленности граждан о своих правах и обязанностях в сети Интернет, а также о способах защиты от клеветы и других видов киберпреступности.

Клевета в сети Интернет представляет собой серьезную угрозу для прав и законных интересов граждан, а также для стабильности и безопасности общества. Эффективное противодействие этому явлению требует комплексного и многостороннего подхода, основанного на совершенствовании законодательства, развитии цифровой криминалистики, укреплении международного сотрудничества и повышении правовой культуры населения. Важно обеспечить баланс между свободой

выражения мнений и необходимостью защиты чести, достоинства и репутации личности, чтобы сеть Интернет оставалась инструментом для свободного обмена информацией и конструктивного диалога, а не платформой для распространения клеветы и дезинформации.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : [ред. от 21 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – Текст : непосредственный.

2. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 года: одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. : [ред. от 21 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921. – Текст : непосредственный.

3. Проблемы исключения недопустимых доказательств на стадии судебного разбирательства / Е. Ю. Петрова. – Текст : непосредственный // Российский судья. – 2023. – № 5. – С. 34-39.

Макарова М. Е., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В. М., канд. юрид. наук, доцент

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ НА ЭТАПЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация

Статья посвящена уголовно-правовым основам противодействия преступлениям против правосудия, совершаемым должностными лицами. Противоправные действия должностных лиц, направленные против правосудия, подрывают фундаментальные основы государственности и разрушают механизмы правового регулирования общественных отношений. В статье рассматриваются проблемы выявления и доказывания таких преступлений, а также вопросы установления от-

ветственности за злоупотребление служебным положением и подрыв авторитета судебной власти. Отмечается необходимость усиления профилактики преступлений, защите лиц, содействующих правосудию, и необходимости комплексного подхода, сочетающего правовые, организационные и воспитательные меры.

Ключевые слова: преступления против правосудия, правоохранительные органы, фальсификация доказательств, профилактика преступлений, защита свидетелей, правовая культура, общественный контроль, неотвратимость наказания.

Правосудие всегда наделялось высоким авторитетом и рассматривалось обществом как особая функция власти, осуществляемая лицами, чья справедливость не должна вызывать сомнений. Высочайшее предназначение правосудия подчеркнуто в ст. 18 Конституции РФ, где сказано, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Преступления против правосудия, совершаемые должностными лицами, представляют собой одну из наиболее серьезных угроз для функционирования правового государства. Нарушение принципов справедливости должностными лицами при осуществлении правосудия приводит к системной деградации государственных институтов и формированию негативного отношения граждан к правоохранительной и судебной системе. Комплексное совершенствование уголовного законодательства позволит создать эффективные механизмы предупреждения и пресечения злоупотреблений в сфере осуществления правосудия, обеспечивая неотвратимость наказания за совершенные правонарушения.

Сложность выявления должностных преступлений обусловлена спецификой служебного положения правонарушителей, располагающих широкими возможностями для маскировки незаконной деятельности. Высокая степень конспирации при совершении противоправных действий существенно ограничивает возможности правоохранительных органов по формированию полноценной доказательственной базы [5, С. 66]. Действующее законодательство требует внедрения комплексных механизмов расследования с применением современных методов оперативно-розыскной работы, позволяющих эффективно документировать и раскрывать преступные схемы должностных лиц.

К преступлениям, совершаемым должностными лицами на этапе предварительного расследования относятся деяния, предусмотренные ст.ст. 299, 300, 301, 302, ч. 2 ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации. Такие посягательства представляют большую общественную

опасность, поскольку действия соответствующих должностных лиц нарушают принципы законности и справедливости уголовного судопроизводства, причиняют существенный вред (ущерб) его участникам. Эти дискредитируют власть, снижают престиж и авторитет правоохранительных органов, подрывая доверие к ним со стороны граждан.

Наиболее часто совершаемым среди анализируемых преступлений является фальсификация доказательств по уголовным делам. Правоохранительные органы фальсифицируют доказательства, подбрасывая людям наркотики, оружие или патроны. Эти методы есть в практике, поскольку судьи считают изъятие таких вещей у конкретного человека подтверждением того, что они принадлежат именно этому человеку.

Но чаще всего правоохранительные органы не инсценируют преступления, подбрасывая запрещенные предметы, а подделывают процессуальные документы. Среди самых распространенных случаев выделяются следующие:

- оформление протокола следственного действия без его проведения;
- проведение осмотра места происшествия не там, где произошло преступление, а в похожем месте;
- внесение в протокол проведенного следственного действия сведений о человеке, который в нем не участвовал, например, данных о понятых;
- подделка показаний подозреваемых, потерпевших, свидетелей, понятых, а также ответов операторов сотовой связи или заключений экспертов.

Особую тревогу вызывает недостаточное реагирование на принуждение к даче показаний (ст. 302 УК РФ). Доказать факт его совершения очень проблематично. Граждане, видя, что не удается добиться законности, теряют всякую веру в торжество закона, в защиту суда, его справедливость и независимость. У сотрудников правоохранительных структур растет убежденность в собственной безнаказанности и вседозволенности.

Широкий спектр детерминант, порождающих принуждение к даче показаний, включает стремление следователей к карьерному продвижению, личные мотивы мести, желание быстрого раскрытия преступлений. Отсутствие должной реакции на факты принудительного получения показаний в процессе следственных действий не только подрывает фундаментальные принципы справедливого правосудия, но и способствует развитию правового нигилизма среди граждан, ставя под сомнение конституционный статус России как правового государства [2, С. 70].

Обязательная видеофиксация процессуальных действий при получении свидетельских показаний остается нереализованной нормой уголовно-процессуального законодательства. Статья 189 УПК РФ

предоставляет право применения видеозаписи исключительно по усмотрению следственных органов либо по ходатайству допрашиваемого лица. Следственная практика демонстрирует отсутствие заинтересованности должностных лиц в использовании технических средств фиксации при проведении допросов, что существенно снижает достоверность полученных доказательств.

Корпоративная солидарность среди сотрудников правоохранительных органов создает существенные препятствия для объективного расследования противоправных деяний, совершенных их коллегами. Профессиональная среда зачастую становится механизмом сокрытия улик и вещественных доказательств, когда должностные лица, движимые ложно понятыми принципами взаимовыручки, активно способствуют уничтожению следов преступной деятельности своих сослуживцев.

Преступники, обладающие навыками маскировки противоправных деяний и уничтожения доказательственной базы, существенно затрудняют процесс расследования, что приводит к значительному искажению статистических данных о реальном уровне криминальной активности в сфере противодействия правосудию.

Значительная латентность преступных посягательств на правосудие, наряду со сложностями доказательственной базы, существенно осложняет процесс правовой квалификации данных противоправных деяний и последующего привлечения виновных лиц к уголовной ответственности.

Комплексная система предупреждения преступности реализуется через разноуровневые социальные и криминологические меры воздействия. Эффективность профилактических мероприятий достигается благодаря усилению материального обеспечения правоохранительных структур, внедрению прогрессивной системы оплаты труда и расширению социальных гарантий сотрудников. Мотивационный механизм включает экономическое стимулирование высокопрофессиональных специалистов при одновременном применении дисциплинарных взысканий к нарушителям служебных обязанностей.

Эффективное противодействие преступлениям против правосудия требует комплексного подхода к борьбе с коррупционными проявлениями и организованной преступной деятельностью, учитывая системную взаимосвязь данных криминальных явлений. Минимизация коррупционных рисков в правоохранительной сфере служит фундаментальной основой для результативного пресечения противоправных действий внутри судебной системы.

В связи с глубокой скрытостью противоправных деяний указанной категории правоохранительным органам требуется разработать комплексный подход к обнаружению и расследованию данных преступле-

ний, включающий применение современных методик криминалистического анализа и оперативно-розыскных мероприятий [1, С. 208].

Законодательное регулирование специальных подразделений требует расширения полномочий для осуществления комплексного мониторинга, включающего аудиовизуальный контроль и систематическое наблюдение за оперативной обстановкой на подконтрольных территориях.

Важным аспектом противодействия преступлениям против правосудия является установление четких границ ответственности должностных лиц. Законодательство должно предусматривать строгие санкции за злоупотребление служебным положением, фальсификацию доказательств, вынесение заведомо неправосудных решений и иные действия, направленные на подрыв авторитета судебной власти. При этом важно учитывать, что ответственность должна быть дифференцированной, учитывающей степень общественной опасности деяния, мотивы и цели преступника, а также последствия его действий.

Кроме того, уголовно-правовые нормы должны быть направлены на защиту лиц, содействующих раскрытию преступлений против правосудия. Нередко свидетели и потерпевшие сталкиваются с давлением и угрозами со стороны должностных лиц, что препятствует установлению истины. В этой связи важно предусмотреть меры безопасности для таких лиц, а также установить ответственность за воспрепятствование осуществлению правосудия.

Эффективное функционирование специализированных подразделений собственной безопасности представляет фундаментальную основу превентивной системы противодействия противоправным деяниям среди сотрудников следственных органов. Основополагающей функцией отдела собственной безопасности Министерства внутренних дел выступает комплексное обеспечение законности при проведении следственных мероприятий и пресечение противоправных действий среди личного состава. Структурное подразделение собственной безопасности реализует превентивные меры по предотвращению нарушений закона сотрудниками полиции, осуществляя постоянный мониторинг служебной деятельности. Приоритетным направлением работы отдела становится системное укрепление правопорядка внутри ведомства через выявление и пресечение неправомерных действий представителей правоохранительных органов.

Повышение эффективности деятельности подразделений безопасности органов возможно за счет:

а) более активного применения негласных возможностей в выявлении и пресечении коррупционных связей;

б) организации режима постоянного оперативного поиска нарушения законности, и др.

Однако данные меры не исключают необходимость предупреждения служебных правонарушений со стороны других подразделений – отделов кадров, начальников отделов, коллег по службе.

Необходимо улучшить координацию действий органов внутренних дел с иными органами (ФСБ, Прокуратурой, Следственным комитетом) в сфере борьбы с коррупцией и должностными преступлениями, обеспечить высокий уровень межведомственного взаимодействия.

Эффективность и результативность вышеуказанных мер будут обеспечены лишь при условии их взаимосвязанности и системного характера.

В заключение следует отметить, что эффективное противодействие преступлениям против правосудия, совершаемым должностными лицами, требует комплексного подхода. Уголовно-правовые меры должны сочетаться с административными, организационными и воспитательными мерами, направленными на укрепление законности и правопорядка. Только в этом случае можно обеспечить неотвратимость наказания для виновных и восстановить доверие граждан к институтам правосудия.

Список цитируемой литературы:

1. Магомедова, З. М. Совершенствование законодательства об ответственности за преступления против правосудия / З. М. Магомедова. – Текст : непосредственный// Проблемы совершенствования законодательства: Сборник научных статей студентов юридического факультета. – Махачкала: Общество с ограниченной ответственностью «АЛЕФ», 2020. – С. 208-211.

2. Муканова, А. Б. Общие проблемы борьбы с преступлениями против правосудия / А. Б. Муканова. – Текст : непосредственный// Студенческий вестник, – 2020. – № 19-4(117). – С. 70-71.

3. Сидаренко, И. С. Преступления против правосудия / И. С. Сидаренко. – Текст : непосредственный// Молодежь и наука: шаг к успеху : Сборник научных статей 4-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок молодых ученых. В 5-ти томах, Курск, 19–20 марта 2020 года. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. – С. 286-287.

4. Яшин, А. В. Криминологический анализ преступлений против правосудия / А. В. Яшин. – Текст : непосредственный// Общество: политика, экономика, право. – 2020. – № 4(81). – С. 66-70.

Малашенкова П. Р., Мамхегов М. А., студенты
Кубанского государственного аграрного университета
имени И. Т. Трубилина
г. Красодар
Научный руководитель – Лукки Е. В., канд. юр. наук., доц.

ВРАЧЕБНАЯ ОШИБКА В КОНТЕКСТЕ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация

Врачебная ошибка представляет собой сложный междисциплинарный феномен, находящийся на стыке медицины, этики и права. В статье рассматривается проблема врачебной ошибки, анализируются этико-правовые аспекты ответственности медицинских работников, а также предлагаются пути совершенствования законодательства в данной сфере. Особое внимание уделяется дифференциации невиновного причинения вреда и преступной небрежности, а также роли биоэтики в профилактике ятрогенных правонарушений.

Ключевые слова: врачебная ошибка, ятрогенные преступления, медицинское право, биоэтика, профессиональная ответственность.

Современная медицина, несмотря на высокий уровень технологического развития, не исключает риска врачебных ошибок, которые могут привести к тяжким последствиям для пациента. Вопрос о правовой и этической оценке таких ошибок остается дискуссионным, поскольку требует баланса между необходимостью защиты прав пациентов и сохранением профессиональной автономии врачей.

Ятрогенные преступления – это противоправные деяния, совершенные медицинскими работниками в ходе исполнения профессиональных обязанностей, повлекшие вред здоровью или смерть пациента. Однако не всякая врачебная ошибка является преступлением, что обуславливает необходимость четких критериев разграничения.

Врачебная ошибка – это добросовестное заблуждение врача, возникшее вследствие объективных или субъективных факторов, не связанное с халатностью или небрежностью. Основные виды врачебных ошибок:

1. Диагностические (неверная постановка диагноза);
2. Тактические (неправильный выбор метода лечения);
3. Технические (ошибки при проведении процедур);
4. Организационные (дефекты управления медицинской помощью).

В отличие от преступной небрежности, врачебная ошибка не влечет уголовной ответственности, если врач действовал в соответствии с принятыми стандартами.

Ятрогенные преступления квалифицируются по статьям Уголовного кодекса (например, ст. 109 «Причинение смерти по неосторожности», ст. 118 «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности» и др.). Ключевым критерием отграничения ошибки от преступления является вина медицинского работника:

1. Неосторожность (легкомыслие или небрежность);

2. Преступная халатность (грубое нарушение профессиональных стандартов).

Судебная практика показывает, что основными причинами ятрогенных преступлений становятся:

- недостаточная квалификация врача;
- пренебрежение диагностическими протоколами;
- усталость и эмоциональное выгорание медперсонала.

Биоэтические принципы (автономия пациента, непричинение вреда, справедливость) требуют от врача не только профессионального мастерства, но и моральной ответственности. Сокрытие ошибок нарушает принцип информированного согласия и подрывает доверие к медицинской системе.

В современных условиях важную роль играют:

- системы добровольного сообщения об ошибках (без угрозы репрессий);
- этические комитеты при медицинских учреждениях;
- медиация как способ урегулирования конфликтов.

Преступления в сфере медицины важны и требуют особого внимания, так как медицина постоянно развивается и не стоит на месте. Снижение числа противоправных действий в медицине возможно только при сочетании строгого правового контроля и развития культуры безопасности в здравоохранении.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ] // Российская газета. – 1993. – 25 дек. – Текст : непосредственный.

2. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня

1996 г. : [ред. от 21 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – Текст : непосредственный.

3. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 года: одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. : [ред. от 21 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921. – Текст : непосредственный.

Медянский В. А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Корнев А. С., канд. юрид. наук

СПЕЦИФИКА И РОЛЬ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ СИСТЕМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация

Статья посвящена оперативно-розыскной деятельности как важному инструменту борьбы с преступностью. Рассмотрены сущность, методы и задачи ОРД, выявлены проблемы и перспективы ее развития в условиях современной России. Акцент сделан на необходимости совершенствования и усиления межведомственного взаимодействия.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, преступность, борьба с преступностью, негласные методы, уголовное следствие, законность, межведомственное взаимодействие, скрытое наблюдение, агентурная работа, общественная безопасность.

Оперативно-розыскная деятельность (ОРД) давно заняла лидирующее место в арсенале средств борьбы с преступностью, став мощным механизмом защиты общественных интересов и безопасности граждан. Данный институт позволяет правоохранительным органам своевременно обнаруживать, предупреждать и раскрывать преступления различной степени тяжести, выходя далеко за пределы обычного предварительного следствия [3, с. 154].

Суть оперативно-розыскной деятельности кроется в способности применять особые приемы и методы, направленные на расследование преступлений, пока они находятся на стадии замысла или подготовки

[1, с. 350]. Такими приемами являются, например, негласное наблюдение, контроль почтовых отправлений, прослушивание телефонных переговоров, агентурная работа и иные меры, которые помогают восполнить пробелы в традиционной системе полицейского надзора.

Институционализация оперативно-розыскной деятельности произошла сравнительно недавно, однако она прочно укоренилась в российском праве и практике. Основной задачей ОРД является получение и накопление значимых сведений о преступных действиях, подготовка базиса для последующего возбуждения уголовных дел и привлечение виновных к ответственности. В отличие от официального предварительного следствия, которое работает публично и гласно, оперативно-розыскные мероприятия проводятся скрытно и конфиденциально, сохраняя секретность операций и предотвращая возможную угрозу интересам расследования [4, с. 62].

Наиболее важной чертой оперативно-розыскной деятельности является ее способность раскрывать латентные преступления, то есть те, которые остаются незамеченными обычным путем. Применяемые методы обеспечивают доступ к закрытой информации, которую трудно добыть иным образом. Вместе с тем оперативные работники обязаны придерживаться жесткого юридического регулирования, запрещающего злоупотребления полномочиями и ущемление конституционных прав граждан [2, с. 45].

Тем не менее, несмотря на внушительные успехи, оперативно- розыскная деятельность сталкивается с определенными затруднениями. Во-первых, существует дефицит квалифицированного персонала, владеющего современными техническими средствами и умеющего грамотно организовать нелегальную операцию. Во-вторых, сама методика ОРД подвержена критике со стороны правозащитников, полагающих, что подобные меры вторгаются в личную сферу граждан и создают предпосылки для произвола властей. Наконец, порой возникает несоответствие между оперативными действиями и последующим развитием уголовного дела, вследствие чего собранные сведения теряют свое юридическое значение.

Несмотря на обозначенные недостатки, позитивная роль оперативно-розыскной деятельности несомненна. Именно она становится первым барьером на пути распространения преступности, обеспечивая органы правопорядка инструментами для сдерживания зла [5, с. 30]. Тем не менее дальнейшее развитие данного института предполагает постоянное совершенствование и адаптацию к современным условиям, укрепление межведомственного взаимодействия и увеличение финансирования, что позволит оперативно-розыскной деятельности стать еще более мощным рычагом в руках стражей порядка.

В заключение стоит сказать, что успешное функционирование оперативно-розыскной деятельности гарантирует устойчивость демо-

кратических ценностей и социальную стабильность. Государственная политика должна поддерживать и развивать данный институт, устраняя имеющиеся противоречия и поощряя конструктивное сотрудничество между различными ведомствами. Лишь тогда оперативно-розыскная деятельность сможет эффективно защищать наших граждан и служить опорой справедливости и законности в стране.

Список цитируемой литературы:

1. Гуров, А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность / А. И. Гуров. – Москва : Юридическая литература, 1990. – 442 с.

2. Иванов, С. В. О некоторых вопросах прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью / С. В. Иванов. – Москва : Вестник Универстиета прокуратуры Российской Федерации, 2013. – С. 44-48.

3. Маркушин, А. Г. Оперативно-розыскная деятельность: учебник и практикум для академического бакалавриата / А. Г. Маркушин. – Москва : Издательство Юрайт, 2017. – 306 с.

4. Хромов, И. Л. Использование специальных знаний в раскрытии преступлений как частная оперативно-разыскная теория ОРД / И.Л. Хромов. – Москва : Научный портал МВД России, 2017. – С. 60-63.

5. Хромов, И. Л. Финансовое обеспечение оперативно-розыскной деятельности / И. Л. Хромов. – Москва : Научный портал МВД России, 2015. – С. 29-32.

Моисеева А.Е., студентка
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Левашова О.В., канд. юрид. наук, доцент

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СТАВЯЩИЕ В ОПАСНОСТЬ ЖИЗНЬ И ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация

В статье исследуется эволюция уголовного законодательства, регулирующего ответственность за преступления против жизни и здоровья человека. Рассмотрены ключевые этапы развития правовых норм от древних цивилизаций до современности, включая влияние религии, гуманистических идей и международных стандартов. Особое внимание уделено современным вызовам и перспективам в области правового регулирования защиты человеческой жизни и здоровья.

Ключевые слова: уголовная ответственность, убийство, причинение вреда здоровью, преступления, ставящие в опасность жизнь и здоровье, ретроспективный анализ, Уголовный кодекс РФ.

Преступления против жизни и здоровья всегда занимали центральное место в системе уголовного права. История их правового регулирования отражает эволюцию общественных представлений о ценности человеческой жизни и необходимости ее защиты.

На начальных этапах становления общества в качестве основных регуляторов отношений выступали обычаи, ритуалы, табу, которые были обязательны для всех. Однако, существовавшее соперничество и конфликты между племенами или соплеменниками создавали угрозу для жизни.

Доказательством может служить исследование испанских археологов, которые считают, что обнаружили подтверждение, возможно одного из первых убийств человека на Земле, произошедшего 430 000 лет назад. Они проводили раскопки в Sima de los Huesos (расщелина костей), и помимо обнаружения большого количества человеческих останков, интерес археологов был направлен на череп с двумя глубокими проломами в лобной части, с левой стороны [1, с. 38]. По предположению ученых данная смертельная травма могла возникнуть из-за воздействия острого предмета (например, копья), при этом на черепных костях не имеется следов заживления ран. У исследователей есть основания полагать, что смерть этого человека не была следствием случайных стечений обстоятельств, так как форма этих травм свидетельствует о физическом воздействии со стороны противника, являвшегося правшой (вывод сделан на основании локализации проломов слева).

Данное исследование является показательным примером того, что еще с древних времен человек мог умышленно причинить другому смерть. Именно поэтому человечеству потребовались способы регулирования общественных отношений. Как отмечает А. А. Скворцов: «Самым значительным шагом по пути ограничения агрессии принято считать появление и распространение принципа талиона» [1, с. 22]. С этого момента перед агрессивными действиями племени в целом, и каждого человека в частности, появилась своеобразная преграда в виде неизбежного ответного деяния за нанесенный вред. В связи с этим некоторые авторы, осуществляя рассуждения о сущности принципа талиона, высказывают мнение о том, что он создан с целью «недопустимости беспощадной и безнаказанной вражды людей по отношению друг к другу» [2]

Данный принцип основан на стремлении к справедливости и поэтому подразумевает возмездие, соответствующее совершенному преступлению. Одна из известнейших формулировок принципа талиона –

это «глаз за глаз, зуб за зуб». Она предполагает воздаяние равное преступному воздействию, т.е. имеется ввиду применения, назначение наказания соразмерного самому преступлению. В таком значение принцип талиона был представлен как в древних сводах законов, к которым относятся, например, существовавшие в Вавилоне законы Хаммурапи, так и в религиозных источниках, например, в Библии. Рассматривая дальнейшую историю принципа талиона, можно заметить, что он стал подвергаться критической оценке, постепенно утрачивая свое влияние, и тем не менее в последующем на его основе разрабатывались многие правовые учения и теории.

Упоминая религиозный аспект в рассуждениях о наказуемости и запрете убийств, стоит отметить, что несмотря на существование множества разных религий, в каждой из них убийство выступает величайшим грехом, которых может совершить человек. Например, в христианстве существует заповедь о запрете посягательства на людскую жизнь. «Не убий» гласит она и является одним из главных предписаний для верующих. В мусульманской религии убийство входит в перечень самых больших грехов перед Богом. Подобные положения содержатся во многих религиозных текстах, и своим существованием они подчеркивают важность и хрупкость человеческой жизни, которую никто не имеет право отнять.

В Древнем Риме уголовная ответственность за преступления против жизни и здоровья регламентировалась Законами XII таблиц и последующими эдиктами. Наказания варьировались в зависимости от статуса жертвы и преступника, а также от степени причиненного вреда. Например, за убийство свободного гражданина предусматривалась смертная казнь, тогда как за телесные повреждения применялись штрафы.

Говоря об отечественной истории, стоит упомянуть один из самых известных сборников русских летописей – «Повесть временных лет». Она повествовала о таких важных исторических событиях как призвание варягов и внедрении христианства. В ее состав также входил перевод мирного договора 907 года, заключенного князем Вещим Олегом с Византийской империей. Однако, находясь в поисках одного из первых официальных закреплений ответственности и наказуемости убийства, следует обратиться к русско-византийскому договору от 911 года, в статьях которого убийство описано уже как преступление [1, с. 33]. Помимо этого, устанавливаются способы раскрытия противоправных деяний, а также условия вынесения наказаний.

К сожалению, конкретного определения «убийства», в договоре 911 года, не содержалось. И тем не менее, в нем существовала статья 4. В ней прописывалось, что убийца должен умереть на месте, «независимо от того, кто из договаривающихся сторон является убийцей» [1, с. 28]. При этом уточнятся, в случаи побега убийцы, его разыщут и

причинят смерть (при отсутствии у него имущества). Если же у него есть что-то в собственности, то имеющееся у него имущество будет распределено между родственниками убитого и женой самого убийцы.

В эпоху Средневековья европейская уголовная политика находилась под сильным влиянием христианской религии. Жизнь рассматривалась как дар Божий, а посягательства на нее считались не только преступлением, но и грехом. Церковные суды играли значительную роль в рассмотрении дел об убийствах и нанесении вреда здоровью.

В этот период усилилось значение мотива преступления. Например, убийство из корыстных побуждений или заведомо жестокое обращение с жертвой каралось более строго, чем случайное причинение смерти.

С развитием национальных государств и секуляризацией общества уголовное законодательство стало более систематизированным. Одним из важнейших этапов стала разработка Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года в Российской империи. Этот кодекс предусматривал дифференцированное наказание за убийства, нанесение увечий и неоказание помощи. Большое внимание уделялось мотивам преступления и обстоятельствам его совершения.

В XX веке уголовное законодательство в большинстве стран претерпело значительные изменения под влиянием идей гуманизма и международных стандартов в области прав человека. Наказания за преступления против жизни и здоровья стали более индивидуализированными, а смертная казнь во многих государствах была отменена или ограничена.

Сегодня уголовное право большинства стран направлено не только на наказание виновных, но и на профилактику преступлений. Разработаны специальные нормы, регулирующие ответственность за деяния, угрожающие жизни и здоровью в условиях техногенных катастроф, эпидемий и вооруженных конфликтов.

Особое внимание уделяется правам жертв преступлений. Во многих юрисдикциях введены программы компенсации вреда, причиненного пострадавшим, а также реабилитационные меры для осужденных с целью их ресоциализации.

Особое внимание уделяется правам жертв преступлений. Во многих юрисдикциях введены программы компенсации вреда, причиненного пострадавшим, а также реабилитационные меры для осужденных с целью их ресоциализации.

В российском уголовном законодательстве ответственность за преступления, ставящие в опасность жизнь и здоровье человека, закреплена в таких статьях УК РФ, как:

Статья 119 – Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: данная статья предусматривает уголовную ответственность за выраженную в любой форме угрозу, если имеются основания считать, что

угроза может быть приведена в исполнение. Цель нормы – предотвращение реализации угрозы и защита жертвы от психического воздействия.

Статья 120 – Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации: регулирует ответственность за использование насильственных методов или угроз для изъятия органов или тканей, защищая физическую и моральную неприкосновенность личности.

Статья 122 – Заражение ВИЧ-инфекцией: устанавливает ответственность за умышленное или неосторожное заражение лица ВИЧ-инфекцией, отражая особую социальную опасность данного деяния.

Статья 123 – Незаконное проведение искусственного прерывания беременности: направлена на борьбу с непрофессиональной медицинской деятельностью, ставящей под угрозу здоровье женщин.

Статья 125 – Оставление в опасности: фиксирует обязанность человека оказать помощь лицу, находящемуся в опасности, если виновный имел возможность предотвратить негативные последствия.

Каждая из этих норм направлена на защиту наиболее важных общественных интересов, таких как жизнь, здоровье и физическая неприкосновенность.

Таким образом, история уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья человека демонстрирует постепенное развитие правовых систем в сторону гуманизации и учета индивидуальных особенностей каждого случая. Современные вызовы, такие как терроризм, биологические угрозы и киберпреступления, ставят перед юристами новые задачи по совершенствованию законодательства и обеспечению безопасности общества.

Список цитируемой литературы:

1. Елагин, В. С. Договоры русских с греками X века: учебное пособие / В.С. Елагин. – Новосибирск: Изд. НГПУ. 2005. – 42 с.

2. Первое убийство в истории человечества [Электронный ресурс]. – Электронное периодическое издание «Научная Россия». – URL: https://scientificrussia.ru/ (дата обращения: 11.04.2025).

3. Русско-византийский договор 911 г. [Электронный документ]. – 100 главных документов российской истории Федерального портала История РФ. – URL: https://doc.histrf.ru/10-16/russko-vizantiyskiy-dogovor/ (дата обращения 28.03.2025).

4. Скворцов, А. А. Этика: учебник и практикум для вузов / А.А. Скворцова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2025. – 321 с.

5. Федотов, А. Г. Место и роль принципа талиона в отечественной уголовно-правовой доктрине/ А.Г. Федотов. – Текст : непосредственный // Вестник РУК. – 2020. – №1 (39). – 161 с.

Муровлянников К. П., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В. М., канд. юрид. наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СТРАХОВОМУ МОШЕННИЧЕСТВУ В ЛИПЕЦКОМ РЕГИОНЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация

В статье проводится комплексный анализ страхового мошенничества в Липецкой области в контексте рейтинга субъектов Центрального федерального округа Российской Федерации. Автор рассматривает особенности проявления страхового мошенничества в регионе, выявляет основные тенденции и проблемные аспекты, влияющие на уровень преступности в данной сфере. Особое внимание уделяется классификации и характеристике видов страхового мошенничества, а также факторам, способствующим их распространению. В работе подробно описываются современные методы борьбы с этим видом преступлений, включая профилактические меры, совершенствование нормативно-правовой базы, а также повышение эффективности работы правоохранительных органов и страховых компаний. Результаты исследования направлены на разработку рекомендаций по снижению уровня страхового мошенничества и укреплению доверия к системе страхования в Липецкой области и Центральном федеральном округе в целом.

Ключевые слова: страхование, страховое мошенничество, страховая сумма, страховая выплата, субъекты преступлений в сфере страхования

В современном мире страховое мошенничество представляет собой достаточно опасное и распространенное преступление. Банк России, отечественные страховщики, а также различные объединения данных организаций выявляют значительный объем недостоверных договоров в одном только секторе ОСАГО, который, в свою очередь является наиболее распространенным на российском страховом рынке [8].

Общественная опасность страхового мошенничества выражается в деструктивном влиянии на гражданское население. В первую очередь, в виду легкости получения денежных средств от страховой компании, и отсутствия внятного и строго наказания за преступное посягательство на денежные средства компании. В подтверждение этому говорит то, что в закрепленной в УК РФ норме, предусматривающей ответственность за страховое мошенничество ст. 159.5 даже ч. 2 является преступлением средней тяжести. В результате чего уголовное

преследование лица, совершившего данное преступление, может быть прекращено в силу ст. 28 УПК РФ. И здесь мы видим, что мягкость российского уголовного законодательства по отношению к страховым мошенникам является дополнительным фактором роста данной категории преступлений, так как у них появляется потенциальная возможность не просто заработать, но и избежать ответственности.

Также к числу опасных последствий деятельности страховых мошенников, на примере того же ОСАГО, стоит отметить и то, что увеличивается размер страховой премии, чтобы покрыть будущие убытки. То есть увеличивается размер страховых взносов для конечного покупателя, который в свою очередь не является мошенником, но всё равно страдает от их деятельности.

Также важно отметить, что страховое мошенничество является распространенным преступлением не только в России, но и у зарубежных партнеров [1]. Природа данного явления, по мнению криминологов, весьма разнообразна [2], что, в свою очередь, показывает невозможность единого, утилитарного подхода к решению данной проблемы. Что касается зарубежных партнеров, то исходя из их криминологического опыта, опасность в первую очередь представляют их распространенность, разнообразие методов осуществления преступных деяний и отсутствие своевременной реакции на эти шаги правоохранительными органами.

Следует отметить, что уровень общественного вреда позволяет отнести страховое мошенничество к категории преступлений, что в свою очередь конечно в разрез с популярной в данный момент идеей гуманизации наказаний за экономические преступления в целом. Некоторые отечественные авторы даже умаляют общественную опасность мошенничества в сфере ОСАГО настолько, что соотносят данную категорию преступлений с административными правонарушениями [6, с. 608]. Данные нарративы определенно соотносятся с общемировыми тенденциями, например, как отмечал в своём исследовании Охрименко И.В., в Великобритании с начала прошлого десятилетия мошенничество, в том числе и страховое, стало регистрироваться специальными правительственными агентствами «Action fraud», а не полицейскими органами [5, с. 343]. Вследствие чего данный вид преступлений был практически полностью исключен из полицейских отчетов, а специальное ведомство не может полностью оправдать своё создание, практически не влияя на уровень криминогенной ситуации на страховом рынке Великобритании.

Для более углубленного анализа имеющихся данных следует разобрать практический пример страхового мошенничества в Липецком регионе, на основе статистических данных.

Таблица 1

Рэнкинг субъектов Центрального федерального округа ВСС на 2024 год

Регион (по территории преимущественного использования)	**Частота страховых случаев**	**Средняя выплата**	**Уровень выплат с учетом РВД**	**Отношение судебных расходов к сумме основного требования**	**Доля возбужденных уголовных де по ОСАГО**
РФ	5,0%	80 047	72%	182%	20,4%
Липецкая	5,1%	87 402	91%	189%	4,0%
Воронежская	5,0%	81 359	84%	177%	17,6%
Калужская	4,9%	73 055	73%	266%	0,0%
Смоленская	4,6%	79 517	84%	215%	53,8%
Ивановская	5,0%	79 203	77%	170%	1,9%
Тверская	4,7%	72 806	76%	245%	6,3%
Ярославская	5,3%	70 573	73%	148%	16,4%
Белгородская	4,1%	72 114	68%	232%	15,0%
Владимирская	4,3%	71 336	64%	301%	12,5%
Московская	5,5%	78 119	60%	187%	5,1%
Тамбовская	3,9%	73 086	70%	303%	50,0%
Курская	4,3%	63 518	70%	205%	33,3%
Брянская	3,9%	71 730	68%	151%	16,7%
Костромская	4,3%	64 863	69%	149%	0,0%
Москва	5,8%	80 656	55%	136%	60,6%
Орловская	4,2%	68 628	71%	126%	37,5%
Рязанская	4,3%	69 368	67%	185%	22,2%
Тульская	4,3%	69 165	65%	147%	45,3%

Исходя из приведенного в таблице 1 рэнкинга ВСС мы видим, что доля возбужденных уголовных дел при фактах мошенничества в соседних областях выше в разы, в том числе за счёт создания проактивных связей между сотрудниками страховых компаний и представителями различных ведомств.

В свете позиции отечественного законодателя по вопросу смягчения наказаний за экономические преступления, на наш взгляд, страховое мошенничество требует обратного. Необходимо ужесточить санкцию статьи 159.5, вплоть до отнесения их к тяжкой категории преступлений, поскольку это исключит возможность прекращения уголовного преследования на основании ст. 28 УПК РФ. На данный момент в страховом мошенничестве присутствует лишь формальный риск уголовной ответственности, которой, к сожалению, и привлекает огромное количество преступников.

Список цитируемой литературы:

1. Асафьева, Л. С. Сравнительный анализ борьбы со страховым мошенничеством в России и за рубежом / Л. С. Асафьева. – Текст : непосредственный // Отраслевые задачи в эпоху цифровизации. Перспективы реализации и риски. – Москва, 2020. – С. 563-569.

2. Алгазин, А. И. Тактика проверки и уточнения показаний по делам о страховом мошенничестве / А. И. Алгазин. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2007. – № 5. – С. 2-3.

3. Кугушева, А. Н. Современная практика противодействия страховому мошенничеству в США, Канаде и Великобритании / А. Н. Кугушева. – Текст : непосредственный // Глобальная неопределенность. Развитие или деградация мировой экономики. – М., 2022. – С. 160-165.

4. Ларичев В. Д. Противодействие преступлениям, совершаемым в сфере страхования : монография / В. Д. Ларичев. – М. : Юрлитинформ, 2021. – 152 с.

6. Гаврилюк Р.В . Современное состояние и перспективы развития рынка ОСАГО / Р.В. Гаврилюк. – Текст : непосредственный // Научно-практический электронный журнал Аллея науки. – 2018. – С. 606-609.

Нэпсова А. А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Соловьева В.В., д-р ист. наук, профессор

ВОЗРАСТНЫЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО КАК СУБЪЕКТА УГОЛОВНОГО ПРАВА

Аннотация

Статья посвящена спорным вопросам возрастной границы уголовной ответственности несовершеннолетних. Авторы исследуют нормы Общей части уголовного права России об уголовной ответственности несовершеннолетних, а также нормы зарубежного законодательства, посвященные этому вопросу. В статье, в частности, отмечается, что некоторые ученые-криминологи выступают за снижение возраста привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности. Также авторы анализируют новое Постановление Пленума Верховного Суда, разъясняющее особенности установления точного возраста при привлечении несовершеннолетних к уголовной ответственности.

Ключевые слова: уголовная ответственность, несовершеннолетний, возраст, наказание, субъект преступления.

Специфика уголовной ответственности, установленная законодательством для лиц в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, а в отдельных случаях и для лиц в возрасте от восемнадцати до двадцати лет, имеет важное социальное значение, поскольку она предписывает правоприменительным органам использовать в своей деятельности особые подходы и методы, отличные от применяемых к взрослым правонарушителям. Данные подходы и методы должны быть направлены в первую очередь на ресоциализацию несовершеннолетних правонарушителей, предупреждение совершения ими новых преступлений в будущем, а также на минимизацию негативных последствий деяний, совершенных в юном возрасте.

Индивидуализация ответственности является ключевой чертой, характеризующей уголовную ответственность лиц, не достигших совершеннолетия. Такая индивидуализация подразумевает всесторонний учет возрастных и личностных особенностей несовершеннолетних. Личность несовершеннолетнего преступника обладает определенными типологическими характеристиками, обусловленными конкретными социально-демографическими и биологическими условиями ее формирования.

Процесс криминализации несовершеннолетних происходит под влиянием социальной среды и малых социальных групп. Как правило, в окружении несовершеннолетних, совершивших преступления, присутствуют лица, имеющие криминальный опыт (ранее судимые) или злоупотребляющие спиртными напитками.

Групповое противоправное поведение – характерная черта преступников, не достигших возраста совершеннолетия. Так, когда несовершеннолетний находится в группе, у которой имеются асоциальные установки, то тогда формирование противоправных ценностей его ускоряется, и это отражается на его поступках, которые начинают приобретать антиобщественный характер. Также асоциальная группа активно изменяет ценности, взгляды и потребности подростков. При личном неформальном общении внутри группы формируются и крепко закрепляются преступные ориентации, взгляды и навыки. К укреплению перечисленных антисоциальных ценностей также приводит и то, что учителя достаточно формально подходят к вопросу воспитания детей в школе, а родители не уделяют должного внимания к воспитанию своего ребенка.

В таком случае единственными воспитателями у детей становятся их «друзья» – участники группы правонарушителей. Преступления

несовершеннолетних характеризуются их осуществлением в группе. Так, большая часть преступлений была совершена несовершеннолетними именно в группе.

Лица, не достигшие возраста совершеннолетия, обучаются антисоциальному поведению не по своей воле и предрасположенности, а именно потому, что они находятся в преступной среде: общаются с судимыми людьми, устанавливают с ними тесную связь, перенимают их взгляды и навыки. Так, если бы этих подростков включили в группу, носящую положительный для общества смысл, то они брали бы пример с участников этой группы и в своем поведении отражали бы также только хорошее.

Очень важным фактором, который характеризует несовершеннолетних правонарушителей, является тот, что наблюдается рост молодых людей, у которых имеются различные психические расстройства. Так, у каждого пятого подростка, который стоит на учете в полиции, есть какое-либо психическое заболевание. Каждый третий из вышеназванных еще до достижения возраста, когда наступает уголовная ответственность, уже совершил общественно-опасное деяние.

Такие отклонения психики позволяют абсолютно спокойно и хладнокровно совершать преступления подросткам, так как их личность является несамостоятельной, внушаемой, социально незрелой, конформной. Также у таких детей наблюдается низкий уровень интеллекта, слабая воля и отсутствие каких-либо моральных установок.

Такой фактор как распространенность вредных социальных привычек также играет одну из главных ролей в формировании преступного сознания и поведения у несовершеннолетних. Также важным фактором, оказывающим существенное воздействие на процесс становления личности несовершеннолетнего правонарушителя, выступает место его постоянного проживания. По мнению специалистов, на формирование девиантного поведения индивида, не достигшего совершеннолетнего возраста, оказывает влияние специфика населенного пункта, в котором он проживает. Преступность среди несовершеннолетних отражает взаимосвязь указанных лиц с микросоциальной средой, в которой они перманентно находятся. Данное обстоятельство проявляется в особенностях местности города или села проживания, поскольку таковая может создавать предпосылки для начала преступной деятельности. В частности, в крупных городах отмечается расширенный спектр потенциальных объектов для совершения противоправных деяний. Так, в больших городах выбор объектов для совершения правонарушения очень велик. Также стоит учитывать и тот факт, что в больших городах подростки более уверены в том, что их не найдут и не накажут, поскольку там проживает гораздо большее количество

людей, чем в селах, а жизнь отмечается высокой анонимностью. Высокая концентрация в городе развлекательной инфраструктуры создает больше возможностей для неформального и бесконтрольного общения между подростками. В городах контроль за подростками значительно ниже, чем в селах, поскольку взрослые там более заняты, у них гораздо сложнее, чем у жителей села, ритм и темп жизни. Также у городских детей очень мало либо совсем отсутствует совместный труд их с родителями, такие семьи менее стабильны. Также и то, что в городах очень развит общественный транспорт, позволяет малолетнем преступнику за короткое время скрыться с места преступления.

Что касается сельской местности, то там более низкий уровень образования, культуры, что говорит о том, что у сельских детей меньше возможностей личностного роста. Также в селах отсутствуют музеи, театры, выставки, что не позволяет расти в нравственном плане несовершеннолетним. Но также в селах и гораздо ниже уровень преступности, чем в городах.

Мотивация преступного поведения имеет большое значение для понимания преступности лиц, не достигших возраста совершеннолетия. в приоритете у несовершеннолетних – преступления, совершенные ради корысти. Но и у такой мотивации можно отметить свою специфику: в основном несовершеннолетние идут на преступление с целью самоутвердиться, повысит свой авторитет в глазах сверстников, они уверены в том, что им удастся избежать наказания и не обдумывают свои действия.

Несмотря на внезапность и ситуативность зарождения мыслей о преступлении у несовершеннолетних, у них отмечено повышение количества заранее спланированных, тщательно выстроенных и особо тяжких преступлений. В основном это преступления, совершенные группой несовершеннолетних лиц.

Отличие таких групп в их мобильности: они могут совершать свои преступления далеко от своего родного дома, и даже города. А этот факт увеличивает их криминальную активность и существенную опасность. Среди подростков большую популярность стали приобретать «гастролеры».

Для некоторых несовершеннолетних совершение преступлений начинает являться основным и приоритетным видом деятельности. Так, у каждого второго осужденного несовершеннолетнего уже есть мотив продолжать такое поведение и после своего освобождения.

Также следует уделить особое внимание психологической характеристике личности преступников, не достигших возраста совершеннолетия. Особенно существенны данные об особенностях психики несовершеннолетних, их нравственно-правовых взглядов и пред-

ставлений, во многом определяющих и объясняющих их преступное поведение.

Также можно выделить такие типы несовершеннолетних правонарушителей исходя из характера мотивации совершения преступлений: под влиянием сверстников, из баловства, от скуки, для того чтобы завоевать авторитет, из-за защиты при нападении взрослых физическом или моральном.

Также стоит учитывать и особенности психики, присущие подросткам: они более внушаемы, склонны к социально-психологическому заражению, закрыты для мероприятий воспитательного характера.

Аналогично со взрослыми в кругу несовершеннолетних можно встретить такие типы преступников, как: озлобленные, которые желают выместить личные обиды на беспомощных гражданах или на сверстниках. У практически 25% несовершеннолетних замечено нарушение психики. А если рассматривать число несовершеннолетних, которые совершили преступления насильственного характера, то здесь доля еще выше.

Самым распространенными психическими аномалиями являются низкий уровень интеллектуального развития, психопатия, патохарактерологические реакции и невропатические черты. Большая часть таких аномалий является следствием специфических условий воспитания.

У девушек, не достигших возраста совершеннолетия, и уже являющимися преступницами были отмечены свои особенности. Так, за ними замечены лживость, жестокость, цинизм. Они имеют завышенную самооценку, истеричны, потребительски относятся к другим.

У малолетних преступников женского пола наблюдается подражание взрослым в отношении развязности поведения: они носят вызывающую одежду, принимают алкоголь и сигареты, намеренно унижают людей. Поэтому у них часто возникают разногласия с родителями, ведь такие девушки часто не удовлетворены уровнем своей жизни.

Так, можно отметить и тот признак, что у преступников, не достигших возраста совершеннолетия, значительно ниже их сверстников уровень образования. Чаще всего это либо ученики, которые остались на второй год или вовсе бросили учебу. Некоторые учатся в школах для детей, имеющих отклонения. Более 35% лиц, не достигших возраста совершеннолетия, совершили преступления, когда они нигде не учились или не работали. Также отмечается и дальнейший рост преступлений среди таких лиц.

Проблема труда несовершеннолетних на сегодняшний день также остается актуальной. Это приводит к выводу о том, что ее решение в

ближайшее время не может осуществиться. Как только возрастает количество свободного времени у подростков, там с этим и растет уровень изменений в интересах у этих лиц.

В отношении лиц, не достигших совершеннолетия и совершивших противоправные деяния, отмечаются значительные деформации в сфере нравственного и правового сознания. В частности, наблюдается интерпретация категорий долга, совести и допустимости поведения, основанная на субъективных предпочтениях или интересах группы. Характерна ориентация на незамедлительное удовлетворение личных потребностей, индифферентное отношение к эмоциональному состоянию окружающих, стремление к доминированию над лицами, находящимися в уязвимом положении. Отмечается поверхностное восприятие законодательных установлений, нивелирование социальной значимости права, противопоставление нормативных предписаний соображениям целесообразности и групповым установкам. Свойственно искаженное представление о границах правомерного и неправомерного поведения, негативное и подозрительное отношение к органам, осуществляющим правоохранительную деятельность, а также уверенность в безнаказанности за совершенные деяния.

Вместе с тем, несовершеннолетние обладают значительным потенциалом для усвоения социальных знаний, обусловленным их социальными, психологическими и биологическими особенностями. Им свойственны интеллектуальная и физическая активность, а также выраженное стремление к самореализации и самоутверждению в обществе.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : [ред. от 21 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – Текст : непосредственный.

2. Бочкарева, Г. Г. Психология подростков-правонарушителей / Г.Г. Бочкарева. – Текст : непосредственный // Юридический консультант. – 2018. – №3. – С. 69-73.

3. Волошин, В. М. Проблемы назначения несовершеннолетним осужденным исправительных работ и лишения свободы / В. М. Волошин. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2019. – №2. – С.87-89.

Опарина С.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Левашова О.В., канд. юрид. наук, доцент

ГЕНЕЗИС РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ И ВОВЛЕЧЕНИЯ И ЗАНЯТИЯ ПРОСТИТУЦИЕЙ

Аннотация

В статье рассматривается история развития ответственности за преступления, связанные с проституцией, в том числе за вовлечение в занятие проституцией и организацию занятия проституцией, что позволяет понять эту проблему в многомерной плоскости и составить о ней более объективное представление.

Ключевые слова: проституция, уголовное право, история развития, генезис, ответственность, история

Существование проституции в нашем государстве, особенно в случаях, связанных с недобровольным ее занятием является одной из важнейших нерешенных социальных проблем современного общества. Если рассматривать статистику, то конечно же точных данных зафиксировать невозможно. Если рассматривать это более детально, то самые печальные случае, это когда в занятие данной деятельности вовлекают детей.

Если рассматривать проституцию, как общественное явление, то она порождалась экономическими причинами. Государство старалось бороться со всем этим явлением, прибегая полицейским методам, были созданы ряд законодательных актов. Особенно актуальным противодействие проституции стало в XVIII в., когда Россия встала на путь европейских преобразований. Было усилено полицейское преследование порочных женщин, их ссылка в отдаленные места страны. Проституткам было категорически запрещено появляться в армии.

В первой половине XIX в. правительство продолжало преследовать проституцию, однако в середине века оно поняло, что это бесполезно и лучше разрешить проституцию, но под строгим надзором полиции и медицинским контролем. Такая политика в этом отношении продолжалась до падения царизма.

Российская государственность изначально боролась с порочными сексуальными явлениями в общественной жизни. Русская Православная Церковь всегда проповедовала идеалы высокой нравственности в отношениях полов, как основы праведной семейной жизни. Ее поддерживали

в этом все другие религиозные конфессии страны. Однако наиболее действенными в борьбе с аморализмом оказывались правовые акты. В российском законодательстве не было термина «проституция» – в правовых документах она называлась «непотребством» и «блудом».

«Соборное Уложение» 1649 г. указывало, что организаторам блудного дела «за такое беззаконное и скверное дело учинити жестокое наказание, бити кнутом». Спустя короткий промежуток времени был принят «Наказ о градском благочинии», который сформировал городскую полицию из 5 «объезжих» и с 10 дворов по одному человеку им в помощники.

Городское благочиние XVII века

"Наказ о градском благочинии" 1649 года учредил особую систему муниципального надзора. Согласно документу, создавались полицейские патрули в составе пяти объезжих и десятских (по одному представителю от 10 дворов). Их обязанностью стало круглосуточное патрулирование городских улиц с целью пресечения:

-Драк и грабежей

-Незаконной торговли алкоголем

-Табакокурения

-Прочих правонарушений, включая проституцию ("блядни")

Сельское правосудие XIX века

"Сельский судебный устав для государственных крестьян" (1839 г.) предусматривал:

1) Привлечение уличенных в проституции к общественным работам

2) Штрафные санкции (1 рубль серебром) для содержателей притонов

3) Арест с содержанием на хлебе и воде

Либерализация середины XIX века

Правительство Николая I инициировало переход от запретительной к регулирующей политике:

1. В 1843 году учрежден Врачебно-полицейский комитет при МВД

2. Введена обязательная регистрация проституток (400 в 1843 г., 1075 к 1852 г.)

3. Утверждены "Правила для содержателей публичных домов" (1844 г.), которые:

-Ограничивали возраст работниц (30-60 лет)

-Запрещали прием несовершеннолетних

-Регламентировали медицинский контроль

4. Введена система "желтых билетов" и обязательных банных процедур.

Пореформенный период

После 1861 года отмечается:

-Массовая урбанизация и рост маргинальных слоев

-Усиление полицейского надзора за уличной проституцией

-Попытки медицинского контроля клиентов (1870-80-е гг.)

-Сохранение коррупционных связей между полицией и сутенерами.

Советский правовой опыт

Уголовное законодательство РСФСР:

1) Криминализировало организацию проституции (ст. 170-171 УК 1922 г.)

2) Устанавливало строгие наказания за вовлечение несовершеннолетних

3) Ввело ответственность за содержание притонов (до 10 лет лишения свободы)

4) Сохраняло двойственные подходы к проблеме в разные периоды

Данные исторические примеры демонстрируют эволюцию государственного подхода от жестких запретительных мер к попыткам регулирования и медицинского контроля, что отражало сложность полного искоренения этого социального явления.

В 1939 году проект УК СССР в статье 291 предлагал введение более строгих наказаний за сводничество и содержание притонов разврата. Это включало лишение свободы на срок до десяти лет с конфискацией имущества или ссылку на тот же срок с конфискацией имущества. Ни одно из УК РСФСР и союзных республик СССР не предусматривало столь строгих наказаний за эти преступления. Теперь наказание за названные преступления стало еще более строгим: лишение свободы на срок до пяти лет с конфискацией всего или части имущества.

С развалом Советского Союза началось интенсивное возобновление притонов разврата и сводничества, а также игорных притонов, что было сопряжено с серьезными последствиями. В Уголовном кодексе РСФСР 1960 года (равно как и в предшествующих версиях) отсутствовала отдельная глава о преступлениях, связанных с нарушением здоровья общества и морали. Ответственность за участие в проституции по– прежнему не предусматривалась, несмотря на ускоренное развитие этого явления.

Правовое регулирование проституции: современные подходы и исторический контекст

В настоящее время в России проституция подлежит исключительно административно-правовому регулированию. На законодательном уровне неоднократно поднимался вопрос о введении уголовной ответственности за занятие проституцией как меры противодействия этому социальному явлению. Однако практика показывает, что результативность уголовно-правовых норм напрямую коррелирует с уровнем

их общественной поддержки. Правовые установления, идущие вразрез с общественными моральными нормами, либо остаются неэффективными, либо вовсе не реализуются на практике. Максимальная эффективность уголовного закона достигается лишь при условии его широкого морального одобрения обществом.

Исторический анализ свидетельствует, что проституция как социальный феномен всегда имела глубокие социально-экономические корни. Российская империя изначально применяла жесткие запретительные меры, сочетая законодательное регулирование с полицейским надзором. Однако невозможность полного искоренения этого явления вынудила власти перейти к политике регулируемой легализации. С середины XIX века была введена система лицензированных публичных домов, находившихся под строгим медицинским и полицейским контролем. Аналогичная практика распространялась и на регионы, включая Среднюю Азию, где проституция существовала задолго до вхождения в состав Российской империи, что подтверждается историческими источниками.

При этом система надзора за легализованной проституцией имела существенные изъяны. Коррупционные схемы позволяли владельцам публичных домов получать покровительство полиции в обмен на денежные вознаграждения. В отдельных случаях местные власти пытались усилить контроль, размещая полицейские посты непосредственно при заведениях, финансируя их содержание за счет владельцев борделей. Однако подобные инициативы были решительно пресечены центральными властями, поскольку противоречили установленному порядку управления полицейскими структурами.

Список цитируемой литературы:

1. Лунькова, Ю.Н. Уголовно-правовая характеристика организации занятия проституцией: выпускная квалификационная работа (бакалаврская работа) студентки 4 курса очной формы обучения по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция / Ю. Н. Лунькова; науч. рук. В. В. Трифанов; Тюм. гос. ун-т, Институт государства и права. – Тюмень, 2018. – 18 с

2. Морозова, Ю.В. Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних: учебное пособие / Ю. В. Морозова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. – С. 46.

3. Морозова, Ю. В. Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних: учебное пособие / Ю. В. Морозова. – Санкт-Петербург: Санкт-

Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. – С. 46.

4. Ларкин, М.А. «Женщина – преступница или проститутка»: взгляд спустя 120 лет /М.А. Ларкин// Библиотека уголовного права и криминологии. – 2014. – № 1 (5). – С. 182.

Павленко С. Ю., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Левашова О.В., канд. юрид. наук, доцент

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАРУШЕНИЯ МЕДИЦИНСКИМИ РАБОТНИКАМИ СВОИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются особенности квалификации таких деяний по действующему законодательству Российской Федерации, выявляются пробелы и коллизии, затрудняющие применение норм уголовного права. Особое внимание уделяется разграничению медицинских ошибок и преступной халатности. В статье обосновывается необходимость совершенствования уголовного законодательства путём внесения изменений, направленных на создание более специализированной системы регулирования ответственности медицинских работников.

Ключевые слова: медицинские работники, профессиональные обязанности, оказание медицинской помощи, уголовная ответственность, неоказание помощи больному, небезопасные услуги, дефекты оказания медицинской помощи, совершенствование законодательства.

Здравоохранение является одной из важнейших сфер общественной жизни. Оказание медицинской помощи связано с высокой степенью ответственности, поскольку действия медицинских работников могут иметь необратимые последствия для пациента. В условиях растущей сложности медицинских технологий, увеличения объёма информации и возрастающих ожиданий общества к качеству медицинской помощи, вопросы уголовно-правовой оценки нарушений профессиональных обязанностей медицинскими работниками приобретают особую актуальность.

Медицинская деятельность – профессиональная деятельность по оказанию медицинской помощи, проведению медицинских экспертиз, медицинских осмотров и медицинских освидетельствований, санитарно-противоэпидемических мероприятий, а также профессиональная деятельность, связанная с трансплантацией органов и (или) тканей, обращением донорской крови и (или) ее компонентов в медицинских целях [3, с. 337].

Действующее уголовное законодательство Российской Федерации, в частности ст. 124 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) "Неоказание помощи больному", а также общие нормы о неосторожном причинении вреда (ст. 109 УК РФ "Причинение смерти по неосторожности", ст. 118 УК РФ "Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности"), не в полной мере учитывают специфику медицинской деятельности. Это приводит к серьёзным трудностям в правоприменительной практике, неоднозначности квалификации, а порой и к несправедливым решениям, как в отношении потерпевших, так и в отношении самих медицинских работников. Целью данной статьи является анализ уголовно-правовой характеристики указанных деяний, выявление проблемных аспектов и предложение конкретных мер по совершенствованию законодательства.

Статья 2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», определяя понятие «медицинская помощь», включает в него в том числе предоставление медицинских услуг. В указанном документе под медицинской услугой понимается медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченное значение [9]. Таким образом, оказание медицинской помощи попадает в том числе и в сферу предоставления услуг (как бы «казенно» и негуманно это ни звучало) [1, с. 138].

Дать грамотную уголовно-правовую оценку деяния медицинского работника можно только лишь через установление правовых предписаний, регламентирующих его поведение при оказании медицинской помощи. Перечень профессиональных обязанностей для каждого вида медицинской деятельности устанавливается приказами Министерства здравоохранения Российской Федерации, которыми утверждены Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих в сфере здравоохранения, Номенклатура должностей медицинских работников и фармацевтических работников, Квалификационные требования к медицинским и фармацевтическим работникам [2, с. 38].

Действующее уголовное законодательство, несмотря на наличие ст. 124 УК РФ, не в полной мере охватывает всю специфику нарушений профессиональных обязанностей медицинскими работниками.

Первой проблемой данной статьи является узость диспозиции ст. 124 УК РФ: статья озаглавлена как "Неоказание помощи больному" и в первой части говорит о "неоказании помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным её оказывать в соответствии с законом или со специальным правилом, если это повлекло по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью больного". Это создаёт трудности с квалификацией случаев, когда помощь была оказана, но ненадлежащим образом (например, неправильно поставлен диагноз, назначено неверное лечение, нарушен протокол операции). Часто такие случаи приходится квалифицировать по общим нормам о неосторожном причинении вреда (ст. 109, 118 УК РФ), что нивелирует специфику профессиональной деятельности.

Разграничение медицинской ошибки и преступной неосторожности – это одна из наиболее острых и дискуссионных проблем. Медицинская ошибка – это добросовестное заблуждение медицинского работника, не связанное с небрежностью или легкомыслием, но повлёкшее неблагоприятный исход. Она является неизбежным элементом любой сложной профессиональной деятельности. Уголовная же ответственность наступает только за преступную неосторожность.

Действующее законодательство не учитывает различия в характере нарушений (например, нарушение организационных правил, диагностические ошибки, лечебные ошибки) и степени их общественной опасности.

Учитывая вышеизложенные проблемы, назрела необходимость системного пересмотра уголовно-правового регулирования ответственности медицинских работников. Предлагаются следующие направления совершенствования законодательства: внесение изменений в статью 124 УК РФ или создание новой специализированной статьи/главы. Необходимо расширение диспозиции ст. 124 УК РФ. Предлагается переименовать статью и расширить её содержание, включив в неё не только "неоказание", но и "ненадлежащее оказание медицинской помощи". В диспозиции статьи или в примечании к ней целесообразно указать примерный перечень видов нарушений: несоблюдение клинических рекомендаций; грубые диагностические ошибки, приведшие к неверному лечению; ошибки при проведении лечебных процедур или оперативных вмешательств; нарушение правил хранения, назначения или применения лекарственных средств; несоблюдение санитарно-эпидемиологических норм, повлёкшее внутрибольничное инфицирование.

Необходима дифференциация ответственности в зависимости от тяжести последствий: деяние, повлёкшее по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью; деяние, повлёкшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью; деяние, повлёкшее по неосторожности смерть одного лица; деяние, повлёкшее по неосто-

рожности смерть двух и более лиц.

Автором предлагается включение квалифицирующих признаков. Например, совершение деяния группой лиц, наличие судимости за аналогичное преступление, совершение деяния в отношении несовершеннолетнего или лица, находящегося в беспомощном состоянии.

Необходимо разработать и закрепить в уголовном законе (например, в примечании к предлагаемой статье) или в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ критерии, позволяющие отграничить добросовестную медицинскую ошибку от преступной неосторожности. Такие критерии могут включать: грубое отступление от общепринятых медицинских стандартов и протоколов, т.е если действия врача были не просто ошибочными, а явно противоречили установленным правилам, которые должны были быть известны специалисту; игнорирование очевидных симптомов или данных обследования, т.е. если медицинский работник не принял во внимание информацию, которая при должной внимательности позволила бы избежать вреда; непринятие мер по предотвращению известных рисков, т.е. если врач не предпринял действий, которые могли бы предотвратить или минимизировать известный риск развития неблагоприятных последствий; отсутствие должной квалификации или опыта, т.е если врач взялся за выполнение процедур, для которых не обладал необходимой квалификацией, и это повлекло вред. Важно подчеркнуть, что неблагоприятный исход сам по себе, без наличия вины в форме легкомыслия или небрежности, не должен являться основанием для уголовной ответственности.

Таким образом, эффективная защита прав пациентов и обеспечение справедливости при привлечении к ответственности медицинских работников требуют комплексного подхода, который будет включать совершенствование законодательства, разработку методических рекомендаций, повышение квалификации экспертов. Только при соблюдении этих условий можно обеспечить баланс между защитой интересов пациентов и созданием условий для нормальной профессиональной деятельности медицинских работников.

Список цитируемой литературы:

1. Заряев, В. А. Историческое развитие и сравнительный анализ уголовно-правовых мер противодействия ятрогенной преступности в России и за рубежом / В. А. Заряев. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского института МВД России. – 2020. – № 4. – С. 176-183.

2. Иванченко, Р. Б. Уголовно-правовой анализ ятрогенных преступлений и практика применения норм уголовного законодательства об ответственности за их совершение / Р. Б. Иванченко. – Текст : непосредственный // Правосудие. – 2020. – С. 33-61.

3. Наумов, А. В. Уголовное право в 2 т. Том 2. Особенная часть: учебник для вузов / А.В. Наумов Текст : непосредственный. – М.: Юрайт, 2020. – 621 с.

Парахин Д. Р., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Соловьева В.В., д-р ист. наук, профессор

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ И ОХРАННЫХ КОМПАНИЙ И КРИТЕРИИ ИХ ЛЕГИТИМНОСТИ

Аннотация

Частные военные и охранные компании (ЧВОК) представляют собой коммерческие предприятия, предоставляющие специализированные услуги, включая защиту, оборону, участие в военных конфликтах, сбор разведывательной информации, стратегическое планирование, логистику и консультирование. Во многих странах мира эти компании считаются наемниками и незаконными организациями, что может привести к уголовной ответственности. Однако, в некоторых странах, таких как Россия, существуют юридические лица с особыми уставными задачами, включающие использование и применение служебного оружия. Частные охранные организации должны быть зарегистрированы в установленном законом порядке и иметь лицензию на осуществление частной охранной деятельности. Несмотря на то, что некоторые страны рассматривают возможность легализации деятельности ЧВК, многие продолжают считать их незаконными.

Ключевые слова: частные военные и охранные компании, вооруженные конфликты

Частные военные и охранные компании (ЧВОК) являются организациями, предоставляющими услуги вооруженной охраны, военной подготовки, консультирования по вопросам безопасности и иных видов деятельности, связанных с обеспечением безопасности физических и юридических лиц. Их деятельность регулируется национальным законодательством и международными нормами, определяющими правовые рамки функционирования таких структур.

Деятельность ЧВОК должна осуществляться исключительно на основании лицензий, выданных компетентными государственными органами страны регистрации компании. Отсутствие соответствующей лицензии

влечет признание деятельности нелегальной. Основным критерием легальности деятельности ЧВОК является получение специальной лицензии. Без наличия такой лицензии любая деятельность подобного рода признается незаконной и влечет серьезные юридические последствия, вплоть до уголовной ответственности руководителей и участников компании. Лицензия служит механизмом государственного контроля за действиями ЧВОК. Компетентные органы имеют возможность отслеживать деятельность компании, проверять соблюдение установленных законом процедур и норм, контролировать оборот оружия и боеприпасами. Наличие лицензии подтверждает законность действий компании и обязует её соблюдать установленные правила и принципы профессиональной деятельности. Несоблюдение правил ведёт к отзыву лицензии и привлечению к ответственности. Организация работы ЧВОК под контролем государства помогает минимизировать риски, связанные с возможным злоупотреблением полномочиями, неконтролируемым оборотом оружия и возникновением хаоса в зонах конфликта. Получив лицензию, компания действует в рамках признанных международных норм и обязательств своей страны. Это повышает доверие иностранных партнеров и заказчиков. При отсутствии лицензии последствия для ЧВОК следующие: признание деятельности нелегальной, возможные штрафные санкции, привлечение к уголовной ответственности должностных лиц и сотрудников компании, конфискация имущества и активов компании, репутационные потери и невозможность дальнейшего законного существования на рынке.

Таким образом, обязательное требование о наличии лицензии защищает интересы общества, государства и самих клиентов, гарантируя профессиональный и ответственный подход к оказываемым услугам.

Компания обязана соблюдать требования государственного регулирования, касающиеся структуры управления, состава сотрудников, учета оружия и боеприпасов, а также отчетности о проведенных операциях. Частная военная организация (ЧВОК), как юридическое лицо, обязана соблюдать законодательство страны регистрации и международного права, формируя четкую структуру управления, обеспечивающую эффективное функционирование и контроль всех процессов. Основными элементами такой структуры являются: Совет директоров несет ответственность за стратегическое руководство деятельностью компании, утверждение основных направлений развития и принятие решений относительно распределения ресурсов; Исполнительные органы обеспечивают оперативное управление всеми подразделениями компании, осуществляют ежедневную координацию работы персонала и следят за выполнением планов и задач; Специализированные департаменты – это подразделения, отвечающие за конкретные направления деятельности (кадровый департамент занимается подбором специалистов и контроли-

рует соответствие квалификации сотрудников необходимым требованиям, финансовый отдел ведет учет доходов и расходов, осуществляет планирование бюджета и обеспечивает своевременное исполнение финансовых обязательств, департамент безопасности разрабатывает меры защиты имущества, объектов и персонала, организует охрану важных объектов и проводит мероприятия по предотвращению угроз, оперативный штаб координирует выполнение конкретных заданий, планирует действия подразделений и поддерживает связь между различными элементами организационной структуры). Каждая позиция внутри структурной иерархии должна быть занята профессионалом, соответствующим высоким критериям компетентности и надежности. Все сотрудники подлежат обязательной проверке на наличие судимостей, политической благонадежности и профессиональной пригодности.

Нарушение правил оборота оружия влечет серьезные правовые последствия вплоть до лишения лицензии на деятельность и привлечения руководства компании к административной либо уголовной ответственности.

Для обеспечения прозрачной и законной деятельности ЧВОК регулярно представляет органам государственной власти детальные отчёты о проведённых операциях. Такая отчётность позволяет государственным инстанциям контролировать соблюдение прав человека и международных норм ведения военных действий (четкое описание целей и задач операции; перечень использованного оборудования и привлеченных человеческих ресурсов; подробные сведения о достигнутых результатах и понесенных потерях (включая человеческие жертвы); анализ возможных нарушений правовых норм и мероприятий по устранению выявленных недостатков). Это служит доказательством легитимности действий компании и снижает риск злоупотреблений властью или незаконных вмешательств.

Деятельность частных военных компаний строго регулируется государством через систему надзора и контроля. Органы исполнительной власти имеют право проводить регулярные проверки документов и активов компании, оценивать качество исполнения возложенных функций и принимать решения о мерах воздействия при обнаружении серьёзных нарушений (проверка достоверности предоставленной документации о сотрудниках и структуре организации; оценка финансовой устойчивости и добросовестности ведения бухгалтерского учёта; контроль наличия разрешительной документации на оружие и имущество компании; рассмотрение результатов проведения расследований по жалобам клиентов или пострадавших сторон). При нарушении обязательных требований государство может временно ограничить или прекратить деятельность компании путём отзыва лицензий и наложения штрафов.

Внутренняя политика ЧВОК должна соответствовать международным нормам и правилам ведения боевых действий, таким как Женевская конвенция и дополнительные протоколы ООН. Это чрезвычайно важная позиция подчёркивает ключевое значение наличия строгого этического кодекса для обеспечения правомерной работы частных военных и охранных компаний.

Действительно, любая серьёзная частная военная организация должна основывать свою внутреннюю политику на универсальных международных правовых принципах и нормативных актах, принятых мировым сообществом, таких как знаменитая Женевская конвенция (1949 г.) и дополнительные Протоколы Организации Объединенных Наций (1977г.), регулирующие деятельность во время вооруженных конфликтов.

Женевская конвенция – это основополагающий документ международного права, регламентирующий защиту прав человека в условиях вооружённого конфликта. Подписанная в Швейцарии ещё в середине XX века, она определяет рамки поведения участников боевых действий и обязательства сторон относительно соблюдения основных прав пострадавших от войны лиц, включая раненых солдат, пленных военнослужащих и мирных жителей.

Конвенция устанавливает чёткие требования к обеспечению безопасности и гуманного отношения к гражданам и военным персоналу, находящимся в зонах боевых действий. Среди ключевых положений документа выделяются запреты на применение насилия против больных и раненых, ограничения на методы ведения боя и обязанности оказания медицинской помощи пострадавшим независимо от принадлежности к какой-либо стороне конфликта.

Эти принципы формируют основу профессиональных отношений между организацией и её клиентами, гарантируют надёжную работу персонала и снижают риски нарушения законодательства и злоупотреблений.

Компании обязаны вести открытый финансовый учет, раскрывать информацию о доходах и расходах, а также предоставлять доступ аудиторам для проверки соблюдения налогового законодательства. Часто доходы ЧВОК поступают от государств и крупных корпоративных структур, работающих в условиях политической нестабильности и высокого риска коррупции. Публичность финансовой отчётности помогает выявлять подозрительные транзакции, предотвращать нелегальное финансирование и разоблачать случаи злоупотреблений властью.

Любые действия ЧВОК должны строго соответствовать законодательству страны пребывания и международным договорам, регулирующим сферу вооруженных конфликтов и операций по поддержанию мира. Действуя в рамках закона, ЧВОК обеспечивают себе защиту от необоснованного преследования и судебного разбирательства. Это создает ста-

бильные условия для работы и уменьшает риски юридических осложнений. Соблюдение местных законов демонстрирует уважение к суверенитету страны пребывания и поддержку её политической линии. Такое поведение положительно воспринимается населением и правительством. Во многих случаях контракты заключаются на основании международных договоров, таких как Соглашение Монтрё или Гаагская конвенция. Выполнение этих обязательств создаёт благоприятные условия для продолжения сотрудничества и сохранения хороших деловых отношений. Юридически чистая деятельность привлекает инвестиции и заказы, увеличивая привлекательность компании для крупных игроков рынка.

Чтобы гарантировать соблюдение законов, ЧВОК используют различные инструменты: каждый сотрудник проходит проверку на предмет законопослушности, предыдущего опыта работы и возможного негативного прошлого; внутри компании внедряются программы этичного поведения, призванные воспитывать сотрудников в духе уважения к местным традициям и обычаям; проводятся регулярные ревизии специалистами правоохранительных органов и правозащитных организаций для выявления возможных нарушений; используются компьютерные программы для отслеживания выполнения законов и стандартов, что упрощает выявление ошибок и недобросовестных действий. Основными источниками права, регулирующими деятельность ЧВОК, являются: национальные законы стран пребывания; Решения Совета Безопасности ООН и резолюции Генеральной Ассамблеи; документы Международной комиссии Красного Креста; двусторонние договоры и соглашения. Каждый контракт с заказчиком также подразумевает детализированные положения о порядке исполнения задания и обязанностях сторон.

Члены руководства и сотрудники компании не должны иметь судимости за совершение серьезных уголовных преступлений, в частности, связанных с терроризмом, организованной преступностью или торговлей оружием. Кандидаты, прошедшие тщательную проверку, доказывают свою честность и надежность, выполняя взятые обязательства строго и добросовестно. Надежный сотрудник способен качественно исполнить контракт, исключая возможность коррупционных схем, хищений ресурсов либо невыполнения поставленных задач. Сотрудники без криминальной истории менее склонны совершать серьезные нарушения закона, способные поставить компанию под угрозу судебного преследования или административных санкций. В результате риск утечки конфиденциальной информации, мошенничества или злоупотребления служебным положением значительно снижается. Работники частных военных компаний часто взаимодействуют с местным населением в различных регионах мира. Члены команды с чистым послужным списком вызывают больше доверия местных жителей, об-

легчают коммуникацию и взаимодействие, снижая вероятность конфликтов и враждебности со стороны местного сообщества.

На практике частные военные компании используют дополнительные инструменты профилактики против возможного проникновения криминальных элементов: регулярный мониторинг аккаунтов кандидата в социальных сетях и открытых источниках сети Интернет; исследование окружения кандидата, изучение кругов друзей и знакомых, связанных с ним профессионально или лично; анализ финансовых операций и имущества кандидата, такие как крупные покупки недвижимости, подозрительно частые банковские переводы и прочее; периодические тесты на детекторе лжи («полиграф») для выявления скрытых намерений или несоответствий информации, представленной ранее.

Несмотря на наличие критериев легитимности, практика показывает ряд проблем, затрудняющих эффективное функционирование ЧВОК:

- недостаточная ясность национальных правовых норм относительно условий выдачи лицензий и полномочий государственных органов контролировать деятельность компаний;

- ограниченная международная юридическая база, определяющая статус ЧВОК в конфликтных регионах и способы урегулирования споров, возникающих в ходе оказания услуг;

- сложности в установлении ответственности сторон договора за повреждения и убытки, понесенные клиентами и третьими лицами в результате действий сотрудников ЧВОК;

- неразрешенные этические вопросы, касающиеся допустимого уровня насилия и методов ведения боя сотрудниками ЧВОК.

Таким образом, для полноценного признания частного военного бизнеса необходима последовательная работа по формированию единого юридического пространства, регулирующего деятельность ЧВОК, а также создание эффективных инструментов надзора и контроля за соблюдением нормативных требований. Частные военные компании находятся под пристальным вниманием государства и общества, что способствует обеспечению высокой степени надёжности и доверия населения к таким организациям.

Список цитируемой литературы:

1. Апухтин, Ю. С. Исторические, политико-правовые, экономические и социальные предпосылки негосударственной защиты безопасности граждан и организаций / Ю.С. Апухтин. – Текст : непосредственный// Жизнь и безопасность. – 2004. – № 2. – С. 8-17.

2. Апухтин, Ю. С. Частные военные компании: глобальная деятельность и проблемы международноправовой ответственности / Ю.С. Апух-

тин. – Текст : непосредственный// Жизнь и безопасность. – 2007. – № 1-2. – С. 81-84.

3. Егорова, А. К. Частные военные и охранные компании или организованные преступные группы / А.К. Егорова. – Текст : непосредственный// Международное уголовное право и международная юстиция. – 2019. – № 6. – С. 28-30.

4. Кашников, Б. Н. Частные военные компании и теория справедливых войн / Б.Н. Кашников. – Текст : непосредственный// Российский научный журнал. – 2011. – № 20. – С. 83-94.

Пасечник К. В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В. М., канд. юрид. наук, доцент

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА И СПЕЦИАЛИСТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация

В данной статье рассмотрены особенности и принципиальные различия эксперта и специалиста как участников уголовного судопроизводства. Особое внимание уделено правам и обязанностям данных участников. Помимо этого, рассмотрены и сходства эксперта и специалиста.

Ключевые слова: эксперт, специалист, уголовный процесс, уголовное судопроизводство, права и обязанности.

Достаточно часто можно услышать мнение, что слова «эксперт» и «специалист» употребляются в едином значении. Стоит начать с определений данных понятий, представленных в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ. Согласно ст. 57 УПК РФ: Эксперт – лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном УПК РФ, для производства судебной экспертизы и дачи заключения. Специалист – лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Сходства данных участников заключается в том, что они оба обладают специальными знаниями, способствующими рассмотрению и разрешению дела, разъясняя определённые вопросы в пределах их компетенций.

Существует мнение, что каждый эксперт является специалистом, но не каждый специалист – экспертом. Анализируя определения, представленные выше, мы понимаем, что проводить экспертизу и давать заключение имеет право только эксперт. Выводы, указанные в экспертизе, относятся к доказательствам и являются неоспоримыми. Суд опирается на заключение эксперта при вынесении решения, это объясняет нам почему эксперт предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, в отличии от специалиста, у него такая ответственность не предусмотрена. Специалист может понести ответственность только за дачу заведомо ложных показаний.

Рассмотрим более подробно чем занимаются эксперт и специалист. Специалист несмотря на то, что не дает заключения, является важным участником процесса. Он способствует своевременному обнаружению важных доказательств, правильному их изъятию, разъясняет важность того или иного материала в деле, отвечает на вопросы касающееся его профессиональной направленности. В современном мире, который постоянно развивается, сложно представить уголовный процесс без специалиста. Безусловно сложно следователю, органу дознания или даже прокурору иметь достаточные знания, например, в информационной системе или инженерии и строительстве. Во всем этом помогает разобраться специалист. Специалист – это всегда объективное лицо, не имеющее никакого отношения к потерпевшему или обвиняемому лицу. Вопросы специалисту могут задавать только стороны, не дознаватель не следователь такого права не имеет. Это подтверждает незаинтересованность следователя в ответах специалиста на задаваемые ему вопросы, а равно подтверждает объективность самого специалиста. Он обладает всеми нужными компетенциями, в этом обязан удостовериться следователь или дознаватель. Компетенции специалиста подтверждаются соответствующими документами, существует определенный перечень таких документов, без них он не может быть допущен к уголовному производству. Однако данный перечь в УПК РФ не представлен, это дает нам понять, что обязанность контроля возлагается на следователя и обуславливается в основном практикой. При нарушении этих требований мнение специалиста не будет играть никакой роли, а доказательства им представленные будут являться недействительными.

Стоит рассмотреть конкретные права и обязанности специалиста, указанные ст. 58 УПК РФ. Специалист вправе:

1) отказаться от участия в производстве по уголовному делу, если он не обладает соответствующими специальными знаниями;

2) задавать вопросы участникам следственного действия с разрешения дознавателя, следователя и суда;

3) знакомиться с протоколом следственного действия, в котором он участвовал, и делать заявления и замечания, которые подлежат занесению в протокол;

4) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права.

Специалист не вправе: уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд, а также разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу в качестве специалиста, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном статьей 161 УПК РФ. За разглашение данных предварительного расследования специалист несет ответственность в соответствии со статьей 310 УК РФ.

Эксперт, лицо роль которого в уголовном процессе можно особенно подчеркнуть. Он так же, как и специалист обязан обладать необходимыми компетенциями и документами. Однако, говоря о компетенциях, стоит отметить, что не должно быть оснований полагать о достаточных знаниях эксперта в области права. Данное требование подтверждает, как и объективность, так и намекает на то, что экспертами в области права должны являться государственные органы участвующие в процессе. Но естественно эксперт может в определенный момент ссылаться на нормативно правовые акты, например, описывая нарушение правил по эксплуатации техники. Контроль за компетенциями возлагается на следователя, если он не считает эксперта профессионалом, то может заявить требование об отводе. Эксперт, участвуя в уголовном процессе проводит свое исследование, изучая представленные материалы, опровергая приведенные сторонами доводы. Это достаточно сложный, масштабный и глубоко профессиональный процесс. Данное исследование и характеризует по моему мнению эксперта, как участника уголовного процесса. Данное лицо, должно быть высоким профессионалом в рамках своих компетенций. Результаты своего исследования эксперт излагает в заключении. Заключение – это некий вердикт касательно обоснованности тех или иных фактов, представленных в процессе расследования сторонами и решение о их допустимости. Помимо этого, в заключении обязательно описывается процесс исследования эксперта, его содержание и результат.

Рассмотрим права и обязанности эксперта, указанные в УПК РФ. Эксперт вправе:

1) знакомиться с материалами уголовного дела, относящимися к предмету судебной экспертизы;

2) ходатайствовать о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения, либо привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов;

3) участвовать с разрешения дознавателя, следователя и суда в процессуальных действиях и задавать вопросы, относящиеся к предмету судебной экспертизы;

4) давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам, хотя и не поставленным в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования;

5) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права;

6) отказаться от дачи заключения по вопросам, выходящим за пределы специальных знаний, а также в случаях, если представленные ему материалы недостаточны для дачи заключения. Отказ от дачи заключения должен быть заявлен экспертом в письменном виде с изложением мотивов отказа.

Эксперт не вправе:

1) без ведома дознавателя, следователя и суда вести переговоры с участниками уголовного судопроизводства по вопросам, связанным с производством судебной экспертизы;

2) самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования;

3) проводить без разрешения дознавателя, следователя, суда исследования, могущие повлечь полное или частичное уничтожение объектов либо изменение их внешнего вида или основных свойств;

4) давать заведомо ложное заключение;

5) разглашать данные предварительного расследования, ставшие известными ему в связи с участием в уголовном деле в качестве эксперта, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ;

6) уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд.

Мы рассмотрели права и обязанности эксперта и специалиста, теперь стоит обратить внимание на их основные и принципиальные различия и проблемы, связанные с этим. Исходя из полномочий эксперта указанных в УПК РФ, мы знаем о праве эксперта давать заключение. Это право особенно отличает эксперта от специалиста, негласно делая первого более значимым и важным в уголовном процессе. Благодаря отсутствию у специалиста такого права возникают вопросы зачем вообще нужен специалист. Многие авторы говорят о том, что роль специалиста сводится к даче консультации по тому или иному вопросу. А так называемым «заключением» специалиста является его суждение или по-другому мнение.

Отсюда вытекает следующая проблема: является ли мнение специалиста и заключение эксперта самостоятельным источником доказательств. Выше мы пришли к выводу, что заключение эксперта – это процессуальный документ, составленный по строго определенным законом требованиям и основан данный документ на глубоком научном исследовании эксперта. Исходя из этого можно сказать, что заключение играет важнейшую роль в уголовном судопроизводстве. На сегодняшний момент можно назвать заключение эксперта самостоятельным источником доказательств. Самый очевидный пример для понимания значимости экспертизы – это медицинская экспертиза о идентификации пятен крови на одежде, о совпадении группы крови, найденной на одежде обвиняемого с кровью потерпевшего. Я прихожу к выводу, что даже если данное заключение является не основополагающим, то абсолютно точно очень значимым доказательством для вынесения судом решения по делу. По мимо этого экспертиза четко регламентирована российским законодательством, а именно Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ. Регулирование и определенность законом говорит о важности и самостоятельности такого явления, как экспертиза.

Поговорим о заключении специалиста. Как мы уже выяснили как такового заключения нет. Оно никак не регламентируется законом и представляет собой лишь доводы, оформленные письменно. Сегодня нет единого мнения основанного на практике о признании заключения специалиста самостоятельным источником доказательств. Отсюда вытекает достаточно большая проблема, вытекающая из практики, основанной на применении заключения специалиста. Многие авторы недовольные отсутствием упоминания заключения специалиста в законодательстве, призывают обратить внимание на некие отличия принятия во внимание судом заключения если оно имеет свое начало по привлечению со стороны обвинения и когда такая инициатива исходит со стороны защиты. Суд принимает заключение во внимание и ссылается на него, когда специалиста привлекает к участию в уголовном судопроизводстве следователь или дознаватель, безусловно если заключение отвечает всем требованиям, в основном связанным с компетенциями специалиста и документами ее подтверждающими. Однако обратная ситуация прослеживается, когда специалист приглашается стороной защиты. Нередко заключение специалиста, привлеченного по инициативе потерпевшего или его адвоката не является доказательством и остается без внимания судом. Чаще всего суд опирается при этом на несоблюдение требований о компетенции специалиста и о несоответствии имеющихся у него документов. Стоит отметить, что нередко суд

и вовсе отказывает в привлечении специалиста для разъяснения определенных вопросов, ссылаясь, например на достаточность показаний свидетелей. Автор Верхотурова С. В. говорит: «Вышеизложенное позволяет говорить о явном ограничении процессуальной возможности стороны защиты по собиранию доказательственной информации в уголовном состязательном процессе и необходимости правовой регламентации порядка предоставления заключения специалиста стороной защиты» [2, с. 77]. Я думаю, что данная проблема нуждается в том, чтобы на нее обратили внимание, например более определенным оформлением заключения специалиста в законодательстве.

В заключении стоит сказать, что несмотря на принципиальные различия эксперта и специалиста как участников процесса они оба играют большую роль в уголовном судопроизводстве. Исходя из рассмотренных мною полномочий данных участников, я пришла к выводу, что сходств у них куда меньше, чем различий. По мнению некоторых авторов эксперт более значимое лицо в уголовном процессе. Я считаю, что это связанно с практикой применения заключений специалиста и эксперта и проблемой, вытекающей из данной практики. Тем не менее не стоит забывать, что это абсолютно разные и самостоятельные участники уголовного процесса.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 года: одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. : [ред. от 21 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921. – Текст : непосредственный.

2. Верхотурова, С. В. О роли специалиста в уголовном процессе / С.В. Верхотурова. – Текст : непосредственный // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2021. – №1 (55). – С. 71–81.

3. Лазарева, Т. С. Особенности правового статуса лиц обладающих специальными знаниями в уголовном процессе / Т.С. Лазарева. – Текст : непосредственный // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – №2. – С. 139–143.

4. Навасардян, А. А. Эксперт и специалист: сходства и различия в процессуальном статусе / А.А. Навасардян. – Текст : непосредственный// Экономика и социум. – 2017. – №2 (33). – С. 1226–1229.

5. Рамазанов, Т. Б. Заключения и показания эксперта и специалиста как доказательства в уголовном судопроизводстве / Т.Б. Рамазанов. – Текст : непосредственный // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2012. – №4. – С. 96–101.

Первушина С. Н., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Соловьева В.В., д-р ист. наук, профессор

ВЛИЯНИЕ ОСОБОГО ПОРЯДКА РАЗБИРАТЕЛЬСТВА НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация

В статье рассматривается влияние внедрения специализированных процессуальных механизмов, таких как ускоренные судебные разбирательства, альтернативное разрешение споров и цифровые судебные процессы, на эффективность, доступность и общую функциональность судебной системы. Исследование подчеркивает важность интеграции инноваций с традициями, выступая в поддержку реформ, которые ставят во главу угла как скорость, так и справедливость. Директивным органам и заинтересованным сторонам в судебной системе настоятельно рекомендуется использовать научно обоснованные рамки для обеспечения того, чтобы процедурные инновации приводили к устойчивым системным улучшениям.

Ключевые слова: эффективность судебной системы, специальные процедуры, ведение дел, правовые реформы, доступ к правосудию.

Современная судебная система сталкивается с необходимостью балансировать между качеством правосудия и оперативностью рассмотрения дел. Одним из инструментов, призванных оптимизировать этот процесс, является особый порядок судебного разбирательства – процедура, применяемая при согласии обвиняемого. Её внедрение направлено на снижение нагрузки на суды, ускорение процедур и экономию ресурсов. Однако влияние данного механизма на общую эффективность системы требует детального анализа, учитывающего как преимущества, так и потенциальные риски.

Особый порядок рассмотрения уголовного дела представляет собой упрощенную процедуру рассмотрения дела, в ходе которой суд не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу. При этом могут быть исследованы обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание (ч.5 ст. 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации – далее по тексту УПК РФ).

Особый порядок, закреплённый в уголовно-процессуальном законодательстве многих стран (например, в ст. 314–316 УПК РФ), предполагает рассмотрение дела без проведения полноценного судебного следствия.

Это возможно, если обвиняемый полностью признаёт вину, а характер дела не вызывает сомнений в доказательной базе. Судья, убедившись в добровольности признания и осознанности действий подсудимого, выносит приговор, который не может превышать две трети максимального срока наказания. Основные цели такой процедуры – сокращение времени на рассмотрение типовых дел, уменьшение бюрократических проволочек и высвобождение ресурсов для сложных процессов. [1]

Рассмотрение уголовного дела в особом порядке возможно лишь по уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести, т.е. по преступлениям, максимальное наказание за которые не превышает 5 лет лишения свободы (ч. 1 ст. З 14 УПК РФ).

Инициатором рассмотрения уголовного дела в особом порядке может быть только обвиняемый, заявивший ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке (ч. 1 ст. З 14 УПК РФ).

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации регламентирует процедуры рассмотрения судами уголовных дел. В главе 40 указанного закона предусмотрена процедура особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением. Особенности применения указанного порядка судопроизводства разъяснены в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел». [2]

Особый порядок может быть применен лишь по инициативе обвиняемого, заявившего ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в связи с согласием с предъявленным обвинением. Ходатайство должно быть добровольным и после консультаций с защитником. Такое ходатайство обвиняемый вправе заявить в момент ознакомления с материалами уголовного дела, а также на предварительном слушании, которое проводится судьей.

При особом порядке суд не проводит исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу (например в суд не вызываются и не допрашиваются свидетели, не исследуются протоколы следственных действий и иные доказательства имеющиеся по делу и подтверждающие виновность лица). При этом исследуются обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, а также смягчающие и отягчающие наказание.

Вместе с тем, в соответствии с ч.7 ст. 316 УПК РФ, судья обязан убедиться в том, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, и подтверждается доказательствами, собранными по делу.

При наличии сомнений судьи в доказанности какой-либо части обвинения, он обязан прекратить процедуру рассмотрения дела в осо-

бом порядке и перейти на общий порядок судебного разбирательства, в ходе которого проверить и дать оценку имеющимся доказательствам, и сделать вывод о виновности или невиновности лица.

Положительные аспекты внедрения. Главным преимуществом особого порядка считается повышение пропускной способности судов. По данным статистики, в России до 60% уголовных дел рассматриваются в упрощённом формате, что позволяет судьям первой инстанции экономить до 30-40% рабочего времени. Это особенно актуально в условиях перегруженности судебных органов: сокращение сроков рассмотрения дел способствует снижению «залеживания» документов и уменьшению очередей [3].

Кроме того, процедура выгодна для участников процесса. Обвиняемый получает гарантированное смягчение наказания, потерпевший – оперативное восстановление нарушенных прав без длительных слушаний. Государство экономит средства на экспертизах, вызовах свидетелей и других процессуальных действиях. Например, в делах о мелких правонарушениях (кражи, ДТП без пострадавших) особый порядок минимизирует издержки всех сторон [5].

Критические точки и риски особого порядка разбирательства в РФ. Упрощённая процедура, предусмотренная ст. 314–316 УПК РФ, несмотря на декларируемые преимущества, содержит системные риски, способные подорвать основы справедливого правосудия. Ключевая проблема – формализация судебного процесса, при которой судья, руководствуясь нормами особого порядка, ограничивается поверхностной проверкой материалов дела. Согласно УПК, суд обязан удостовериться в добровольности признания обвиняемого и достаточности доказательств для вынесения приговора. Однако на практике это требование зачастую сводится к формальному заслушиванию сторон без детального анализа улик. Например, судьи не проводят судебное следствие, не вызывают свидетелей и не исследуют альтернативные версии, полагаясь исключительно на документы, предоставленные следствием. Это создаёт опасность «унаследования» ошибок досудебного этапа, особенно в случаях, когда признание было получено под давлением или вследствие некомпетентности защиты.

Яркой иллюстрацией стали решения Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) в отношении РФ. В 2018 году в деле «Капарти против России» (жалоба № 35020/13) ЕСПЧ установил, что применение особого порядка привело к осуждению заявителя без должной проверки обстоятельств. [7] Следствие основывалось на признании, которое Капарти подписал под психологическим давлением, а суд первой инстанции, не запросив дополнительные доказательства, утвердил приговор. Подобные прецеденты указывают на системную слабость механизмов контроля внутри российской судебной процедуры [4].

Психологическое давление на обвиняемого – ещё один критический аспект. Угроза получения максимального срока в случае отказа от особого порядка вынуждает даже невиновных идти на сделку с правосудием. По данным исследования Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге (2021), до 40% подсудимых соглашаются на упрощённый порядок из-за страха перед последствиями полноценного процесса, особенно при отсутствии средств на квалифицированного адвоката. Это напрямую нарушает принцип презумпции невиновности, закреплённый в ст. 49 Конституции РФ, превращая суд в инструмент «штамповки» обвинительных решений. Ситуация усугубляется тем, что следственные органы зачастую используют согласие на особый порядок как показатель «успешности» раскрытия преступления, создавая стимулы для манипуляций.

Влияние на эффективность судебной системы в российском контексте двойственно. С одной стороны, статистика Судебного департамента при ВС РФ подтверждает, что особый порядок позволяет ежегодно рассматривать до 65% уголовных дел, сокращая сроки в среднем с 3 месяцев до 2 недель. С другой – качество таких решений остаётся под вопросом. Например, в 2022 году лишь 12% приговоров, вынесенных в упрощённом порядке, были обжалованы, что связано не с их безупречностью, а с отсутствием у осуждённых ресурсов для апелляции. При этом Второй кассационный суд общей юрисдикции в 2021–2023 гг. отменил 7% обжалованных приговоров по особому порядку из-за процессуальных нарушений, включая не добровольность признания и недостаток доказательств. (см. Диаграмму 1)

Для снижения рисков Пленум ВС РФ в Постановлении № 35 от 27.11.2019 рекомендовал судам активнее проверять соответствие доказательств требованиям допустимости и достаточности даже в рамках особого порядка. Однако отсутствие чётких критериев такой проверки на законодательном уровне оставляет её на усмотрение судей, чья загруженность зачастую вынуждает игнорировать «неудобные» вопросы [6].

Таким образом, особая процедура, оставаясь инструментом разгрузки системы, требует глубокой модернизации. Введение обязательной аудио- и видеозаписи допросов, расширение полномочий суда в оценке доказательств и усиление гарантий для обвиняемых могли бы снизить риски, сохранив преимущества процессуальной экономии. Без этого баланс между эффективностью и справедливостью останется декларативным.

Для усиления позитивного влияния особого порядка необходим комплекс мер. Во-первых, обязательное видеозаписывание допросов обвиняемых, чтобы исключить давления на стадии следствия. Во-вторых, расширение полномочий судей: даже в упрощённом порядке

они должны проверять достаточность доказательств, а не слепо полагаться на обвинительное заключение. В-третьих, повышение информированности граждан о правах при согласии на особый порядок – разъяснительная роль адвокатов здесь ключевая.

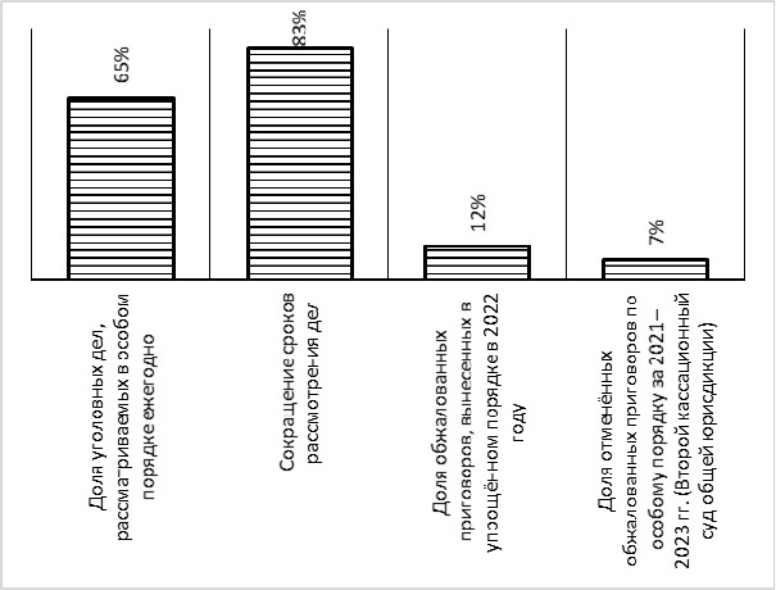

Диаграмма 1. Аналитические данные

Заключение

Особый порядок разбирательства – важный, но не универсальный инструмент. Его эффективность зависит от сбалансированности между процессуальной экономией и защитой прав участников. Чтобы избежать превращения суда в «конвейер», необходимо дополнять упрощённые процедуры гарантиями качества и прозрачности. Только тогда судебная система сможет сочетать оперативность с подлинным правосудием, укрепляя доверие общества.

Список цитируемой литературы:

1. Боярская, А. В. Доказывание в упрощённых судебных производствах уголовного процесса России : монография. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2022. – 257 с.

2. Булыгин, А. В. Специфика доказывания при особом порядке судебного разбирательства. – Современное право. – 2022. – № 1. – С. 124–127.

3. Свиридов, М. К., Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в Российской Федерации. – Томск : Издат. дом ТГУ, 2019. – 348 с.
4. Качалова О. В. Виды ускоренного производства в российском уголовном процессе. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 248 с.

Поплевин И.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Волгоградский филиал, г. Волгоград
Шевчук И.В., канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Волгоградский филиал, г. Волгоград

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Аннотация

Статья направлена на анализ процессуального статуса следователя как одного из важных участников уголовного судопроизводства. В данной работе акцентировано внимание на определение его процессуальной самостоятельности и приводятся положения, доказывающие её относительность. На основе мнений процессуалистов и норм УПК РФ объясняется необходимость некоторого ограничения процессуальной самостоятельности следователя для обеспечения эффективного расследования и раскрытия преступлений.

Ключевые слова: следователь, процессуальная самостоятельность, предварительное следствие, руководитель следственного органа, независимость деятельности следователя.

Разработанный в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации статусный порядок действий должностных лиц широк и действенен; однако, в сущности, представляя реализацию производства по делу (и уголовное преследование в принципе), становится ясным факт того, что лицо, наделенное, казалось бы, отличными от других правомочиями, не столь самостоятельно наяву. Процессуальная самостоятельность должностных лиц, участвующих в процессе, как объект исследования затрагивается специалистами уже не первый десяток лет; написано много научных работ с той поры, когда в науке зародились первые представления о самостоятельности следователя, в

связи с чем вопрос об особенностях процессуальной самостоятельности данного лица вызывает большой интерес.

На законодательном уровне термин «процессуальная самостоятельность» закрепления не получил. В науке определение данного понятия тоже не столь распространено. Считаем, что под процессуальной самостоятельностью понимается один из базовых принципов деятельности правоохранительных органов и должностных лиц, дающих им возможность самостоятельно принимать решения по вопросам, входящим в их профессиональную компетенцию, по рассмотрению и разрешению конкретного дела.

Ранее в научных статьях некоторых авторов применялась попытка дать определение процессуальной самостоятельности следователя. Так, по мнению Левина А.А., под процессуальной самостоятельностью следователя понимаются полномочия, благодаря которым обеспечивается защита его внутренних убеждений и отстаивание собственного мнения. С одной стороны, определение логичное и весьма убедительное. Однако прочитав его, не совсем понятно, о каких именно полномочиях идёт речь, ведь не весь перечень, приведённый в ст. 38 УПК РФ характеризует самостоятельность деятельности следователя [2].

В работе Степанова Б.Б. утверждается, что процессуальная самостоятельность следователя – это один из принципов уголовного процесса, суть которого заключается в самостоятельном определении следователем хода расследования уголовного дела. На наш взгляд, данное определение носит субъективный характер, поскольку утверждение о том, что процессуальная самостоятельность – принцип уголовного процесса, является спорным. Скорее всего, автор имели в виду принципы осуществления деятельности следователя, а не всего уголовно-процессуального права [6].

Исходя из приведенных примеров, считаем, что корректно будет объединить две точки зрения и построить следующее определение процессуальной самостоятельности: «Процессуальная самостоятельность следователя – один из базовых принципов осуществления следователем своей деятельности, который заключается в наделении данного должностного лица кругом полномочий, позволяющих ему самостоятельно принимать решения по вопросам, связанным с осуществлением досудебного производства».

Процессуалисты находят отражение самостоятельности в том, что, благодаря своей инициативности и основе на собственных убеждениях, следователь способен принимать конкретные по делопроизводству решения, способствующие успешному раскрытию и расследованию преступления. Также одна из гарантий самостоятельности следователя закреплена в ФЗ «О следственном комитете Российской Фе-

дерации», согласно которой «сотрудники Следственного комитета не обязаны давать какие-либо объяснения по существу находящихся в их производстве дел и материалов», что также характеризует его статус как процессуально самостоятельного лица [10]. По мнению Б.Б. Степанова, следователь наделен «изначальной самостоятельностью», т.е. возможностью самому принимать решения даже в случае необходимости получения согласия прокурора или суда [6].

Тем же моментом, говоря о проблеме самостоятельности, мы имеем ввиду, что на этапах предварительного следствия действия следователя могут быть ограничены Уголовно-процессуальным законом, что выражается, к примеру, в необходимости судебного решения для проведения конкретного следственного действия или же согласие руководителя относительно процессуальных сроков производства по делу. Однако, в научном исследовании мы сталкиваемся ещё и с прокурором.

Так, автор научной статьи Ромашко А. Н. пишет: «Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ избавляет следователя от обязанности следовать указаниям прокурора, согласовывать с ним решение о возбуждении уголовного дела, о возбуждении перед судом ходатайства, которое связано с выбором мер пресечения. У прокурора после нововведений остается только право надзора за законностью решений, действий (бездействия) следователя и проверки полноты, всесторонности, объективности и законности проведенного расследования в конце досудебного производства» [4].

С одной стороны, можно сказать, что следователь – фигура, действующая с ключевой ролью на этапе предварительного расследования. Мы видим, что в УПК РФ следователю присущ к реализации множественный блок задач и полномочий, определенный статьей 38 настоящего Кодекса. К примеру, таковыми можно считать полномочия, направленные к дознавателю (п.п. 4-4.1 (о поручениях)), а также те, что определены его правами в возбуждении уголовного дела и отказе в его возбуждении [9].

Однако, наряду с такими, как кажется, «привилегиями» следователя, в той же статье, а именно в части 3 прослеживается, что в случае несогласия с требованиями прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, следователь обязан представить свои письменные возражения руководителю следственного органа, который информирует об этом прокурора. Согласно мнению П. М. Стольникова, процессуальная самостоятельность следователя не является абсолютной и ограничивается сложным механизмом ведомственного и судебного контроля, а также прокурорского надзора [7].

Вышесказанное показывает, что следователь – лицо относительно (не абсолютно) зависимое. К такому выводу приводит зависимость следователя от руководителя следственного органа и прокурора, причем последний, хоть и осуществляя лишь прокурорский надзор и уголовное преследование, является главенствующим механизмом, контролирующим любое процессуальное событие, происходящее в связи с исполнением должностными лицами своих полномочий.

В юридической доктрине процессуальная самостоятельность следователя, как правило, рассматриваться в двух аспектах:

– как исследователя (на этапе возбуждения уголовного дела);

– как участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения (на этапе предварительного следствия) [5].

Без этих аспектов следователю было бы проблематично направлять ход расследования и объективно влиять на исполнение подчиненными их полномочий, реализация которых способствует точечному, глубоко верному расследованию преступления. В связи с этим, делается по данной части вывод о том, что следователю как одной из основных фигур в стадиях предварительного расследования процессуальная самостоятельность просто необходима, ведь на конечный исход дела (приговор суда) в большей степени будет оказывать влияние собранная доказательственная база, которая, в свою очередь, формируется подконтрольно следователем ввиду его главенствующей роли процессуального производства по делу с последующей передачи материалов дела прокурору [11].

И все же, процессуальная самостоятельность следователя невелика в части осуществления некоторых функций, связанных, к примеру, с исполнением приговора в части гражданского иска, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества следователь с согласия руководителя следственного органа возбуждает перед судом ходатайство о наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия [8]. Как видно, следователь несамостоятелен в отношении того, что ему приходится согласовывать с вышестоящим должностным лицом (органом) свои действия, которые сам он обязан исполнять.

Ранее зависимость следователя от прокурора была более ощутимой, поскольку последнему принадлежали ведомственные полномочия, которые в данный момент осуществляет руководитель следственного органа. Такой вывод можно сделать на основе анализа ст. 39 УПК РФ, в которой прослеживается существенная процессуальная зависимость следователя непосредственно от руководителя следственного органа [3]. Впрочем, это закономерно, поскольку в любой системе ор-

ганов действует принцип подчинения нижестоящих должностных лиц вышестоящим. В то же время следователь обладает правом обжалования решения своего руководителя в случае несогласия с ним [1].

И всё же зависимость от руководителя следственного органа может повлечь за собой ряд проблем. К примеру, одна из таких – несрочность исполнения задач. Согласование в процессе приведет к увеличению срока осуществления функций, что негативно отразится на скорости расследования преступления (исполнения уже назначенных мер).

Безусловно, процессуальная самостоятельность следователя должна иметь определенные ограничения. В УПК РФ содержится право участвующих в процессе лиц обжаловать принятое следователем решение в случае несогласия с ним. Это, кстати, отвечает принципам уголовного судопроизводства, тем самым давая участникам процесса возможность оценивать деятельность правоохранителя (в лице следователя), как факт, прокурору под силу при несогласии с выводами следствия отправлять материалы дела на повторное исследование с целью устранения ошибок, допущенных в том или ином фрагменте уголовного дела.

Полагаем, что, ведя речь о процессуальной самостоятельности следователя, фактически мы скорее говорим о его независимости, поскольку вмешательство в осуществляемую им деятельность является недопустимым и может повлиять на исход разрешаемого дела. Некоторое же ограничение самостоятельности необходимо для разрешения задач уголовного судопроизводства и соблюдения всех процессуальных гарантий.

Подытоживая все вышеизложенное, стоит отметить, что процессуальная самостоятельность следователя – объект исследования крайне важный, отвечающий требованиям научного интереса любого процессуалиста. Процессуальная самостоятельность служит гарантией успешного проведения предварительного следствия, а также обеспечивает уверенность в обоснованности и законности принимаемых процессуальных решений и действий. Однако, завершая анализ, сказать также нужно о том, что такая самостоятельность действительно должна быть соизмерима с правами и обязанностями других лиц в процессе. Ограничения, направленные на следователя и реализацию им собственных функций, скорее, являются сдерживающими: это обосновывает подотчетность следователя вышестоящим органам в части того, что действия должны быть согласованы, проверены и подконтрольны. В противном случае, следователь мог бы допустить оплошность с иными составляющими, которая поспособствует необъективному и неточному расследованию преступлению и разрешению уголовного дела судом.

Список цитируемой литературы:

1. Лобач, Е. О. Процессуальная самостоятельность следователя / Е. О. Лобач. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 51 (393). – С. 232-235.

2. Ромашко, А. Н. Процессуальная самостоятельность следователя в уголовном процессе / А. Н. Ромашко. – Текст : непосредственный // Новый юридический вестник. – 2019. – № 5 (12). – С. 34-36.

3. Стольников, П. М. Соотношение процессуальной самостоятельности следователя и полномочий руководителя следственного органа / П. М. Стольников. – Текст: непосредственный // Научный портал МВД России. – 2020. – № 2. – С. 54–58.

Попов С. С., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Климов А. С., канд. юрид. наук, доцент

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЦЕЛЕВОГО РАСХОДОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ

Аннотация

Статья посвящена актуальным вопросам квалификации нецелевого расходования бюджетных средств в российской правовой системе. Рассматриваются нормативно-правовые основания ответственности за подобные нарушения, анализируются критерии разграничения нецелевого использования от иных видов бюджетных правонарушений. Особое внимание уделяется судебной практике по делам о нецелевом использовании бюджетных средств и проблемам доказывания состава данного правонарушения. Автор исследует систему мер по предупреждению нецелевого расходования бюджетных средств, включая организационные и технологические аспекты финансового контроля. Материал представляет интерес для юристов, экономистов, государственных и муниципальных служащих, а также всех специалистов, занимающихся вопросами бюджетного контроля.

Ключевые слова: бюджетные средства, нецелевое использование, бюджетные правонарушения, финансовый контроль, бюджетный кодекс, административная ответственность, уголовная ответственность, судебная практика.

Нецелевое использование бюджетных средств представляет собой серьезное нарушение финансовой дисциплины, которое не только подрывает доверие к государственным институтам, но и снижает эффективность реализации важных социально-экономических программ. В условиях постоянного совершенствования бюджетного законодательства и ужесточения контроля за расходованием государственных средств вопросы правильной квалификации таких нарушений приобретают особую актуальность.

Понятие нецелевого расходования бюджетных средств закреплено в статье 289.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации. Согласно данной норме, под нецелевым использованием понимается направление денежных средств на цели, не соответствующие условиям их получения, определенным в бюджетной росписи, договоре или ином документе, служащем основанием для выделения бюджетных ассигнований. При этом важно понимать, что не любое нарушение бюджетного законодательства автоматически квалифицируется как нецелевое использование средств.

На практике наиболее распространенными случаями нецелевого расходования являются: использование средств не по целевому назначению, указанному в бюджетной документации; приобретение товаров, работ или услуг, не предусмотренных утвержденной сметой расходов; направление бюджетных средств на финансирование коммерческих проектов; завышение стоимости государственных контрактов; а также использование бюджетных ассигнований на личные нужды должностных лиц. Особую сложность представляет доказывание умысла в действиях нарушителей, что нередко приводит к судебным спорам и различным толкованиям правовых норм.

Российское законодательство предусматривает три вида ответственности за нецелевое использование бюджетных средств: административную, уголовную и гражданско-правовую. Административная ответственность установлена статьей 15.14 Кодекса об административных правонарушениях РФ и предусматривает наложение значительных штрафов как на должностных лиц, так и на организации. Уголовная ответственность по статье 285.1 Уголовного кодекса РФ наступает в случаях особо крупного ущерба и может повлечь за собой не только крупные штрафы, но и реальные сроки лишения свободы. Гражданско-правовая ответственность выражается в обязательстве возместить причиненный ущерб в полном объеме.

Судебная практика по делам о нецелевом использовании бюджетных средств достаточно обширна и неоднозначна. Арбитражные суды регулярно рассматривают иски о взыскании нецелево использованных средств, при этом важное значение имеет правильное опреде-

ление размера ущерба и установление вины конкретных должностных лиц. Верховный Суд РФ в своих постановлениях неоднократно обращал внимание на необходимость тщательного анализа всех обстоятельств дела и разграничения нецелевого использования средств от других нарушений бюджетного законодательства.

Для эффективного противодействия нецелевому использованию бюджетных средств необходима комплексная система мер, включающая в себя как профилактические, так и контрольные мероприятия. К числу наиболее важных следует отнести совершенствование системы внутреннего финансового контроля в государственных учреждениях, повышение прозрачности бюджетного процесса, внедрение современных методов финансового аудита, а также усиление персональной ответственности руководителей за целевое использование вверенных им средств. Особое значение имеет развитие системы электронного документооборота и цифровых технологий контроля, позволяющих в режиме реального времени отслеживать движение бюджетных средств.

В заключение следует отметить, что борьба с нецелевым использованием бюджетных средств требует постоянного внимания со стороны законодателей, правоохранительных органов и контролирующих инстанций. Только системный подход, сочетающий совершенствование нормативной базы, усиление контрольных механизмов и повышение профессиональной ответственности участников бюджетного процесса, может обеспечить эффективное решение этой важной задачи. При этом особое значение имеет не только наказание за уже совершенные нарушения, но и создание такой системы бюджетного управления, которая минимизирует саму возможность нецелевого расходования государственных средств.

Список используемой литературы:

1. Алексеев, А. П. Ответственность за нецелевое использование бюджетных средств: современные проблемы правоприменения / М.: Финансовое право. 2022. – 45-52 с.

2. Борисов, В. Н. Комментарий к Бюджетному кодексу Российской Федерации (постатейный) – М.: Юстицинформ. 2023. – 568 с.

3. Васильева, Е. Ю. Административная ответственность за нарушения бюджетного законодательства: теория и практика – СПб.: Питер. 2021. – 256 с.

Прохорова А.С., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Суханова И.Ю., старший преподаватель

АНАЛИЗ ЖЕРТВ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ: КТО ПОДВЕРЖЕН РИСКУ

Аннотация

В статье рассматриваются типологические характеристики лиц, наиболее подверженных риску стать жертвами киберпреступлений в современных условиях цифровизации общества. Проанализированы факторы, влияющие на виктимность в цифровой среде, включая социально-демографические, поведенческие и технологические аспекты. На основе проведенного анализа предложена авторская классификация признаков потенциальных жертв киберпреступлений, способствующая разработке эффективных мер виктимологической профилактики.

Ключевые слова: киберпреступность, виктимность, виктимологическая профилактика, информационная безопасность, цифровая гигиена, киберриски.

В условиях стремительного развития информационно-коммуникационных технологий и перехода значительной части общественных отношений в цифровое пространство проблема защиты от киберпреступлений приобретает особую значимость. Согласно данным МВД России, в 2022 году количество преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, составило более 500 тысяч случаев, причем показатель ежегодно демонстрирует устойчивый рост [6]. Определение типологии жертв киберпреступлений и факторов виктимности в цифровой среде является необходимым условием для разработки эффективных мер правовой защиты и виктимологической профилактики в данной сфере [5].

Киберпреступность представляет собой динамично развивающийся феномен, характеризующийся высокой латентностью и постоянной трансформацией форм противоправной деятельности. В отличие от традиционных преступлений, киберпреступления не ограничены географическими границами и физическим контактом между преступником и жертвой, что существенно расширяет круг потенциальных потерпевших [2].

Исследование виктимологических аспектов киберпреступности требует комплексного подхода, учитывающего как общие закономерности виктимизации, так и специфические факторы, характерные

именно для цифровой среды [1]. Анализ практики противодействия киберпреступлениям позволяет выделить несколько основных категорий лиц, наиболее подверженных риску стать жертвами противоправных деяний в виртуальном пространстве.

Возрастной фактор играет значительную роль в определении уровня виктимности в цифровой среде. К группам повышенного риска можно отнести:

1. Несовершеннолетних пользователей. Данная категория характеризуется высоким уровнем вовлеченности в цифровые коммуникации при недостаточном опыте распознавания потенциальных угроз. Подростки часто становятся жертвами различных форм кибербуллинга, сексуальных домогательств в сети, а также мошенничества в онлайн-играх и социальных сетях.

2. Лиц пожилого возраста. Эта группа демонстрирует наименьший уровень цифровой грамотности при одновременном наличии финансовых ресурсов, что делает их привлекательной целью для киберпреступников. Согласно статистическим данным, пожилые люди чаще становятся жертвами фишинговых атак, телефонного мошенничества с использованием методов социальной инженерии, мошенничества с банковскими картами.

Уровень образования и цифровой грамотности также выступают значимыми детерминантами виктимности. Исследования показывают обратную корреляцию между уровнем информированности о правилах цифровой безопасности и вероятностью стать жертвой киберпреступления. При этом важно отметить, что высокий общеобразовательный уровень не всегда коррелирует с навыками безопасного поведения в цифровой среде.

К ключевым поведенческим факторам, повышающим риск виктимизации, относятся:

1. Чрезмерная открытость при размещении персональной информации в сети. Размещение сведений о финансовом положении, графике передвижений, фотографий документов и других конфиденциальных данных значительно повышает вероятность стать жертвой различных форм киберпреступлений.

2. Недостаточное внимание к защите учетных данных. Использование простых паролей, одинаковых комбинаций для различных сервисов, игнорирование двухфакторной аутентификации создают благоприятные условия для несанкционированного доступа к личным аккаунтам.

3. Некритичное отношение к информации, получаемой из непроверенных источников. Повышенная доверчивость пользователей часто эксплуатируется при проведении фишинговых атак и реализации других мошеннических схем в цифровой среде.

4. Рискованное онлайн-поведение, включающее посещение непроверенных ресурсов, скачивание программного обеспечения из непроверенных источников, переход по подозрительным ссылкам.

В научной литературе отмечается, что поведенческие факторы зачастую имеют решающее значение при определении вероятности виктимизации, при этом они в большей степени поддаются коррекции по сравнению с социально-демографическими характеристиками [4].

Определенные профессиональные группы и социальные роли связаны с повышенным риском стать объектом целенаправленных кибератак:

1. Сотрудники финансовых учреждений, имеющие доступ к платежным системам и счетам клиентов.

2. Представители государственной власти и управления, обладающие ценной информацией и полномочиями.

3. Руководители и сотрудники IT-подразделений крупных компаний, через которых может быть получен доступ к корпоративной инфраструктуре.

4. Пользователи с высоким уровнем финансового благосостояния, являющиеся привлекательной целью для киберпреступников в силу потенциально высокой финансовой отдачи.

В данном контексте важно отметить феномен «целенаправленного фишинга» (spear phishing), при котором атаки тщательно планируются с учетом индивидуальных характеристик конкретной жертвы, что существенно повышает их эффективность.

Уровень технической защищенности устройств и программного обеспечения пользователя играет существенную роль в определении вероятности успешной реализации киберугроз:

1. Использование устаревшего программного обеспечения с известными уязвимостями.

2. Отсутствие или неэффективная настройка средств защиты (антивирусного ПО, файерволов и т.д.).

3. Подключение к незащищенным публичным Wi-Fi сетям без использования дополнительных средств защиты.

4. Использование нелицензионного программного обеспечения, потенциально содержащего вредоносные компоненты.

На основе проведенного анализа предлагается следующая классификация признаков, характеризующих потенциальных жертв киберпреступлений:

1. Признаки информационно-поведенческой виктимности:

– информационная неосмотрительность (склонность к раскрытию конфиденциальной информации);

– цифровая некомпетентность (отсутствие базовых знаний о принципах информационной безопасности);

– технологическая небрежность (игнорирование мер защиты имеющихся технических средств);

– коммуникативная неизбирательность (готовность вступать в контакт с неизвестными лицами в цифровой среде);

2. Признаки когнитивно-психологической виктимности:

– цифровой конформизм (некритичное следование моделям поведения в цифровой среде);

– гиперболизированное доверие (повышенная склонность доверять информации из цифровых источников);

– темпоральная импульсивность (склонность к принятию поспешных решений в условиях искусственно создаваемого дефицита времени);

– экономическая иррациональность (готовность к финансовым транзакциям в ситуациях с признаками мошенничества).

3. Признаки социально-ситуативной виктимности:

– информационная изолированность (отсутствие регулярного информирования о новых видах киберугроз);

– цифровая публичность (чрезмерная представленность в публичном информационном пространстве);

– статусно-ролевая привлекательность (наличие доступа к защищаемой информации или финансовым ресурсам);

– технологическая уязвимость (использование устаревших или небезопасных технических и программных средств).

Предложенная классификация может служить основой для разработки дифференцированных подходов к виктимологической профилактике киберпреступлений с учетом индивидуальных характеристик потенциальных жертв.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что виктимность в сфере киберпреступлений представляет собой комплексное явление, детерминированное сочетанием социально-демографических, поведенческих, профессиональных и технологических факторов. При этом наибольшее значение имеют поведенческие аспекты и уровень цифровой грамотности пользователей, что определяет приоритетные направления виктимологической профилактики.

Предложенная авторская классификация признаков потенциальных жертв киберпреступлений, включающая информационно-поведенческие, когнитивно-психологические и социально-ситуативные характеристики, создает теоретическую основу для разработки эффективных мер правовой защиты и снижения уровня виктимизации населения в цифровой среде.

Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на эмпирическую верификацию выявленных закономерностей, а также на разработку конкретных методик виктимологиче-

ской профилактики киберпреступлений с учетом специфики различных категорий потенциальных жертв.

Список цитируемой литературы:

1. Бессонов, В. А. Виктимологические аспекты предупреждения преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 3. – С. 108-113.

2. Гаврилов, Б. Я. Противодействие киберпреступности: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты // Российский следователь. – 2018. – № 2. – С. 8-12.

3. Евдокимов, К. Н. Актуальные вопросы предупреждения компьютерной преступности в Российской Федерации // Российский следователь. – 2015. – № 10. – С. 24-29.

Пряников И.Д., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Егоров В.А., канд. пед. наук, доцент

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО МОНИТОРИНГА ПОДНАДЗОРНЫХ ЛИЦ В РОССИИ

Аннотация

Работа посвящена рассмотрению исторического развития системы электронного мониторинга поднадзорных лиц в России. Автором анализируются ключевые этапы внедрения технологий слежения за подконтрольными лицами, их нормативно-правовое регулирование, а также влияние на пенитенциарную систему и общество в целом. Особое внимание уделено эволюции электронных браслетов, спутникового контроля и биометрических методов в контексте уголовно-исполнительной политики РФ.

Ключевые слова: электронный мониторинг, уголовно-исполнительная система, контроль поднадзорных лиц, хулиганский мотив, квалифицирующий признак, история развития электронного мониторинга.

Электронный мониторинг поднадзорных лиц представляет собой систему контроля за перемещениями и поведением лиц, находящихся под следствием, осужденных условно или отбывающих наказание в виде ограничения свободы.

В России внедрение таких технологий началось сравнительно недавно, однако за последние два десятилетия система претерпела значительные изменения. Для углубленного понимания феномена электронного мониторинга за подконтрольными лицами представляется целесообразным проследить его исторические этапы развития в России, выявить основные правовые и технологические аспекты его применения, а также оценить эффективность данной меры в целом с учетом современных реалий.

Начальным этапом (1990-е-2000-е годы) принято считать не само «внедрение» электронного мониторинга, а предпосылки и начало первых экспериментов в данной области.

В 1990-е годы в России начались дискуссии о необходимости альтернатив лишению свободы в связи с «переполненностью» мест лишения свободы. Кроме того, начался упор глобального характера, направленный на гуманизацию. Так, первые попытки внедрения электронного контроля относятся к середине уже 2000-х годов, когда в ряде регионов (к примеру, в Москве и Татарстане) были запущены пилотные проекты с использованием GPS-трекеров.

В 2009 году в Уголовно-исполнительный кодекс (УИК) РФ были внесены изменения, разрешающие применение технических средств надзора, что, в свою очередь, стало отправной точкой для «легализации» электронного мониторинга.

После этого можно говорить о законодательном закреплении систем электронного мониторинга и о расширении данной системы (преимущественно 2010-е годы).

В 2010 году ФСИН России начала масштабное внедрение электронных браслетов для контроля за осужденными к условному наказанию и домашнему аресту. Законодательные изменения выразились в уточнении порядка применения технических средств надзора, а также в утверждении правил использования электронных устройств.

К середине первого десятилетия двадцать первого века система охватила большинство регионов, а к 2018-му году электронный мониторинг применялся уже к тысячам поднадзорных. В частности, технические устройства того периода включали в себя: радиочастотные браслеты (с целью контроля за выходом из определенной зоны), а также GPS-трекеры (для отслеживания перемещений в режиме реального времени).

С начала 2020 г. принято говорить о «современном этапе» развития системы электронного мониторинга, подоплекой чему явились цифровизация и развитие новых технологий. С указанного периода речь идет об электронном мониторинге как о части цифровой трансформации уголовно-исполнительной системы. Основные тенденции

развития, как отмечается в научно-исследовательской и проектной среде, включают в себя следующие аспекты:

1. Использование специальных платформ и приложений.

2. Биометрическая идентификация.

3. Внедрение искусственного интеллекта (в частности – прогнозирование нарушений на основе данных).

Из существующих на сегодняшний день недостатков называют технические сбои (проявляющиеся в потери сигнала и ложных срабатываниях); правовые коллизии (в частности, вопросы защиты персональных данных).

В заключение, отечественная история становления и развития системы электронного мониторинга поднадзорных лиц отражает общемировую тенденцию к гуманизации наказаний и цифровизации контроля. Несмотря на существующие в настоящее время недостатки, электронный мониторинг доказывает свою эффективность в качестве альтернативной меры. Представляется логичным вывод о том, что дальнейшее развитие данной системы будет зависеть от технологических и правовых инноваций.

Кроме того, как справедливо отмечает Р.В. Комбаров «Следует отметить отсутствие четких инструкций, регулирующих порядок применения технических средств надзора и контроля в отношении осужденных к ограничению свободы. Данные инструкции необходимы в целях единообразного понимания и выполнения требований уголовно-исполнительного законодательства. Кроме того, инструкции, регулирующие порядок применения технических средств надзора и контроля в отношении осужденных к ограничению свободы, должны содержать положения, исключающие применение электронных браслетов по медицинским показаниям (например, наличие аллергической реакции, кардиостимулятора)» [3, с. 96].

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. [ред. от 28 февраля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Российская Федерация. Законы. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы : Федер. закон от 06 апреля 2011 г. № 64-ФЗ: принят Гос. Думой 25 марта 2011 г. : одобрен Советом Федерации 30 марта 2011 г. [ред. от 06 апреля 2024 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 15. – Ст. 2037.

3. Комбаров, Р.В. Проблемы электронного мониторинга за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы / Р.В. Комбаров // Уголовно-исполнительное право. – 2015. – № 4. – С. 95-99.

Рева К. Д., студент
Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар
Цапина В.А., студент
Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар
Научный руководитель – Хорольский Г.В., канд. юрид. наук

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ЦЕЛИ, ЦЕННОСТИ, МЕТОДЫ

Аннотация

В статье рассматривается влияние трансформационных процессов на личностные ориентиры и поведенческие установки граждан, с акцентом на причины и последствия преступлений против личности. Автор исследует, как разрушение традиционных ценностей, снижение роли социальных институтов и рост цифровизации влияют на девиантное поведение. Особое внимание уделено анализу уголовно-правовых мер, направленных на адаптацию к новым социальным реалиям.

Ключевые слова: формирование личности, преступления против личности, девиантное поведение, уголовное законодательство.

Современное общество переживает период глубоких трансформаций, обусловленных социально-экономическими, политическими и культурными изменениями. Эти процессы оказывают значительное влияние на формирование личности, её ценностных ориентиров и поведенческих моделей. Особое внимание в этом векторе заслуживает анализ преступлений против личности, поскольку они отражают не только индивидуальные девиации, но и системные проблемы общества.

В условиях духовно-нравственного кризиса, вызванного разрушением традиционных ценностей и идеологий, наблюдается формирование личности, ориентированной на потребительские и эгоистические установки. Отсутствие чётких моральных ориентиров способствует развитию антисоциальных тенденций, что, в свою очередь, повышает риск совершения преступлений против личности. Разрушение идеологического плацдарма привело к заполнению духовного вакуума идео-

логией потребления, что породило категорию людей, способных на преступления ради материальных благ.

Традиционные институты социализации, такие как семья, школа и трудовой коллектив, испытывают кризис доверия и эффективности. Снижение их влияния на формирование личности приводит к тому, что индивиды ищут альтернативные источники идентификации, зачастую находя их в деструктивных сообществах или идеологиях

Психологические исследования указывают на то, что эмоциональное травмирование, особенно в детском возрасте, может стать предиктором девиантного поведения. Жертвы насилия [3] или пренебрежения в детстве нередко воспроизводят агрессивные модели поведения во взрослом возрасте, что повышает риск совершения преступлений против личности. Понимание этих механизмов важно для разработки эффективных программ профилактики и реабилитации.

Уголовное право традиционно рассматривает преступления против личности как особо опасные деяния, посягающие на основные ценности общества. Однако в условиях новой реальности возникает необходимость переосмысления подходов к квалификации и наказанию за такие преступления. Глобализация, миграционные процессы и развитие информационных технологий создают новые вызовы для правоприменительной практики. Как отмечается в исследованиях, нестабильность уголовного законодательства и практика его применения оказывают отрицательное влияние на эффективность противодействия преступлениям против личности.

В условиях стремительных изменений в социальной и технологической сферах российское уголовное законодательство претерпевает значительные трансформации, направленные на усиление защиты личности и адаптацию к новым формам преступности.

Одним из ключевых нововведений является введение отягчающего обстоятельства – совершение умышленного преступления с публичной демонстрацией, включая распространение в СМИ и интернете. Это изменение охватывает широкий спектр преступлений против личности, таких как убийство, причинение вреда здоровью, побои, истязание, угрозы убийством, похищение человека и незаконное лишение свободы. Целью данной меры является противодействие явлению "треш-стримов", где акты насилия транслируются в реальном времени, что усиливает их общественную опасность и требует более строгой уголовно-правовой реакции.

В сфере защиты персональных данных введена новая статья, устанавливающая уголовную ответственность за незаконное использование персональных данных, полученных противоправным путем.

Особое внимание уделено защите несовершеннолетних. Ужесточено наказание за вовлечение несовершеннолетних в совершение трех и более преступлений небольшой или средней тяжести. Такие действия теперь влекут за собой более строгую уголовную ответственность, что отражает стремление государства к усилению защиты прав и интересов детей [2].

В области миграционной политики введены меры по ужесточению ответственности за организацию незаконной миграции. Совершение таких преступлений теперь рассматривается как отягчающее обстоятельство, а также предусмотрена конфискация имущества, полученного в результате этих деяний.

Нам кажется, что совершенствование уголовного законодательства в России отражает стремление государства к адекватному реагированию на новые вызовы и угрозы, обеспечивая более эффективную защиту личности и общественного порядка.

Для эффективного противодействия преступлениям против личности необходимо внедрение комплексных программ, направленных на профилактику девиантного поведения и ресоциализацию правонарушителей. Такие программы должны учитывать индивидуальные психологические особенности, социальное окружение и культурный контекст личности. Особое внимание следует уделять работе с молодёжью, поскольку именно в юном возрасте формируются основные поведенческие установки. Как отмечается в исследованиях, снижение доли несовершеннолетних преступников связано с формированием личности в относительно благополучные годы развития общества.

Образовательные учреждения играют ключевую роль в формировании ценностных ориентиров личности. Интеграция правового просвещения в образовательный процесс способствует развитию правосознания и ответственности у граждан. Кроме того, необходимо развивать программы, направленные на формирование эмпатии, толерантности и уважения к правам других людей, что является эффективной профилактикой преступлений против личности.

Таким образом, формирование личности в условиях новой реальности представляет собой сложный и многогранный процесс, на который влияют различные социальные, культурные и психологические факторы. Преступления против личности являются индикатором системных проблем общества и требуют комплексного подхода к их профилактике и пресечению. Уголовное право, как инструмент социальной регуляции, должно адаптироваться к новым реалиям, обеспечивая защиту фундаментальных прав и свобод личности [1]. Эффективная борьба с преступлениями против личности возможна только при условии взаимодействия различных социальных институтов,

направленного на формирование личности, ориентированной на уважение прав других и соблюдение норм общественной морали.

Список цитируемой литературы:

1. Серебренникова, А. В. О некоторых вопросах характеристики понятия «личность» в уголовном праве. – 2022. – №17 (140). – С. 84-87.
2. Татарников, В. Г. Система преступлений против личности и проблемы ее совершенствования // Пролог: журнал о праве. – 2020. – №3 (27). – С. 24-33.
3. Сотников, А. Н. Черты и сущностные признаки насильственных преступлений на почве ненависти. – Власть. – 2012. – №1. – С. 154-157.

Савкуев Б.Б., студент
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов

ВЛИЯНИЕ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ НА УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Аннотация

Сущность уголовно-правовой политики можно раскрыть через её базовые принципы и взаимосвязь с уголовным правом как научной дисциплиной. По мнению исследователя, данная политика отражает государственную позицию в отношении преступности, определяет инструменты противодействия криминальным проявлениям, устанавливает систему наказаний за противоправные действия, а также обеспечивает защиту граждан от неправомерного привлечения к уголовной ответственности.

Ключевые слова: уголовная политика, уголовное право, государственная деятельность, уголовно-правовые отношения, принципы уголовно-правовой политики.

Суть уголовно-правовой политики раскрывается через её основополагающие принципы, которые воплощаются в законодательстве и служат практическим инструментом реализации политических и правовых установок [1, с. 53]. При анализе содержания уголовно-правовой политики важно рассмотреть её взаимосвязь с наукой уголовного права. Согласно позиции М.П. Чубинского, уголовно-правовая политика является неотъемлемой частью науки уголовного права. Он обосновывает это тем, что наличие правовой базы позволяет достигать более эффективных результатов, определяя необходимые для этого меры и переходя от изучения существующего положения дел к поиску путей его совершенствования. [2, с. 5].

В научном сообществе существуют различные взгляды на соотношение уголовного права и уголовно-правовой политики. В частности, Н.А. Лопашенко [3, с. 36] и А.И. Александров [4, с. 64–65] указывают на приоритет уголовно-правовой политики над уголовным правом. По их мнению, именно политика формирует цели и задачи уголовного права, реализуясь через законодательство.

При этом отмечается определенная автономность уголовного права от политики в данной сфере. Уголовное право, как и правовая система в целом, характеризуется консервативностью. Будучи надстроечным элементом, оно не всегда успевает адаптироваться к динамично меняющимся общественным отношениям. В свою очередь, уголовно-правовая политика отличается большей гибкостью и оперативностью реагирования на социальные изменения, что особенно заметно в периоды реформирования государства.

Данная позиция представляется обоснованной, так как уголовная политика традиционно определяется как стратегическое направление государственной деятельности, которое формирует базовые принципы противодействия преступности; разрабатывает и внедряет комплекс превентивных мер; создает и применяет нормы материального, процессуального и исполнительного уголовного права; определяет, какие деяния следует криминализировать или декриминализировать, а также устанавливает меры наказания; регламентирует допустимые меры государственного принуждения в борьбе с преступностью [5, с. 4]. В результате можно сделать вывод, что реализация уголовной политики происходит через специальные инструменты, включающие уголовное право, уголовно-процессуальное право, уголовно-исполнительное право, криминологические меры.

Государство выражает свою позицию по отношению к преступности через уголовно-правовую политику. Она определяет, какие действия считаются противозаконными, устанавливает методы борьбы с преступностью, обеспечивает защиту граждан от неправомерного обвинения и определяет систему наказаний. Ключевой задачей государства является четкое определение критериев преступного деяния.

Уголовная политика включает различные уровни целей: стратегические и тактические; конечные и промежуточные; общие и частные; долгосрочные и краткосрочные.

Каждая цель требует соответствующих инструментов реализации. На стратегическом уровне это может быть работа с общественным правосознанием и формирование этических норм в оценке правонарушений. Изменения в характере преступности могут привести к пересмотру стратегических целей и ужесточению уголовной ответственности.

Для эффективной уголовной политики важны не только правовые нормы, но и моральные принципы общества. Они особенно полезны для предотвращения преступлений и помощи бывшим преступникам вернуться к нормальной жизни. Хотя в России такие меры пока системно не применяются, это не означает, что они бесполезны.

На уголовную политику в первую очередь влияет экономическое и социальное развитие страны. Без экономической поддержки государства и общественной заинтересованности уголовная политика может остаться лишь благими намерениями. Также важно, чтобы изменения в уголовном, процессуальном и исполнительном законодательстве опирались на научные исследования [6, с. 73].

Уголовная политика формирует комплексный подход к противодействию преступности, включающий анализ текущей ситуации, разработку методологии борьбы с правонарушениями и оценку действенности правовых инструментов в контексте общественного развития. Результативность такой политики напрямую зависит от правильно выбранного направления её реализации.

В уголовной политике можно выделить объекты, к которым относятся преступность, общественные отношения и правосознание граждан, и субъекты в лице государства и его органов, обязанных позитивно воздействовать на объекты, а также общественные организации, СМИ и другие социальные институты.

Таким образом, можно понять, что уголовная политика шире, чем просто формирование концепций по борьбе с преступностью. Она направляет развитие уголовного права, в котором воплощаются её основные принципы. При этом уголовное право и уголовная политика имеют разную природу. Уголовное право – это совокупность правовых норм для регулирования уголовно-правовых отношений. В свою очередь, уголовная политика объединяет различные меры государственных и общественных организаций по борьбе с преступностью и её предупреждению. Если уголовное право представляет собой обязательные для исполнения нормы, поддерживаемые государственным принуждением, то уголовная политика – это искусство управления в сфере государственных интересов. Она использует более гибкие инструменты: создание правовых норм, анализ общественного мнения, криминологические исследования, работу СМИ, общественные обсуждения и другие методы. Стоит также отметить, что главной задачей уголовного права является защита законных прав и интересов личности, общества и государства.

Список цитируемой литературы:

1. Борсученко, С. А. Принципы уголовно-правовой политики / С. А. Борсученко // Вестник российской правовой академии. – 2009. – № 1. – С. 51–55.

2. Чубинский, М. П. Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права / М. П. Чубинский. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 435 с.

3. Лопашенко, Н. А. Уголовная политика / Н. А. Лопашенко. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 608 с.

4. Александров, А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности / А. И. Александров. – СПб.: СПбГУ, 2003. – 562 с.

5. Загородников, Н. И. Направления изучения советского уголовного права / Н. И. Загородников, Н. А. Стручков // Советское государство и право. – 1981. – № 7. – С. 2–6.

6. Гирько, С. И., Долгополов А. А. Направления развития уголовно-процессуальных компетенций субъектов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1(49). С. 73–79.

Семенова Л.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Левашова О.В., канд. юрид. наук, доцент

КВАЛИФИЦИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК УБИЙСТВА: ХУЛИГАНСКИЕ ПОБУЖДЕНИЯ

Аннотация

В статье рассматривается один из квалифицирующих признаков убийства – совершение преступления из хулиганских побуждений. Автором анализируются юридическая природа указанного признака, особенности его квалификации. Проводится разграничение между хулиганскими и иными видами побуждений.

Ключевые слова: убийство, убийство из хулиганских побуждений, хулиганские побуждения, хулиганский мотив, квалифицирующий признак.

Квалифицирующие признаки составляют совокупность признаков состава преступления, тем самым влияя на уголовно-правовую оценку деяния: «изменяют санкцию, отражающую специфику диспозиции» [5, с. 68]. Такие признаки могут свидетельствовать о повышенной, в сравнении с основным составом, общественной опасности преступления и непосредственно лица, его совершившего.

«Квалифицирующие признаки, имея двойственную природу, с одной стороны, являются способом конкретизации отягчающих обстоятельств, перечисленных в статье 63 УК РФ, но с другой – относительно самостоятельны как элемент состава преступления, влияющий на санкцию уголовно-правовой нормы, отражающей специфику ее диспозиции» [4, с. 67].

Иными словами, квалифицирующие признаки позволяют конструировать различные разновидности основного состава преступления.

В данном случае внимание будет уделено квалифицирующему признаку убийства, нашедшему свое закрепление в п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ: «убийство, совершенное из хулиганских побуждений» [1].

Целесообразно выделить особенности объекта убийства из хулиганских побуждений, которые проявляются в двойной направленности посягательства (жизнь + общественный порядок) и наличии дополнительного охраняемого блага – общественной нравственности.

Как показывает анализ судебной практики, в большинстве случаев рассматриваемая в работе категория убийств совершается в общественных местах, что подчеркивает их демонстративный характер, однако необходимо отметить, что общественное место не является обязательным признаком, но существенно влияет на квалификацию.

Хулиганские побуждения в данном случае первоочередно отражают мотив преступления, который отражает особую общественную опасность деяния – более высокую в сравнении с простым убийством.

Под преступлениями из хулиганских побуждений в уголовном праве понимается «умышленные действия, которые совершены без какого-либо повода или с использованием незначительного повода» [3].

Применительно к составу убийства, Верховный Суд дает следующие разъяснения: «По п. "и" ч. 2 ст. 105 УК РФ следует квалифицировать убийство, совершенное на почве явного неуважения к обществу и общепринятым нормам морали, когда поведение виновного является открытым вызовом общественному порядку и обусловлено желанием противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение (например, умышленное причинение смерти без видимого повода или с использованием незначительного повода как предлога для убийства)» [2].

В случае отграничении конкретного убийства, в силу схожести объективных и субъективных признаков, целесообразно уделить внимание именно мотиву совершения преступления.

В научно-исследовательской и правоприменительной среде, несмотря на наличие разъяснений Верховного Суда РФ, представления о «хулиганском мотиве» зачастую размыто. Однако существует ряд критериев, позволяющих безоговорочно применить квалификацию по п. "и" ч. 2 ст. 105 УК РФ:

1. Непоследовательный, нелогичный и хаотичный характер действий виновного;

2. Отсутствие взаимосвязи между поведением виновного и его отношением к жертве;

3. Спонтанность возникновения повода;

4. Возможность провокации виновного по отношению к потерпевшему;

5. Действия виновного носят демонстративный, дерзкий характер, направлены на унижение достоинства окружающих;

6. Имеет место умышленное и, зачастую бессмысленное повреждение чужого имущества.

Помимо этого, отличие хулиганских побуждений от других мотивов заключается в отсутствии прагматической цели и превалировании желания самоутверждения и/или демонстрации вседозволенности.

Таким образом, установление мотива «хулиганских побуждений» имеет значение не только для правильной квалификации деяния, но и для назначения справедливого наказания, и, как следствия, верного применения уголовного закона в целом.

Цель, преследуемая виновным, выражается в попытке «обезопасить» себя от «неприемлемого» поведения другого(-их) лица(-ц).

Формирование умысла происходит скоротечно, внезапно в результате ответной реакции психики виновного на «провокацию». В данном случае «провокацией» может выступать любое неугодное виновному поведение, что раньше было принято считать «ничтожностью» мотива.

Важно отметить, что в правоприменительной и отчасти научно-исследовательской среде сложилось представление о том, что к субъективным признакам убийства из хулиганских побуждений, а именно к эмоциональному состоянию виновного целесообразно относить состояния алкогольного или наркотического опьянения, однако, «само по себе опьянение не может служить основанием для квалификации по п. "и" ч. 2 ст. 105 УК РФ, но в сочетании с другими признаками может свидетельствовать о хулиганских побуждениях».

В заключение, убийство из хулиганских побуждений представляет собой общественно опасное деяние, подрывающее основы правопорядка: оно свидетельствует о повышенной общественной опасности личности преступника и его пренебрежении к социальным нормам.

Иными словами, квалификация такого деяния требует тщательной оценки всех обстоятельств дела, в частности, аспекта мотива (повода) действий преступника.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. [ред. от 28 февраля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ) : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 27 янв. 1999 г. № 1 : [ред. от 03 марта 2015 г.]. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 13.04.2025). – Режим доступа: КонсультантПлюс : [справ.-правовая система], свобод. из локал. сети Липецкого фил. РАНХиГС.

3. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений : поста-новление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 15 нояб. 2007 г. № 45 : [ред. от 26 ноября 2024 г.]. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 13.04.2025). – Режим доступа: КонсультантПлюс : [справ.-правовая система], свобод. из локал. сети Липецкого фил. РАНХиГС.

4. Авдеев, М.А. Общая характеристика квалифицирующих признаков и их значение при конструировании составов преступлений / М.А. Авдеев, А.С. Штранц // Актуальные проблемы государства и права. – 2019. – Т. 3. – № 9. – С. 66-75.

5. Буликеева, Д.Ж. Понятие и природа квалифицирующих признаков / Д.Ж. Буликеева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 11 (302). – С. 68-71.

Старцев Р.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Егоров В.А., канд. пед. наук, доцент

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНТРОЛЯ ПОВЕДЕНИЯ ЛИЦ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные правовые и организационные проблемы контроля за поведением лиц, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Анализируются ключевые трудности, связанные с несовершенством законодательного регулирования, противоречиями между национальными нормами и международными стандартами, а также ограничением прав осужденных при использовании современных технологий надзора. Особое внимание уделяется организационным проблемам, включая недостаточное ресурсное обеспечение, перегруженность персонала и коррупционные риски.

Ключевые слова: контроль за осужденными, уголовно-исполнительная система, электронный мониторинг, права осужденных, ресоциализация, пенитенциарные учреждения.

Контроль за поведением лиц, отбывающих наказание, представляет собой сложный и многогранный процесс, который играет ключевую роль в функционировании уголовно-исполнительной системы. Его основная цель заключается в обеспечении исполнения наказания в соответствии с законом, предотвращении совершения новых преступлений осужденными и их социальной реабилитации. Однако современная практика контроля сталкивается с рядом серьезных правовых и организационных проблем, которые снижают его эффективность и требуют комплексного решения.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что от качества контроля за осужденными напрямую зависит не только безопасность общества, но и успешность ресоциализации лиц, отбывающих наказание. В последние годы в России предпринимаются шаги по реформированию пенитенциарной системы, однако многие вопросы остаются нерешенными. В частности, сохраняются проблемы, связанные с законодательным регулированием, технической оснащенностью учреждений, кадровым обеспечением и соблюдением прав человека.

В данной статье рассматриваются основные правовые и организационные трудности, возникающие при осуществлении контроля за осужденными, анализируются их причины и предлагаются возможные пути

совершенствования существующей системы. Особое внимание уделяется вопросам соответствия российского законодательства международным стандартам, эффективности применяемых мер надзора, а также проблемам коррупции и злоупотреблений в пенитенциарных учреждениях.

Не менее важной проблемой является противоречие между национальным законодательством и международными стандартами обращения с осужденными. Россия является участником ряда международных соглашений, включая Европейскую конвенцию по правам человека и Международный пакт о гражданских и политических правах, которые устанавливают обязательства по обеспечению гуманного обращения с заключенными. Однако на практике эти нормы зачастую не выполняются в полной мере из-за избыточно жестких мер контроля и недостаточного внимания к вопросам ресоциализации осужденных.

Еще одной правовой проблемой является ограничение прав осужденных под предлогом обеспечения безопасности. В последние годы широкое распространение получили электронные средства контроля, такие как браслеты и системы видеонаблюдения. Хотя они действительно повышают эффективность надзора, их применение нередко приводит к чрезмерному вторжению в частную жизнь осужденных, особенно в случае условного осуждения или домашнего ареста. В юридической литературе неоднократно поднимался вопрос о необходимости более детального правового регулирования использования таких технологий, чтобы исключить возможность их злоупотребления.

Помимо правовых сложностей, система контроля за осужденными сталкивается с серьезными организационными проблемами. Одной из наиболее острых является недостаточная ресурсная обеспеченность уголовно-исполнительной системы. По данным Федеральной службы исполнения наказаний, нагрузка на сотрудников исправительных учреждений в несколько раз превышает нормативные показатели, что негативно сказывается на качестве контроля. Нехватка персонала приводит к формальному выполнению обязанностей, снижению уровня безопасности и увеличению числа нарушений режима содержания.

Другой немаловажной проблемой исполнения наказаний, назначенных условно, является также то, что при назначении наказания суды, как показывает правоприменительная практика, могут возлагаются на осужденного обязанности, осуществлять контроль за исполнением которых нет возможности.

Так, обязанность «не изменять постоянное место жительства», может назначаться лицам без определенного места жительства, а «не изменять постоянное место работы», назначается лицам не работающим. Очевидно, что подобная практика нивелирует исправительно-

предупредительную сущность указанной меры уголовно-правового характера и сам смысл ее назначения.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Феде-рации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. [ред. от 28 февраля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – Текст: непосредственный.

2. Иванов, А.В. Проблемы правового регулирования контроля за осужденными / А.В. Иванов // Уголовно-исполнительное право. – 2022. – № 3(45). – С. 12-18. – Текст: непосредственный.

3. Петров, С.К. Международные стандарты и российская пенитенциарная система / С.К. Петров // Журнал зарубежного законодательства. – 2021. – № 4. – С. 56-62. – Текст: непосредственный.

4. Беляев, Д.А. Коррупция в местах лишения свободы: причины и противодействие / Д.А. Беляев // Вопросы криминологии. – 2022. – № 2(30). – С. 45-53. – Текст: непосредственный.

5. Федеральная служба исполнения наказаний. Отчет о деятельности ФСИН России за 2023 год. – Москва, 2023. – 120 с. – Текст: непосредственный.

Филиппова Д. А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Климов А. С., канд. юрид. наук, доцент

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация

Интернет буквально «поглотила» весь мир, люди всех возрастов, находящиеся во всех точках мира, каждый день заходят во Всемирную Сеть, особенно ярко это касается несовершеннолетних. При этом за многочисленными преимуществами цифровых технологий скрывается то, что они становятся оружием в руках людей, которое направленно на один из самых незащищенных слоев населения – детей. В связи с чем, нам представилось необходимым дать общую характеристику

наиболее часто совершаемым преступлениям, направленным против несовершеннолетних с использованием сети Интернет.

Ключевые слова: общая характеристика преступлений, преступления против несовершеннолетних, Сеть «Интернет», несовершеннолетние.

Во все времена общество сталкивалось с необходимостью собственной защиты как от внешних врагов, так и от внутригосударственных проблем, в том числе от преступных и иных противоправных посягательств. Особое внимание на протяжении всего своего развития государство в целом и люди в частности уделяли подрастающему поколению, так как именно должное воспитание детей является основой будущего любой страны, его прогрессивного развития, устойчивости и целостности. На этих же началах сформирована и действующая политика Российской Федерации, выраженная в Указе Президента РФ от 17.05.2023 № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года». Главной целью разработки и издания указанного правового документа является не только определение факторов, ставящих по угрозу безопасность детей, но и основных направлений, задач и механизмов реализации государственной политики в сфере обеспечения безопасности детей, в том числе на фоне распространения всеобъемлющей проблемы – деструктивного влияния информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Так, согласно данным прокуратуры, «за период 2023 и 2024 годов зафиксировано более тысячи преступлений, совершенных с применением цифровых технологий против детей, а также выявлено почти четыре тысячи случаев производства детской порнографии» [1]. Все это подразумевает под собой проявление и иного негативного явление – виктимизации несовершеннолетних.

Как правило, виктимизации детей и подростков способствует влияние извне, осуществляемое двумя способами:

1. При помощи применения физического насилия;

2. при помощи воздействия на психику и эмоциональное состояние.

Говоря про сеть Интернет, более актуальным и осуществимым является второй способ, который подразумевает применение к несовершеннолетнему обмана, угрозы, обещания, подкупа, шантажа, убеждения и т.д.

В целом угрозы, провоцируемые сетью Интернет можно разделить на три группы:

1. Экономические – это угрозы, направленные на финансовые потери лица, возникающие в результате мошеннических действий, кражи средств, несанкционированного доступа к банковским счетам и другим финансовым ресурсам.

2. Программно-технические – это противоправные действия, связанные с использованием вредоносного программного обеспечения, уязвимостей при использовании сайтов и приложений, а также с атаками на информационные системы. К этой категории относятся вирусы, трояны, черви, которые приводят к нарушению работы систем, потере данных и компрометации конфиденциальной информации.

3. Контентные – это угрозы, касающиеся распространения нежелательного, вредоносного или неприемлемого контента, включая порнографию, экстремистские материалы, клевету и дезинформацию.

Именно контентные угрозы, в сравнении с двумя вышеперечисленными группами, имеют наибольшую опасность, связанную с отклонением психического здоровья несовершеннолетних пользователей, распространению ненависти и насилия среди них, формированию аморального поведения. В данную категорию входят: склонение к совершению самоубийства, кибербуллинг, склонение к употреблению наркотических средств и психотропных веществ, кибергруминг. Рассмотрим перечисленное более подробно.

Склонение несовершеннолетних к совершению самоубийства. До 2015-2016 годов данная проблема практически не фигурировала, а уголовная норма считалась «мертвой», но все изменилось буквально в один месяц, когда в социальной сети «ВКонтакте» активное распространение получили так называемые «Группы смерти», «ставшие своеобразной надстройкой над всеми базовыми уязвимостями подросткового возраста, зоной риска, которая из виртуальной реальности давит именно на зону риска в реальности социальной» [2, с. 106]. За год, под влиянием деструктивных интернет-сообществ, известных под названиями «синий кит», «57», «4:20» и многих других, суицид (сознательное, преднамеренное лишение себя жизни) совершили около 130 подростков. На данный момент ситуация ухудшается – «по количеству самоубийств среди несовершеннолетних в возрасте от 15 до 19 лет Российская Федерация занимает первое место в Европе и одно из первых мест в мире. При этом каждый год более 200 малолетних и около 1,5 тыс. подростков совершает самоубийство» [3, с. 13]. На формирование такого поведения и принятие, зачастую необдуманного решения несовершеннолетними, оказывают влияние не только люди, находящиеся по ту сторону экрана, но и неокрепшая психика детей, отсутствие жизненных ценностей и ориентиров, нивелирование отношения к жизни как к главной ценности, отсутствие осознания, что смерть – не является выходом из сложившихся проблем.

Во-вторых, толчком к совершению самоубийств среди детей и подростков, в большинстве случаев стал кибербуллинг, то есть форма травли или преследования, осуществляемая при помощи цифровых технологий,

таких как мессенджеры, социальные сети и другие онлайн платформы. Он включает в себя преднамеренные действия, направленные на запугивание, унижение и дискредитацию другого человека, выражающихся в виде оскорбительных сообщений, распространении недостоверных сведений, порочащих честь и достоинство личности, публикации компрометирующих материалов, создании ложных профилей, а также неоднократное высказывание угроз причинения лицу имущественного, физического вреда, вплоть до угроз убийством самого человека, либо же его близких. Происходит в двух формах – анонимно, открыто. Часто имеет опасные длительные последствия для жертв, включая психологический стресс, снижение самооценки, развитие депрессии. Как правило, подросток, сталкиваясь с травлей, не выдерживая оказываемого на него «давления», приходит к двум вариантам решения сложившейся ситуации – совершению самоубийства, как было сказано ранее, а также к примыканию к субкультуре «Колумбайн» (обобщенное название вооруженных атак на школы и другие учебные заведения с целью убийства сверстников и в последующим совершения самоубийства).

Не менее распространенными являются преступления, связанные со склонением несовершеннолетних к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Наркопреступность в России является одним из самых часто совершаемых и опасных видов преступности, о чем свидетельствует статистика, согласно которой «в текущем году на территории России выявлено 145 тысяч наркопреступлений – это десятая часть от всех зарегистрированных криминальных деяний в стране» [4], при этом с «2020 по 2023 год количество выявленных ИТ-преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, возросло более чем в два раза. Более чем в три раза увеличилось количество заблокированных в России сайтов с запрещенной информацией о наркотиках. В год блокируется уже больше 100 тысяч ресурсов» [5]. Указанная категория преступлений, наносит непоправимый вред не только государству, экономике, культурной сфере, но и обществу в лице каждого из нас.

С каждым годом число несовершеннолетних лиц, попадающих под влияние наркотических средств увеличивается, и в первую очередь это связанно с распространением в Интернете информации о психоактивных веществах и их влияния на организм в позитивном ключе. Помимо этого, многие подростки считают, что употребление запрещенных веществ может компенсировать недостаток уважения среди сверстников, вызвать их одобрение и принятие. То есть во многом причины и условия попадания под воздействия такой преступности схожи с общими, но помимо указанных можно выделить и игровые мотивы поведения. Осуществляя такую деятельность, подростки при-

меряют на себя хоть и негативные, но «успешные» (по их мнению) роли, не понимая возможных отрицательных последствий.

Кроме того, вовлеченность несовершеннолетних в употребление наркотических средств обусловлена доступностью сайтов, групп, сообществ, через которые практически беспрепятственно возможно приобретение наркотических средств. Важно отметить, что таких же сайтах подростков одновременно вовлекают в деятельность по распространению запрещенных веществ, обещая хорошую прибыль за «легкую работу».

Созависимость, являясь одним из факторов проявления виктимного поведения несовершеннолетних, характеризует отношения, в которых ребенок из-за нарушения психического состояния, может получать положительные эмоции, чувствовать себя спокойно, лишь при получении одобрения, внимания и подтверждения со стороны взрослого человека. Причинами такого явления выступают отсутствие здоровой самооценки, подверженность эмоциональному насилию со стороны родителей, нужда в стабильности и безопасности, влияние родительских созависимых отношений и иного травматичного для детской психики опыта.

Важно отметить, что сложность соответствующей преступности выражается в её латентности. Так как дети и подростки, подвергшиеся сексуальному домогательству, в различных его проявлениях, не рассказывают об этом родителям, учителям из-за страха осуждения и наказания. А лица, совершающие это, получив все необходимое от жертвы преступного посягательства, как правило удаляют используемую им группу или страницу в социальной сети или на иной Интернет-платформе.

Таким образом, доступность Всемирной сети, её неограниченные возможности безусловно являются огромной ценностью, данной человечеству, но при этом и представляют собой порой необъятную опасность для этого же человечества, а в первую очередь для детей и подростков. В связи с чем тема преступлений, совершаемых против несовершеннолетних, становится все более актуальной и требует дальнейшего комплексного изучения и исследования с самых разных подходов, которые только может предоставить наука юриспруденция.

Список цитируемой литературы:

1. Краснова, К. А., Ережипалиев, Д. И. Противодействие кибербуллициду как средство предупреждения суицидов несовершеннолетних / К. А. Краснова, Д. И. Ережипалиев // Юристъ-Правоведъ. – 2017. – № 3(82). – С. 78-84.

2. Брылева, Е. А. Информационная безопасность несовершеннолетних как часть национальной безопасности / Е. А. Брылева // Вестник Самарского юридического института. – 2014. – № 1 (12). – С. 12-14.

Ченцова Е. Е., Хеж С. Э., студенты
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет
им. И. Т. Трубилина»,
г. Краснодар

ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация

В статье анализируются особенности, причины и факторы подростковой преступности в современной России. Рассматривается влияние неблагополучных семей, социальных условий и экономического неравенства на совершение преступлений несовершеннолетними. Подчеркивается необходимость комплексного подхода к профилактике, включающего работу с семьей, школой и обществом. Предлагаются конкретные меры по снижению уровня подростковой преступности и обеспечению здорового будущего для молодого поколения.

Ключевые слова: подростковая преступность, несовершеннолетние, причины преступности, профилактика, уголовная ответственность, социальные факторы.

Проблема подростковой преступности в современной России представляет собой сложный и многоаспектный вызов для общества. Она обусловлена целым рядом факторов, включая социальные, экономические, психологические и культурные аспекты. В последние годы наблюдается рост преступлений, совершаемых несовершеннолетними, что вызывает серьезную обеспокоенность у государства и общественности. Анализ причин и условий, способствующих совершению преступлений подростками, является необходимым условием для разработки эффективных мер профилактики и борьбы с этим негативным явлением.

Социальные факторы играют важную роль в формировании преступного поведения у подростков. Неблагополучная семейная обстановка, отсутствие родительского внимания и контроля, насилие в семье, алкоголизм и наркомания родителей, а также низкий уровень жизни в семье создают благоприятную почву для совершения преступлений несовершеннолетними. Дети из таких семей часто оказываются лишенными нормального детства, образования и возможностей для самореализации, что толкает их на преступный путь [4].

Кроме того, экономическое неравенство в обществе также способствует росту подростковой преступности. Бедность, безработица и отсутствие перспектив для улучшения своего материального положения толкают подростков на совершение краж, грабежей и других имущественных преступлений. Влияние сверстников и уличной культуры также играет

значительную роль в формировании преступного поведения у подростков. Подростки, стремясь к самоутверждению и признанию в группе, часто совершают преступления под влиянием своих друзей и знакомых.

Психологические факторы также оказывают влияние на подростковую преступность. Неустойчивая психика, склонность к агрессии и насилию, низкая самооценка, чувство одиночества и отверженности, а также проблемы с адаптацией в обществе могут способствовать совершению преступлений. Важно отметить, что подростки, совершившие преступления, часто нуждаются в психологической помощи и реабилитации [1].

Культурные факторы также играют свою роль в формировании подростковой преступности. Пропаганда насилия и жестокости в средствах массовой информации, компьютерных играх и интернете оказывает негативное влияние на психику подростков и может спровоцировать их на совершение преступлений. Важно формировать у подростков правильные ценности и установки, а также развивать их критическое мышление и способность противостоять негативному влиянию окружающей среды.

Уголовная ответственность несовершеннолетних является важным инструментом борьбы с подростковой преступностью. Однако необходимо учитывать особенности подросткового возраста и применять к несовершеннолетним преступникам более мягкие меры наказания, чем к взрослым. Важно сочетать меры наказания с мерами воспитательного характера, направленными на исправление подростка и его возвращение к нормальной жизни в обществе [3].

Профилактика подростковой преступности является ключевым направлением деятельности государства и общества в борьбе с этим негативным явлением [2]. Необходимо разрабатывать и реализовывать комплексные программы профилактики, направленные на устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений подростками. Важно укреплять институт семьи, улучшать социально-экономические условия жизни, развивать систему образования и досуга, а также совершенствовать законодательство в сфере защиты прав несовершеннолетних.

В заключение, подростковая преступность является сложной и многоаспектной проблемой, требующей комплексного решения. Необходимо объединить усилия государства, общества и семьи для разработки и реализации эффективных мер профилактики и борьбы с этим негативным явлением. Важно учитывать особенности подросткового возраста и применять к несовершеннолетним преступникам более мягкие меры наказания, сочетая их с мерами воспитательного характера. Только таким образом можно снизить уровень подростковой преступности и обеспечить здоровое и безопасное будущее для молодого поколения.

Подростковая преступность представляет собой сложную проблему, требующую комплексного подхода. Важно укреплять институт се-

мьи, улучшать социально-экономические условия жизни и совершенствовать законодательство. Только совместными усилиями государства, общества и семьи можно снизить уровень подростковой преступности.

Список цитируемой литературы:

1. Ваулина, А. А. К вопросу о некоторых проблемах подростковой преступности в современной России / А. А. Ваулина. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2019. – № 4 (242). – С. 289-292.

2. Сосновская, Е. А. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних / Е. А. Сосновская. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 7 (297). – С. 138-141.

Черёмухина Д.Д., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Смоленский филиал, г. Смоленск
Научный руководитель – Хохлова И.И., канд. эк. наук.

ПРОБЛЕМА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ТОРГОВЛЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ ОРГАНАМИ

Аннотация

Статья раскрывает механизм законодательного регулирования торговли человеческими органами на международном уровне. Представлены последние достижения в области борьбы с преступностью, показан рост знаний в области медицины, компьютерных технологий в сфере трансплантологии. Рассмотрены проблемы, возникающие в процессе законной торговли органами человека. Выявлены детерминанты преступности в сфере незаконной торговли человеческими органам.

Ключевые слова: преступность; противодействие преступности; торговля человеческими органами; трансплантология.

Торговля человеческими органами – это незаконная и нравственно недопустимая практика покупки, продажи или обмена органами человека с целью трансплантации или другого способа их использования. Данная деятельность является серьезным нарушением прав человека и этических принципов, так как она часто включает в себя эксплуатацию уязвимых людей, незаконную торговлю людьми и нарушение прав на телесную неприкосновенность.

Торговля органами может включать в себя такие виды деятельности, как покупка и продажа органов, которая составляет незаконную

практику приобретения органов у доноров или их родственников с целью пересадки в другие организмы за деньги или другие материальные выгоды; трафик органов, который заключается в принуждении или обмане людей для извлечения их органов без их же согласия или без должной компенсации.

Но что толкает людей на такую деятельность? Существует ряд факторов, которые обуславливают широкое распространение торговли человеческими органами. Первым фактором является недостаток донорских органов. Именно эта проблема в некоторых странах стимулирует людей к поиску альтернативных, а равно незаконных, способов получения органов.

Второй фактор выражается в недостаточном контроле и мониторинге торговли человеческими органами со стороны государства. И наконец, наиболее важным фактором является бедность и экономические трудности: люди, находящиеся в крайней нищете, сталкиваются с нехваткой денежных средств для обеспечения себя и своих семей такими базовыми потребностями, как пища, жилье и медицинское обслуживание. Отсутствие социальной защиты в ряде стран, которая бы обеспечивала поддержку людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, вынуждает их рассматривать продажу своих органов как единственный способ выживания.

Торговля человеческими органами является очень прибыльной индустрией, что и привлекает людей принимать участие в ней несмотря на международные запреты. Согласно различным международным исследованиям, большинство доноров для трансплантологии ищут на Ближнем Востоке и в странах Юго-Восточной Азии, что связано с высоким процентом бедного населения, которое хочет быстро и без особых усилий получить крупную в их понимании сумму денег, пусть и опасным для жизни и здоровья способом.

Осознавая сложность и важность этой проблемы, на международном уровне разрабатывают различные международно-правовые документы, а также организуют дискуссии и конференции. Так, 25 июня 2015 года в Сантьяго-де – Компостела между Советом Европы и Правительством Испании была проведена международная конференция по борьбе против незаконного оборота человеческих органов. В ходе конференции будет открыт для подписания новый международный договор Совета Европы – Конвенция о борьбе с торговлей человеческими органами [2]. Помимо этого, существуют руководящие принципы Всемирной организации здравоохранения по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов. 11 принципов направлены на достижение того, чтобы государства обеспечивали «упорядоченную, этическую и приемлемую структуру для приобретения и трансплантации органов». Напри-

мер, в принципах закреплены: запрет любых денежных выплат и вознаграждений за донорство органов; разрешение на донорство живых организмов только при условии добровольного информированного согласия и без какого-либо неправомерного влияния или принуждения [6].

Нэнси Шепер-Хьюз, ведущая представительница американской медицинской антропологии 1990-ых годов, была категорически против практики, связанной с торговлей и пересадкой внутренних органов человека. Она затрагивала вопрос торговли органами в нескольких своих докладах и даже книгах [1, с.55]. В одном из таких докладов было упомянуто о двух основных проблемах – коммерциализации донорской практики и недобровольном изъятии органов у заключённых. Автор подчеркнула ряд упущений и недоработок в документах ВОЗ и Всемирной медицинской ассоциации, которые касаются моральных и социальных изменений трансплантологии. Также она подметила, что Китай и Индия являются лидерами по проведению операций по пересадке органов на платной основе для иностранных граждан.

Велика роль международных организаций в борьбе с торговлей человеческими органами. Как уже говорилось ранее, Всемирная организация здравоохранения разрабатывает стандарты и руководства по этичным практикам в области трансплантации органов. Также она сотрудничает с государствами-членами для разработки национальных стратегий и программ по предотвращению торговли органами. Совет Европы принял ряд конвенций и рекомендаций, направленных на борьбу с торговлей органами. Эти документы устанавливают меры по предупреждению, наказанию и защите жертв таких преступлений. Европейский союз разрабатывает и внедряет директивы и политику по качеству и безопасности органов для трансплантации. ЕС также финансирует и поддерживает исследования в области трансплантации и борьбы с торговлей человеческими органами. Интерпол содействует международному сотрудничеству в борьбе с преступлениями, связанными с данной проблемой, включая проведение операций по расследованию и аресту подозреваемых лиц [3].

Однако существуют и пробелы в международном праве по регулировке проблемы продажи человеческих органов.

Первое – недостаточная унификация законодательства. Хотя международные организации и создают нормативно-правовые акты по контролю за торговлей органами, в различных странах могут иметься свои законы и правила, отклоняющиеся от этих норм. Самым ярким примером такого отклонения является Иран, где на законодательном уровне легализована торговля человеческими почками. Выводы из этой практики вытекают неоднозначные: с одной стороны, в данной стране ликвидирована очередь на пересадку почек полностью, но, с

другой стороны, это явилось следствием продажи своих органов исключительно частью населения, проживающей за чертой бедности. Однако вопрос с ликвидацией очереди на пересадку является спорным, ведь многие исследования показали, что людям с острой сердечной недостаточностью просто-напросто не ставят диагноз, что априори лишает их возможности быть в очереди на пересадку. На данный момент в Иране предложение значительно превышает спрос – на улицах потенциальные доноры развешивают объявления, в которых указывают свой номер телефона, группу крови и некоторые другие данные, а заголовки объявлений гласят: «продам почку». Однако, некоторые исследователи называют эту практику категорически позитивной, ведь она спасает жизни многих людей, отодвигая на второй план тех бедняков, которые продали свой орган для возможности дальнейшего выживания, другие – выступают против, называя различные причины [6]. Так, отсутствие единого международного стандарта затрудняет сотрудничество между странами в борьбе с этой проблемой.

Второе – проблема в выявлении и пресечении незаконной деятельности. Одним из распространенных способов покупки и продажи органов и тканей человека является нелегальный, или же «чёрный рынок»: он охватывает товары и услуги, которые отсутствуют в продаже в связи с незаконностью их оборота. Большинство операций по трансплантологии проводится с использованием именно тех органов человека, которые куплены как раз-таки с использованием данного вида теневого сектора экономики.

Третье – проблемы в обеспечении соблюдения прав человека. Многие случаи торговли органами связаны именно с нарушениями прав человека, такими как принудительное изъятие органов.

Ещё одной из проблем данной сферы является слишком низкий уровень обвинительных приговоров по сравнению с тем количеством прецедентов, которые можно было бы ожидать, исходя из глобальных оценок Управления ООН по наркотикам и преступности [4]. На момент написания, таких приговоров, связанных с торговлей внутренними органами, зарегистрировано всего 16. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе сообщило о 9 дополнительных случаях к 2013 году, однако эти цифры, очевидно, не составляют реальное количество преступлений данной области, которые имели место быть. Исходя их этих фактов, можно говорить, что теневой бизнес трансплантологии является бизнесом богатых и влиятельных людей, которые могут «купить» молчание всех участвующих в этом процессе, а также тех, кто эти дела расследует.

Если выделить одну полноценную проблему продажи человеческих органов, не углубляясь в её причины и подвиды, то можно выде-

лить несколько путей её решения: поднятие уровня жизни населения, особенно стран третьего мира, где данная проблема стоит более остро; более чёткая проработка и мониторинг законодательства, контролирующего запрет чёрной трансплантологии; усиление международного сотрудничества в этой области, что поможет пресечь, или хотя бы сократить незаконные поставки органов между странами.

Подводя итог, можно убедиться в существовании проблемы торговли человеческими органами не абстрактно, а как неопровержимый факт, который имеет практику повсеместно. На данный момент, к сожалению, нет однозначных и полноценно действующих путей решения этой проблемы, даже более того, некоторые хотят не решить, а наоборот – узаконить такую практику и сделать её совершенно легальной, что может привести к непреодолимым негативным последствиям.

Список цитируемой литературы:

1. Михель, Д.В. Болезнь, страдание и насилие в фокусе критически прикладной медицинской антропологии Нэнси Шейпер-Хьюз. / Д.В. Михель // Социология власти. – 2016. Т. 28. – № 1. – С. 55-75.

2. Чукреев, В. А. Незаконная трансплантация органов в международном уголовном праве // Вестник экономической безопасности. – 2022 – № 3. – С. 254–258.

Чернов А.А., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Рыжкова И. Д., канд. юрид. наук

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВЫХ И ИНЫХ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация

В статье рассмотрены основные меры противодействия преступлениям в сфере транспортной безопасности, проанализированы статистические данные за трехлетний период, сформулированы предложения по повышению эффективности борьбы с преступлениями против транспортной безопасности, обращено внимание на важность взаимодействия правоохранительных органов и органов государственной власти.

Ключевые слова: преступление, транспортная безопасность, противодействие преступности, безопасность дорожного движения.

На современном этапе развития Россия находится в сложных условиях. Постоянное ужесточение западных санкций, проведение специальной военной операции на территории Украины, разрыв дипломатических связей с иностранными государствами и другие негативные факторы оказывают отрицательное воздействие на состояние преступности в сфере транспортной безопасности.

Согласно п. 10 ст. 1 Федерального закона «О транспортной безопасности» от 09 февраля 2007 г. №16-ФЗ, транспортная безопасность – состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства [1]. Обеспечение транспортной безопасности является одним их наиболее приоритетных направлений деятельности государства. Противодействие преступности и защиту от посягательств в данной сфере совместно осуществляют правоохранительные органы такие как МВД России, ФСБ России, Росгвардия, а также юридические лица, аккредитованные для этой цели в установленном законом порядке. Ответственность за совершение преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта предусмотрена главой 27 Уголовного кодекса РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [2].

Согласно совокупных статистических данных различных силовых ведомств в 2023 году в России рассмотрено 68 521 уголовное дело, по которым осуждено 60 472 человека. Данный показатель ниже показателя предыдущего года (75 048 уголовных дел и 66 828 осужденных) [3], и можно сделать вывод об эффективности принимаемых мер по выявлению и раскрытию преступлений в данной сфере. Однако, по нашему мнению, для сохранения положительной динамики следует постоянно совершенствовать комплекс применяемых мер. Улучшение должно быть все комплексным и затрагивать как правовое, так и техническое, и организационное обеспечение.

Противодействие преступности традиционно включает в себя профилактическую деятельность и непосредственно борьбу с преступностью (выявление, пресечение, раскрытие, расследование).

Профилактическая деятельность имеет важное значение в противодействии преступности в сфере транспортной безопасности. Наиболее распространенным видом является профилактика дорожно-транспортных происшествий, повлекших причинение тяжкого вреда или смерть человека. Статистика показывает, в период с 2015 по 2024 год количество ДТП в России сократилось с 184 000 до 116 190 фактов. Количество погибших за тот же период также сократилось с 23 114 до 12 748 человек [4].

Как отмечает М.Ф. Мингалимова, к числу применяемых уже сегодня профилактических мер следует назвать активизацию населения по информированию подразделений ГИБДД о фактах управления транс-

портными средствами лицами, находящимися в состоянии опьянения; внедрение образовательных модулей, касающихся запрета на управление транспортного средства в состоянии опьянения в программу автошкол, и просветительская деятельность для населения за пределами автошкол на основе контента и упражнений учебного модуля [5, с. 46].

Одним из наиболее распространенных методов профилактики является транслирование социальной рекламы. Сегодня, с ростом количества преступлений в сфере информационных технологий, в частности дистанционных мошенничеств, социальная реклама и упоминание об алгоритмах действий во избежание мошеннических действий на телевидении распространило свое действие не только на прайм-тайм, но и на утреннее и дневное время. Однако такой тенденции не наблюдается для социальной рекламы о безопасности дорожного движения. Ее демонстрируют в рекламном блоке вечерних новостей и в тематических передачах про автомобили, чего, по нашему мнению, недостаточно. Распространение профилактических материалов в сети Интернет также ограничивается размещением на официальных ведомственных сайтах, ресурсах органов государственной власти и местного самоуправления.

Кроме этого, проводя анализ статистических данных, стоит обратить внимание, что самый высокий риск попасть в аварию приходится на пятничный день, в промежуток с 17.00 до 19.00 [4]. Социальная реклама и прочие профилактические материалы, по нашему мнению, должны дополнительно отражать данную информацию, и призывать соблюдать особую осторожность в данный период времени.

С 2018 года в России реализуется Стратегия безопасности дорожного движения «Россия без ДТП» (далее – Стратегия), рассчитанная до 2030 года [6]. Стратегия разработана в целях определения приоритетов в области безопасности дорожного движения, направлений и способов их достижения, а также для формирования у участников правоотношений в области безопасности дорожного движения представлений относительно перспектив и ориентиров состояния обеспечения безопасности дорожного движения на территории Российской Федерации на среднесрочный период.

В числе основных направлений Стратегии:

– повышение защищенности от ДТП и их последствий наиболее уязвимых участников дорожного движения – детей и пешеходов;

– совершенствование улично-дорожной сети по условиям безопасности дорожного движения, включая развитие работ по организации дорожного движения;

– совершенствование организационно-правовых механизмов допуска транспортных средств и их водителей к участию в дорожном движении;

– совершенствование системы управления безопасностью дорожного движения;

– развитие системы оказания помощи и спасения пострадавших в результате ДТП.

Главная цель Стратегии – достижение нулевой смертности на дорогах к 2030 году. К 2024 году стояла цель достижения показателя не более 4 погибших на 100 тысяч человек населения. Учитывая существующие показатели смертности в ДТП в 2024 году и количество населения России, мы приходим к выводу, показатель остановился на отметке 8,7 погибших на 100 тысяч населения, что более чем в 2 раза больше целевого показателя. Данный вывод в очередной раз говорит о недостаточности принимаемых мер по обеспечению транспортной безопасности в области дорожного движения.

Продолжает вызывать определенные сложности случаи, когда водитель при смертельном ДТП скрывается с места совершенного преступления. В данном случае сотрудникам ДПС необходимо в кратчайшие сроки принять меры к поиску и задержанию данного водителя. На помощь правоохранителям приходят современные технические средства. Одним из последних нововведений является информационно-аналитическая система «Паутина» [7]. Единая база содержит в себе все данные с камер фото- и видеофиксации. Система изначально предназначалась для розыска угнанных автомобилей, но со временем ее технические возможности стали значительно шире. Ранее система запоминала только те авто, которые допустили нарушение, теперь же «Паутина» фиксирует все автомобили, вне зависимости от того, нарушили они или нет. Сотрудник, имеющий допуск, может указать госномер или даже фрагмент госномера автомобиля, система в ответ покажет все места и время проезда интересующего транспортного средства за указанный период. В качестве мер совершенствования, мы предлагаем внедрить технологии искусственного интеллекта (ИИ) в «Паутину». На основе получаемых сведений о местах проезда автомобиля, ИИ может построить возможный маршрут его дальнейшего движения, или района, в котором авто остановилось и может находиться. Это позволит сотрудникам ДПС отрезать возможные пути ухода нарушителя и сужать районы поиска нужного автомобиля, до того, как он успеет скрыться в гараже или ином укрытии.

Несмотря на очевидную эффективность системы, большинство камер фиксации все еще имеют невысокое качество съемки, а также остаются уязвимыми для постоянно меняющихся погодных условий. К примеру, в условиях тумана почти все комплексы фиксации нарушений не могут сделать фотографию достаточного качества для определения государственного номера транспортного средства, что часто приводит к ошибочному распознаванию.

Правовое обеспечение противодействия преступности в рассматриваемой сфере имеет немаловажное значение. Одной из наиболее применяемых статей главы 27 УК РФ является ст. 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств». С момента появления норма претерпела множество существенных изменений. По мнению множества ученых-правоведов, а также практиков, из-за указанных изменений формируется множество проблем квалификации данного преступления. Так, по нашему мнению, новые преюдициальные нормы, предусмотренные в ст.ст. 264.1-264.3 УК РФ вносят путаницу в квалификацию нарушения правил дорожного движения, т.к. соответствующие квалифицирующие признаки предусмотрены в ст. 264 УК РФ. В этой связи, предлагается упразднить эти нормы, не создавая новые проблемы квалификации по ст. 264 УК РФ, связанные с разграничением со смежными уголовно-правовыми нормами.

Проводя анализ ч. 1 ст. 264 УК РФ и примечания 1 к нему, следует отметить, что законодателем не предусмотрены спортивные автомобили, не имеющие допуска на дороги общего пользования, а также транспортные средства, изготовленные не фабричным способом (самоделки).

В связи с изложенным, необходимо уточнить примечание и изложить примечание 1 в новой редакции: «Под другими механическими транспортными средствами в настоящей статье и статьях 264.1 и 264.3 настоящего Кодекса понимаются трактора, самоходные дорожно-строительные и иные самоходные машины, а также транспортные средства, на управление которыми в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения предоставляется специальное право, а также спортивные соревновательные транспортные средства и другие самодельные транспортные средства, имеющие конструктивно схожие с автомобилями».

Учитывая высокую общественную опасность и распространенность данного преступления, по нашему мнению, необходимо предусмотреть обязательную конфискацию транспортного средства, на котором было совершено преступление. Предлагаем внести изменения в п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, изложив его в новой редакции: «д) транспортного средства, принадлежащего обвиняемому и использованного им при совершении преступления, предусмотренного чч. 2-6 ст. 264 настоящего Кодекса».

Подводя итог проведенного исследования, отметим, что нами рассмотрено только одно из направлений противодействия транспортной безопасности. Предложенные меры позволят улучшить состояние безопасности на дорогах, достичь цели по смертности в ДТП 2024 года, а также позволят приблизиться к достижению нулевой смертности к 2030 году. Эффективное противодействие преступности в данной

области достижимо только при совместных усилиях как правоохранителей, так государственных органов всех уровней.

Список цитируемой литературы:

1. О транспортной безопасности: Федер. закон от 09 февраля 2007 г. № 16-ФЗ: принят Гос. Думой 19 янв. 2007 г., одобрен Советом Федерации 02 фев. 2007 г.: [ред. от 08 августа 2024 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 7. – Ст. 837.

2. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : [ред. от 21 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – Текст : непосредственный.

3. Мингалимова, М. Ф. Актуальные вопросы предупреждения совершения преступлений в сфере безопасности дорожного движения в состоянии опьянения / М. Ф. Мингалимова // Транспортное право и безопасность. – 2024. – № 3(51). – С. 41-55.

Черноморец В. Е., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Микаутадзе С.Р., канд. юрид. наук, доцент

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация

В статье рассмотрены преступления, предусмотренные статьями 278, 279 УК РФ, признаки их состава, проблематика при квалификации данных деяний, а также пути решения указанных проблем. Приведена статистика, а также дана небольшая историческая справка.

Ключевые слова: вооружённый мятеж, конституционный строй, захват власти, безопасность государства.

Несмотря на незначительное количество совершаемых, предусмотренных статьями 278 и 279 Уголовного Кодекса Российской Федерации (за период с 2016 по 2023 года было осуждено 8 человек), каждый такой случай образует громкое и резонансное событие, как, например, возбужденное летом 2023 года Федеральной Службой Безопасности дело по вооружённому мятежу Евгения Пригожина.

Важность изучения данной темы заключается в том, что исторически сложилось так, что преступления этой категории считаются самыми опасными не просто для общества, а для существования государства в общем, «статьи 279 и 278 УК РФ, предусматривающие уголовную ответственность за вооруженный мятеж и насильственный захват власти или насильственное удержание власти, имеют важное значение в системе уголовно-правовых норм, поскольку охраняют такие важные объекты, как государство и его безопасность, конституционный строй Российской Федерации и ее территориальную целостность, государственную власть и её легитимность» [2, с. 283]. В истории достаточно много примеров, когда свержение текущего конституционного строя влекло огромное количество жертв и проблемы с экономикой. В пользу данного мнения служит и то, что санкция по данным преступлениям в текущих реалиях самые большие – до 20 лет лишения свободы, с разницей лишь в нижнем пороге. Рассмотрим эти преступные деяния и изучим их признаки их состава.

Насильственный захват власти или насильственное удержание власти – статья 278 УК РФ. Объективную сторону данного состава составляют «действия, направленные на насильственный захват власти или насильственное удержание власти в нарушение Конституции Российской Федерации, а равно направленные на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации» [1]. Обратим внимание на важный момент: не сообщается о виде насилия. В связи с этим, для квалификации не имеет значение, применялось ли опасное для жизни и здоровья насилие или нет.

Для квалификации по статье 278 УК РФ не важно наличие последствий от преступного деяния. То есть состав преступления является усечённым. Во-первых, так как действия любые (при этом направлены на насильственные захват, удержание власти, либо свержение конституционного строя), то соответственно даже покушение будет считаться уже оконченным составом. Во-вторых, сама диспозиция статьи не содержит указания на последствия. Вследствие чего, объективная сторона выражается в трёх вариантах действия: насильственный захват власти в нарушение Конституции; насильственное удержание власти в нарушение Конституции; насильственное изменение конституционного строя.

Субъективную сторону в данном случае составляет вина в форме прямого умысла, с обязательной целью.

Имеется юридический пробел при выяснении цели в диспозиции данной статьи. Выражается он в том, что статья 278 УК РФ не содержит прямого указания на цель. Однако, в этой же диспозиции указано, что действия, направленные на насильственный захват власти или

удержание власти в нарушение Конституции, а равно направленные на насильственное изменение конституционного строя, образуют состав преступления, предусмотренный статьёй 278 УК РФ. То есть, не любые действия можно считать данным преступлением, а лишь те, что имеют своей целью достижение вышеуказанных результатов.

Для решения этой проблемы, предлагается отредактировать статью 278 УК РФ в следующем исполнении: «Действия, совершаемые в целях насильственного захвата власти или насильственного удержания власти в нарушение Конституции Российской Федерации, а равно направленные на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации».

Также мы сталкиваемся с проблемой, связанной с квалификацией данного преступления по совокупности с иными преступлениями. Исходя из санкции (лишение свободы от 12 до 20 лет), а также доктринального толкования диспозиции (в которой указаны «действия», то есть любые действия) представляется правильным считать, что любые сопутствующие действия с меньшей или равной санкцией включены в статью 278 УК РФ. При этом, действия с большей санкцией нуждаются в дополнительной квалификации (например, квалифицированные виды убийства, совершение теракта и т.д.). Далее рассмотрим вооружённый мятеж.

Вооружённый мятеж – статья 279 УК РФ. Объективная сторона данного преступления состоит из двух альтернативных действия:

- организация вооружённого мятежа или руководство им;
- участие в вооружённом мятеже.

Кроме того, часть третья статьи 279 УК РФ, включает в себя последствия: смерти человека или иные тяжкие последствия. При этом ни в законе, ни в судебной практике нет определения иных тяжких последствий. Считаем, что одним из тяжких последствий выступает достижение мятежниками поставленной цели, то есть свержение или изменение конституционного строя. Однако, требуется законодательное решение проблемы либо разъяснение нормы в Постановлении Пленума Верховного Суда.

В субъективной стороне для данного преступления обязателен факультативный признак – цель. В данном случае имеется три альтернативных цели (наличие одной из них достаточно для квалификации деяния):

- насильственное свержение конституционного строя Российской Федерации;
- насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации;
- нарушение территориальной целостности Российской Федерации.

Также обратим внимание на факультативный признак субъективной стороны – цель. В данном составе присутствует указание на обязательную цель, а именно – «свержение или насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации либо нарушение территориальной целостности Российской Федерации» [1]. Аналогиично с данной статьёй предлагается внести изменения в статью 278 УК РФ.

Субъект для этих преступлений – общий, то есть вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Мы знаем, что по некоторым (даже небольшой тяжести) преступлениям подлежат ответственности лица, достигшие 14-летнего возраста. В данном же случае, законодатель исходил из того, что несмотря на тяжесть и общественную опасность преступления, лицо в 14-летнем возрасте не осознаёт и не может осознавать объект посягательства и соответственно не может иметь в качестве своей цели, насильственное изменение конституционного строя, насильственный захват или удержание власти, либо нарушение территориальной целостности Российской Федерации.

Для статей 278 и 279 УК РФ, объект преступления один и тот же, в обоих случаях – это общественные отношения, в сфере обеспечения конституционного строя и безопасности (либо национальной безопасности) Российской Федерации.

Таким образом, рассмотрев два этих состава преступления, мы изучили объективную, субъективную стороны, субъект и объект этих преступлений, а также обнаружили ряд проблем и предложили способы их устранения.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : [ред. от 21 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – Текст : непосредственный.

2. Фёдоров, Р. В Проблемы применения статей 278 и 279 Уголовного кодекса Российской Федерации / Фёдоров Р.В., Филиппов М.Ю. // Государственная служба и кадры. – 2021. – №4. – С. 281-284.

Шардыкина С. А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В. М., канд. юрид. наук, доцент

РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕНОЛЕТНИХ

Аннотация

В данной статье рассмотрены основные направления развития уголовного-судопроизводства в отношении несовершеннолетних.

В настоящее время данная тема является актуальной, поскольку несовершеннолетние дети подвержены влиянию взрослых, важно доносить детям о том, что уже в юном возрасте предусмотрена ответственность за деяния, которая в дальнейшем повлияет на судьбу человека и жизнь в целом.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, несовершеннолетний, российское законодательство, Устав уголовного судопроизводства, Уголовно-процессуальный кодекс, Следственный комитет.

Уголовное судопроизводство является самым суровым видом производства, так как предусматривает существенное притеснение, или даже ограничение прав и свобод человека и гражданина, его личной жизни, а самое основное – накладывает серьезный отпечаток на личность и дальнейшую судьбу человека, с которым даже взрослому справиться довольно непросто. [3, с. 44].

В уголовном судопроизводстве система и способы к взрослым подозреваемым/обвиняемым и к несовершеннолетним должны быть различны, так как несовершеннолетнее лицо – это лицо, не достигшее возраста 18 лет, которому необходим исключительный подход к его проблемам**.**

К данной группе лиц относятся ментально, физиологически и психологически незрелые, которые находятся в состоянии пубертации, у них отсутствует необходимый объем правовой грамотности, а так же они зависимы от родителей, как в материальном аспекте, так и в психологическом. И неважно, в какой семье (обеспеченно/малообеспеченной; благополучной/неблагополучной) растет несовершеннолетний. Важно общение с детьми, донесения до них жизненной позиции, моральных норм и ценностей для полноценной жизни в обществе.

Бывает, что в благополучной и обеспеченной семье подросток совершает разного рода преступления, а все вытекает из того, что в семье

не было общения, родители жили свою жизнь, и не обращали внимание на проблемы и трудности ребенка, тем самым « покупая его», но ребенок из-за такого взаимодействия делает вывод, что все можно монетизировать, а основные ценности ему не привиты, и следовательно нет основных понятий поведения в обществе , уважения окружающих и отсутствуют элементарные понятия «плохо» и «хорошо».

В случае же, если подросток живет в асоциальной семье всю жизнедеятельность этой семьи он перенимает на себя и не знает как подругому, для него это норма.

Чаще всего в небогатой благополучной семье, в которой родители проводят много времени с ребенком, доносят основные нормы морали и ценности вырастает законопослушный гражданин. Есть выражение «не воспитывайте ребенка, а воспитывайте себя», поскольку ребенок все равно будет похож на родителей.

Из-за того, что подросток совершил, либо собирается совершить определенное деяние, уголовное судопроизводство сталкивается с важными аспектами формирования личности несовершеннолетнего.

Следовательно, это говорит о том, что родители, образовательные учреждения и другие социальные группы, окружающие несовершеннолетнего не сумели внести в него моральные взгляды и ценности, не научили распознавать дурное от благого, а так же принимать решения, в соответствующей ситуации.

Важность моего рассмотрения данной темы подкрепляется процентным показателем за 2024 год.

Председатель Следственного комитета Российской Федерации Александр Иванович Бастрыкин обратил внимание, что число особо тяжких преступлений среди несовершеннолетних выросло на 22%.

Об уголовном судопроизводстве в отношении несовершеннолетних впервые заговорили еще во второй половине восемнадцатого века при императрице Екатерине Алексеевне, она издала Указ «О производстве дел уголовных, учинённых несовершеннолетними, и о различии наказания по степени возраста преступников».

Уголовный процесс долго совершенствовался. И на вторую половину девятнадцатого века пришлись преобразования истолкования правового статуса несовершеннолетнего, которые зафиксированы в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года, который является основополагающим документом судебной реформы Александра III.

В нем закреплялись отдельные правила, которые касались судебного преследования несовершеннолетних, но не устанавливали особое производство для них. Производство в отношении несовершеннолетних осуществлялось в общем порядке.

В Уставе уголовного судопроизводства были установлены такие положения, как:

- запрет на допуск лиц к свидетельству под присягой, не достигших 14 лет, потом вследствие этого появилась возможность участия в судопроизводстве законных представителей

- важность выяснения, как действовал обвиняемый с «разумением» или без.

- необходимость введения возраста для определения вероятности возможности вменения в вину несовершеннолетнему содеянного им преступления. А если было невозможно точно установить возраст, то необходимо было проведение медицинского освидетельствования. Для экспертной оценки в суд приглашались специалисты в области медицины, педагогики и психологии. В случае, если было установлено, что лицо совершило преступление «без разумения», то уголовное преследование в отношении него прекращалось. [5, с. 43].

Уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних продолжалось совершенствоваться, но в 1917 году случились революционные движения, в связи с которыми Устав уголовного судопроизводства прекратил своей действие, и внимание переключилось на комиссии, отвечающие за деяния несовершеннолетних. Вследствие этого у несовершеннолетнего подозреваемого/обвиняемого ограничились права на защиту, а судопроизводство приобрело сокращенную форму.

В 1922 году Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР представлял собой закон, состоявший из пяти отделов, в отношении несовершеннолетнего были указания на тех, кто признается законным его представителем, также устанавливался возраст несовершеннолетнего медицинским освидетельствованием.

В 1961 г. Был принят новый Уголовно-процессуальный кодекс, в нем произошли изменения в производстве по делам несовершеннолетних, этому производству был выделен целый раздел. В него включались статьи об участии в судебном заседании законных представителей несовершеннолетнего подсудимого, участии педагога в допросе несовершеннолетнего обвиняемого, а также статья о применении судом к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного характера.

Современное уголовное судопроизводство связано с принятием Уголовно-процессуального кодекса РФ 2001 г., судопроизводству в отношении несовершеннолетних посвящается 50 глава. В него было внесено множество изменений, улучшений и адаптаций, четко прописаны какие обстоятельства подлежат доказыванию, ряд статей посвящен представителю обвиняемого/подозреваемого несовершеннолетнего, т.е. его права, как в досудебном заседании, так и в судебном. Так

же такие статьи как прекращение уголовного судопроизводства с применением принудительной меры воспитательного воздействия; вопросы ,разрешаемые при постановлении приговора в отношении несовершеннолетнего; и освобождение судом несовершеннолетнего подсудимого от уголовной ответственности/от наказания с применением мер воспитательного воздействия.На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что уголовно-процессуальное законодательство не стоит на месте, а постоянно совершенствуется, подстраивается под действительность происходящего, вносит коррективы в существующие нормы или создает абсолютно новые.

Уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних, которое детально упорядочено Уголовно-процессуальным кодексом РФ обладает своей определённой спецификой, важно быть внимательным в дальнейшем развитии законодательства в данном направлении.

Список цитируемой литературы:

1. Юрченко, Л. В. Развитие уголовного судопроизводства по делам в отношении несовершеннолетних (ювенальное судопроизводство) / Л.В. Юрченко // Вестник ОГУ. Серия: Право. – 2008. – вып. 3. – С. 73-78.

2. Маслова, Л. И. Концепция развития ювенальной юстиции в России и процессуальный статус несовершеннолетних, подвергающихся уголовному преследованию / Л.И. Маслова // Вестник ОмГУ. Серия: Право. – 2000. – вып. 3. – С.110-113.

3. Власов, А. Г. Роль восстановительного правосудия в развитии уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних / А.Г. Власов // Развитие территорий. Серия: Право. – 2018.– вып. 2(12).– С. 44-49.

УДК 343.1

Шубина Д.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В. М., канд. юрид. наук, доцент

УЧАСТИЕ ЗАЩИТНИКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация

В данной статье представлен анализ становления обособленного института правозащитника в лице адвоката, возложения требований предъявляемых к кандидату на эту должность, введения полномочий, начиная с его зарождения в период раздробленности, заканчивая четко сложившейся в настоящее время системой, которая играет ведущую роль по оказанию квалифицированной юридической помощи населению.

Ключевые слова: правозащитник; пособник; судебное представительство; адвокат; судебный процесс; независимость; юридическая консультация; присяжный поверенный; депутат; институт представительства; состязательность; гласность; законность.

В настоящее время институт судебного представительства в Российской Федерации представляет собой развитую правовую систему, регламентированную различными нормативно правовыми актами, наличие которых позволяет участникам соответствующего производства получить квалифицированную юридическую помочь и защиту. Сложившаяся модель адвокатуры в нашем государстве обязана не только заимствованной практике европейских стран, но и длительному, изначально самобытному, основанному на традициях историческому пути. Очевидно, что первоначальные полномочия защитника, как прототипа адвокату сегодня, имеют существенные различия с каждым из периодов реформации этой системы.

Становление института правозаступничества и субъекта осуществляющего соответствующие задачи в судопроизводстве несет свое закрепление в XV веке. Псковские и новгородские законы указывали на возможность участия наемного пособника в судебном процессе, в виде представителя определенного круга лиц. У сторон судопроизводства были равные права на внимание судей и правосудие. Однако этот и последующие правовые памятники не закрепляли организационную форму адвокатов. Указ «О форме суда» изданный Петром I включал в себя понятие присяжных поверенных. Они пользовались

автономией, поскольку такую должность могли занимать депутаты, представляющие интересы лишь того сословия, к которому относились сами – купеческого, духовного, воинского, исключением была защита крестьянина помещиком. Так же данный нормативный акт включал в себя полномочия, которые заключались в возможности осуществления замены стороны в судопроизводстве, в оказании, пусть не привычной для настоящего времени юридической помощи в рамках судебного разбирательства. Было установлено правило, по которому присутствие присяжного поверенного при проведении следственных действий являлось необходимым. Депутаты делились на постоянных и временных. Постоянные относились к духовному ведомству и присутствовали при проведении производства следственных действий на регулярной основе, временные относились к остальным сословиям и теряли свои полномочия при завершении конкретного следственного действия. Несмотря на данные нововведения, Петр I считал, что «адвокат своими пространными ходатайствами больше утруждает судью и запутывает дело, чем ведет к его скорейшему разрешению» [2 С. 41]. Мнение последователей императора было солидарным и складывалось на убеждении, что адвокат несет вредное влияние на политику и жизнь страны. Данный консерватизм и сложившийся постулат привели к застою в реформировании института представительства.

В ходе либеральных реформ Александра II в 1862 году осуществилось начало преобразованию судебной системы. Императорские годы правления установили позицию о том, что единственным способом судопроизводства должен быть процесс, основанный на принципе состязательности. Было реализовано отделение судебной системы от исполнительной власти в виде администрации, стало применяться избрание мировых судей. Отмена крепостного права привела к подрыву монополизации дворянства, в частности в судебной сфере, что послужило возникновением актуальности проведения следующей реформации. В сложившихся обстоятельствах Александр II издал Судебные уставы 1864 года. Официально закреплялись «присяжные поверенные, без которых решительно невозможно будет введение состязания в гражданском и уголовном процессе с целью раскрытия истины и предоставления полной защиты перед судом»[6, С. 74]. Адвокаты получили независимость, а так же стали осуществлять свою деятельность согласно введенным дисциплинарным правилам, которые послужили прототипом существующему в настоящее время Кодексу профессиональной этики адвоката. Надзорным органом стал Совет присяжных. Для того чтобы избежать монополии поверенных было введено деление на: частных – осуществляющих свою деятельность индивидуально, а так же на присяжных – принявших присягу в соответствии со

своим вероисповеданием. Стоит учитывать, что полномочия адвокатов, в зависимости от их принадлежности к указанным группам, не имели существенной разницы. Профессиональные объединения присяжных поверенных организовывались по месту размещения судов. Вводилась должность помощника присяжного поверенного, а так же условия прохождения стажировки. Для претендента желающего стать поверенным ввели необходимые критерии: наличие юридического образования, возраст более 20 лет, стаж работы в соответствующей сфере 5 лет, отсутствие принадлежности к зарубежным государствам. Адвокатам запрещалось вести дела против лиц, с которыми они имели родственную связь, запрет распространялся на представительство обеих сторон судопроизводства и на смену одной стороны разбирательства на другую. Присяжные поверенные получили права на ведение гражданских дел, удостоверение полномочий, как посредством доверенности, так и словесным объяснением, им предоставлялось право на вознаграждение за осуществляемую деятельность и защиту лиц, обвиняемых в преступлениях против государства в Верховном уголовном суде. В основном работа поверенного была индивидуальной и заключалась в ведении судебных споров, выступлении перед судом в открытом заседании и сборе документов. Введенные процессуальные изменения повысили эффективность и качество уже профессиональной адвокатской деятельности благодаря установлению основополагающих принципов устности и гласности. При отсутствии доступа к предварительному расследованию, адвокаты получили возможность свиданий с арестованным и дачи им консультаций. Девяностые годы XIX века внесли еще более сходные с современностью полномочия адвоката, теперь они могли участвовать в апелляционном производстве, и были обязаны участвовать в предварительном следствии в отношении несовершеннолетних.

В революционный период был выпущен Декрет о суде. На смену адвокату пришёл защитник, им мог стать любой человек – «наличие юридического образования или иных специальных навыков не требовалось» [3, С. 219]. Институт адвокатуры утратил свою независимость. Положение о народном суде от 1918 года устанавливало полномочие судьи на возможность отстранения защитника от предоставления прав и законных интересов клиента. Понижение былой эффективности адвокатской деятельности в судебных разбирательствах связано и с возникновением чрезвычайных трибуналов для осуществления политических репрессий. Трибуналами совершалась недопустимая деятельность – осуществление смертной казни без судебного производства по административному порядку допускалось осуществление переправления лица в трудовые лагеря. Повышенная скорость осуществления так

называемого «правосудия» привела к отсутствию необходимости участия в производстве обвинителя и защитника. Политическое вмешательство в судебную систему прочно установилось в советском обществе. Коллегии обвинителей и защитников прекратили своё существование. Созданные для оказания юридической помощи отделы юрисдикции не соответствовали соотношению их работников по отношению к населению, что привело к отсутствию возможности получения квалифицированной защиты прав.

Капиталистическая политика внесла изменения в прежний государственный уклад, что привело к необходимости восстановления прежних правозащитников. Судебная реформа НЭПа учредила в 1922 году автономную адвокатуру и восстановила коллегии защитников в полномочия которых вошли юридическая консультация и участие в делах по назначению суда. От защитника власть требовала, чтобы он «помогал суду» и «не мешал следствию». Адвокат был «обязан защищать права подсудимого, если только был полностью уверен в его невиновности в том, что преступление было совершено случайно или в деле имелись какие-нибудь смягчающие обстоятельства» [5, с. 3]. Индустриализация 1928 года привела к уходу юридического образования, упрощенному уголовному судопроизводству осуществляемому без представителя.

Оттепель Хрущёва не привела к отмене влияния государственных органов на адвокатскую деятельность. Вернулись прежние требования к лицу занимающего эту должность, вводились гарантии профессии. Обязательным для адвоката стало участие в просветительской деятельности, популяризация права.

С введением в 1977 году Конституции развитого социализма стала реформироваться и адвокатура как публичный институт. Статья 1 Закона РСФСР обозначила полномочия адвокатов – участие в осуществлении правосудия, ведение административных и судебных дел, оказание бесплатной юридической помощи и консультации. Была учреждена единая организационно-правовая форма деятельности – коллегия адвокатов, в неё могли войти лица с высшим юридическим образованием и стажем работы в соответствующей сфере более 2 лет. Были установлены полномочия общего собрания адвокатов, президиума коллегии адвокатов, председателя президиума коллегии адвокатов и ревизионной комиссии. Теперь институт адвокатуры можно было назвать негосударственной самоуправляемой корпорацией.

Конец XX века привел к возникновению частной собственности и предпринимательской деятельности, введению масштабных законодательных изменений. Международно-правовой принцип права на защиту закрепился в статьях 45 и 48 Конституции РФ, в статье 16 Уголов-

но-процессуального кодекса от 2001 года. УПК РФ считается нормативно-правовым актом, главной задачей которого является обеспечение гарантий реализации прав на судебную защиту и состязательность. Общественные изменения требовали оказания квалифицированной помощи по возникающим спорам, которые не имели прецедентов. На смену устаревшему Положению об адвокатуре РСФСР от 1980 года был создан 31 мая 2002 года Федеральный Закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», который положил начало новой эпохе развития института правозащитника в судопроизводстве Российской Федерации.

История развития института защитника в судопроизводстве длиною в 7 столетий показала, что насыщенный путь эволюции правовой системы и общества в целом устойчиво закрепили основные принципы в Российском процессе. В современности участие адвоката в уголовном производстве считается высокоразвитым и эффективным. Адвокаты играют ключевую роль в защите интересов своих клиентов, обеспечивая им доступ к правосудию и компетентную защиту на всех стадиях уголовного процесса. Система адвокатуры гарантирует не только соблюдение прав обвиняемых, но и способствует повышению качества правоприменения, что в конечном итоге укрепляет доверие общества к судебной системе. Таким образом, адвокатура продолжает оставаться важным элементом правового государства, что обеспечивает защиту прав и свобод граждан, а её развитие свидетельствует о прогрессе в области правосудия и прав человека.

Список цитируемой литературы:

1. Бирюкова, О.В. Историко-правовой анализ развития института адвокатуры в России / О.В. Бирюкова // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2020. – вып. 4. – С 346-352.

2. Буробина, В. Н. Адвокатская деятельность: Учебно-практическое пособие / В.Н. Буробина // Адвокатская фирма «Юстина». – 2005. – С. 604.

3. Гаврилова А.В., Козлова Н.В. Образовательный ценз как критерий профессионализма кадрового состава в правоохранительной системе в советском государстве / А.В. Гаврилова, Н.В. Козлова // Современная научная мысль. – 2017. – вып. 6. – С. 218-225.

Научное издание

МИР И РОССИЯ
в условиях новой реальности

Материалы XXII Всероссийской очной
студенческой научно-практической конференции

Том 5

Секция 4
Юридическая наука как элемент модернизации современного общества
Подсекция 2. Уголовное право и процесс

(24 апреля 2025, г. Липецк)

Липецкий филиал РАНХиГС
г. Липецк, ул. Интернациональная, 3

АНО «НАУКА-ЮНИПРЕСС»
394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86Б, 2
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 15,5. Тираж 100 экз.
Отпечатано в типографии АНО «НАУКА-ЮНИПРЕСС»
394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86Б, 2